ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 3 (15) 2023

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 3 (15)

2023

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 3 (15) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный редактор номера
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН),

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2023
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2023

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 3 (15)

2023

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 3 (15) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2023
© Orel State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Михальченко В.Ю. Этапы развития отечественной социолингвистики: СССР, Россия.. 8

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Новописьменные дагестанские языки: правовой статус и функционирование. 16

Замятин К.Ю. Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке. 29

Кожемякина В.А. Языковая политика Франции в отношении региональных языков . .. 53

Кондрашкина Е.А. Федеральный и региональный аспекты языковой политики в системе школьного образования Чувашской Республики. 70

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Кузьмина А.А. Социолингвистический аспект речевой деятельности коренных малочисленных народов Севера (на материалах Республики Саха (Якутия)) 80

Чжан Цибинь. Языковая ситуация в сообществе региона Чаошань: пилотное исследование .. 98

ЯЗЫКОВОЙ АКТИВИЗМ

Ретинская Т.И. Модели реализации языкового активизма во Франции (на материале арденнского регионолекта) 125

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Иванов В.В. Перспективы изучения многоязычия в Республике Бурятия сквозь призму языкового ландшафта города Улан-Удэ 134

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Заимствование языковое ***(Орешкина М.В.)*** 147

Требования и рекомендации к оформлению статей 171

CONTENTS

Editorial preface. 7

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

Mikhalchenko Vida Yu. Stages of development of sociolinguistics: USSR, Russia 8

LANGUAGE POLICY

Ataev Boris M., Ibragimova Mariza O. Newly written Dagestan languages: legal status and functioning 16

Zamyatin Konstantin Yu. Research on language policy as public policy in Russian and world science 29

Kozhemyakina Valentina A. Language policy of France with respect to the regional languages. . . . 53

Kondrashkina Elena A. Federal and regional aspects of language policy in the school system of Chuvash Republic 70

LANGUAGE SITUATION

Kuzmina Angelina A. Sociolinguistic aspect of speech activity of the indigenous Peoples of the North (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)) 80

Zhang Qibin. Language situation in the Chaoshan community: a pilot study. 98

LANGUAGE ACTIVISM

Retinskaya Tatiana I. Models of implementing language activism in France (based on the Ardennes regiolect) 125

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

Ivanov Viacheslav V. Prospects for studying multilingualism in the Republic of Buryatia through the prism of the linguistic landscape of the city of Ulan-Ude. 134

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Language borrowing (***Oreshkina Maria V.***) 147

Style sheet 171

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Перед Вами 15 выпуск журнала «Социолингвистика», традиционно освещающего актуальные вопросы социальной лингвистики – этапы развития отечественной социолингвистики, современную специфику функциональной дистрибуции языков и языковой ситуации в разных регионах мира, модели современного языкового активизма, локальные аспекты языкового ландшафта и др. Особое внимание в номере уделяется теме языковой политики в общетеоретическом и практическом планах. Так, в номере дискутируется важность междисциплинарного подхода в исследовании языковой политики в мировой и российской науке. Обращается внимание на новый для российской социолингвистики подход, рассмотрение языковой политики как публичной политики, что подразумевает переоценку роли государства и других субъектов политики в современной языковой политике в России. В статьях номера анализируются изменения в федеральной и региональной языковой политике в России в проекции разных исторических периодов, результаты этих изменений и их влияние на статус и функции национальных языков страны. Поскольку реализация языковой политики происходит через языковое законодательство, а именно через концепции, программы и т.д., в фокусе внимания исследователей находятся языковое законодательство, поиск решения гармонизации функционального и правового статусов языков, что расширяет круг проблем, связанных с их сохранением и развитием.

Надеемся, что данный номер журнала «Социолингвистика» вызовет здоровые научные дискуссии, что внесет вклад в поиск наиболее оптимальных путей решения общетеоретических и прикладных задач социальной лингвистики.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ
THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-8-15

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ: СССР, РОССИЯ

Вида Ю. Михальченко
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье анализируются три этапа развития социолингвистики в СССР и позже в России. Автор изучает особенности формирования каждого из трех обозначенных периодов развития науки. Рассматриваются важные изменения, произошедшие в статусе социальной лингвистики за исследуемый период. Исследуются особенности формирования социолингвистики как междисциплинарной науки. В первом этапе (1920–1930) социальная лингвистика зарождалась при решении конкретных практических проблем языкового строительства отдельных языков, например, выбор основы письменности, диалекта при создании письменностей для ранее бесписьменных языков. Анализ второго этапа (1960–1980) посвящен становлению социолингвистики как междисциплинарной лингвистической науки, а также освещению роли всемирно известного ученого профессора Юнуса Дешериевича Дешериева в руководстве научно-организационной деятельностью и в собственно научной работе по социолингвистике в СССР, а позже в России. Автор отмечает, что и в третьем периоде развития отечественной социолингвистики (1990-е – по настоящее время) сохраняются основные идеи Ю.Д. Дешериева и светлая память о нем людей, работавших под руководством большого ученого. Подчеркивается сохраняющаяся актуальность идей Ю.Д. Дешериева для современной социальной лингвистики.

Ключевые слова: *социолингвистика, терминология социолингвистики, Ю.Д. Дешериев, этапы развития социолингвистики в СССР, этапы развития социолингвистики в России*

STAGES OF DEVELOPMENT OF SOCIOLINGUISTICS: USSR, RUSSIA

Vida Yu. Mikhalchenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article analyzes the three stages in the development of sociolinguistics in the USSR, and later in Russia. The author studies the features of the formation of each of the three designated periods of development of science. The important changes that have occurred in the status of social linguistics over the time period under study are considered. The features of the formation of sociolinguistics as an interdisciplinary science are explored. In the first stage (1920-1930s), social linguistics gained a stimulus for development due to the necessity of solving specific practical problems of the language construction of individual languages, for example, choosing the dialect basis of writing when creating writing systems for previously unwritten languages. The analysis of the second stage (1960-1980s) is devoted to the formation of sociolinguistics as an interdisciplinary linguistic science, as well as

highlighting the role of the world-famous scientist Professor Yunus Desherievich Desheriev in the coordination of scientific and organizational activities and in the actual scientific work on sociolinguistics in the USSR, and later in Russia. The author notes that the main ideas of Yunus D. Desheriev are still used in scientific works. The author also notes that the bright memory of him as a great scientist is treasured by people who worked under his guidance. The continuing relevance of the ideas of Yunus D. Desheriev's for the modern social linguistics is emphasized.

Keywords: *sociolinguistics, terminology of sociolinguistics, Yu.D. Desheriev, stages of development of sociolinguistics in the USSR, stages of development of sociolinguistics in Russia*

Светлой памяти выдающегося социолингвиста Ю.Д. Дешериева

Социальная лингвистика является относительно молодой отраслью лингвистической науки, берущей начало в 1920–1930 годах XX в., годах языкового строительства. Она имеет междисциплинарный характер, так как использует данные других наук (статистики, этнологии, социологии), одновременно вырабатывая собственную теорию, собственный понятийный аппарат, репертуар методов и приемов исследования, а также информацию о библиографии. Естественно, все эти показатели, с одной стороны, свидетельствуют о процессе совершенствования научных основ данной дисциплины, но, с другой стороны, формируются они в течение длительного времени. Период формирования социолингвистики как науки можно определить с 1920–1930 годов XX в. до настоящего времени, и можно четко выделить 3 этапа ее развития: 1) 1920–1930-е годы до 1960-х годов, 2) 1960–1980-е годы, 3) 1985 г. и по настоящее время.

Для первого периода характерно внимание к соотношению языка и общества – двух взаимосвязанных систем. Если внимание к социолингвистике как к науке в США возникло только в середине 1960-х годов, то в связи с новой национальной и языковой политикой советской страны – стремлением использовать родные языки народов для их развития – было необходимо создать письменности для ранее бесписьменных языков. Начался период языкового строительства, поэтому было необходимо определить основные направления и приоритеты национально-языковой политики страны. Главным вопросом стала организация образования на родном языке, что поставило задачу разработки письменностей для ряда бесписьменных языков – поиски основы письменности, основного диалекта и др. Другой проблемой было определение объема социальных функций нового письменного языка – выделение сфер коммуникации его применения в жизни языковой общности. Здесь уже требовалась теоретическая работа, которая была реализована в трудах Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Д.В. Бубриха, Н.Н. Поппе, Н.К. Дмитриева, А.М. Сухотина, К.К. Юдахина. Именно эти ученые работали над созданием алфавитов и орфографий для ранее бесписьменных языков. Благодаря их усилиям в середине 1930-х годов около 70 таких языков стали письменными языками России.

Второй этап развития отечественной социолингвистики начинается в 1960 г. Активизируются исследования в данной области науки, создаются специальные научно-исследовательские учреждения, призванные изучать теоретические и практические аспекты соотношения языка и общества. Несмотря на негативное отношение традиционной лингвистики к новой, зародившейся на практической работе языкового строительства социальной лингвистике, начинается создание научных организаций для ее поддержки и разработки социолингвистических проблем. Так, в связи с этой тенденцией в Институте языкознания АН СССР был создан сектор социальной лингвистики, а в 1962 г. при Президиуме Академии наук был создан Научный совет по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций». Руководителем этих двух важных научных учреждений, исследующих проблемы соотношения языка и общества, с момента их образования и долгие годы потом был всемирно известный ученый доктор филологических наук профессор Ю.Д. Дешериев (подробно о его научном творчестве см.: [Сайт Института языкознания РАН]).

В социолингвистическую науку пришло новое поколение исследователей, ориентированное на новые достижения лингвистики и социологии, а также на достижения 1-го этапа – на языковое строительство, его принципы и достижения. Именно в этот период были созданы теоретические основы отечественной социолингвистики, которые опирались на традицию исследований языков страны – Ю.Д. Дешериев [2019; 1-е изд. – 1977], а также учитывала западную социолингвистическую традицию – А.Д. Швейцер [1976] и опыт восточных стран в развитии языков – Л.Б. Никольский [1976].

Статус социолингвистики теоретиками второго этапа определяется тем, что она формируется как единая дисциплина на стыке различных наук, что обусловливает понимание ее предмета и выбор методов исследования. Так, Ю.Д. Дешериев дает наиболее полное определение предмета социолингвистики как изучение общих и в особенности социально обусловленных закономерностей функционирования, развития и взаимодействия языков. А.Д. Швейцер, присоединяясь к пониманию предмета социолингвистики предыдущим автором, дополнительно подчеркивает важность в процессах взаимодействия языка и общества субъективных факторов – социальных установок и социальных ценностей. Л.Б. Никольский подчеркивает значение для предметной области социолингвистики типа связи между языком и обществом: язык как отражение социума и язык как социальный фактор. Эти ученые в своих научных трудах представили широкое понимание предмета социальной лингвистики. В.А. Аврорин предлагал более узкое понимание социолингвистики, так как считал, что главным

объектом изучения может быть функционирование языков и характерные для этнических языков языковые ситуации [Аврорин, 1975].

Следует отметить, что указанные выше научные труды заложили основы отечественной теории социальной лингвистики и оказали значительное влияние на ее дальнейшее развитие, в частности на разработку понятийного аппарата. По мнению Ю.Д. Дешериева, необходимо проводить разграничение общего и отраслевого понятийного аппарата социолингвистики, так как если общий аппарат описывает систему базисных, ключевых понятий этой дисциплины, то отраслевой аппарат дает представление о различных разделах социолингвистики. Здесь необходимо отметить, что эта плодотворная идея была реализована в первом «Словаре социолингвистических терминов» [Словарь..., 2006], где благодаря системной организации материала основные базисные термины, их примерно одна тысяча, даны в заглавиях статей, а отражение разделов социолингвистики представлены в микроконтекстах – в разных словосочетаниях с этими и родственными терминами.

Интересен факт, что в теоретических работах 1970–1980 годов остается много интересного и потенциально полезного, но пока не используемого в современных научных исследованиях. Так, в книге Ю.Д. Дешериева представлены термины, лишенные описательного характера и образованные по модели традиционных интернациональных терминов лингвистики (*фонема, морфема, идеологема*), ср.: *социалема, социолингвема, лингвема, функцема*. Прежде всего, очевидно, что подобными терминами легко разграничить предметы анализа языка этнографами и социолингвистами: этнолингвистика – социолингвистика, этнолингвема – язык этноса, социолингвема – язык социума или его части. Кроме того, совершенно ясно, что такие термины помогают 1) отделить социолингвистическую терминологию от собственно лингвистической, например: язык – *лингва*, диалект – другая форма существования языка – *лингвема* и т.д.; 2) способствуют компрессии текста (ср.: язык с минимальными общественными функциями – *минимальная функцема*, язык с максимальными общественными функциями – *максимальная функцема*); 3) позволяет создавать краткие, информативные специализированные интернациональные термины: *функцемный анализ*, *лингвемная дистрибуция* и др.
В традиционной лингвистике превалируют правильно ориентирующие термины, раскрывающие содержание, например: *дополнение*, *определение*, *обстоятельств*а, *согласование* и др.
В современной отечественной социальной лингвистике, судя по «Словарю социолингвистических терминов», эта традиция была продолжена, однако мы считаем, что описательные, правильно ориентирующие термины, такие как *языковая ситуация*, *языковая политик*а, *социальные функции* и др., более уместны в политических текстах, при популяризации

социолингвистики, в публицистике, а терминологический потенциал научного наследия Ю.Д. Дешериева может быть использован в новых научных трудах по социолингвистике.

Ряд важных социолингвистических терминов предложил А.Д. Швейцер, который в своей книге в основном опирался на исследования американских ученых, на их понимание социально обусловленной вариативности языка. Наиболее часто употребляемым для социолингвистов новой генерации стал термин *социально-коммуникативная система*. Он удобен тем, что позволяет соотносить социальные функции как систему с социальной системой носителей языка, с обществом. Важными, ключевыми понятиями для системы А.Д. Швейцера были следующие термины: *языковой коллектив*, *речевой коллектив*, *языковая общность*, *речевая общность*, *социально-коммуникативная подсистема*, *комплекс ценностей*, *статус*, *роль*, *социальная установка*, *ценностные ориентации* и др.

В связи с вышесказанным необходимо отметить, что базисные термины и их связи с отраслевыми понятиями отражены в «Словаре социолингвистических терминов» 2006 г., а базисные термины представлены и в энциклопедии «Язык и общество» 2016 г. В настоящее время проводится пополнение Словаря базисными и отраслевыми терминами, делаются попытки создать многоязычный словарь социолингвистических терминов.

Для относительно молодой социолингвистической науки очень важны приемы и методы исследований. В связи с междисциплинарным характером в этой науке используются лингвистические и социологические методы, на основе которых формируются собственно социолингвистические методы и приемы. Известны методы сбора социолингвистических данных: наблюдение, опрос информантов (анкетирование или интервьюирование), изучение документов, записи речи. Изучение документов является одним из основных приемов сбора первичной информации. В социолингвистических исследованиях он присутствует в качестве изучения данных переписей населения, статистических сборников, которые являются главным источником информации о состоянии и динамике языковой ситуации, сферы общения, массовой коммуникации и др.

Для обработки материалов используется корреляционный анализ, реализуемый путем составления сопоставительных таблиц или же сложного математического аппарата. Лингвистический прием, используемый в социолингвистике, это тесты, письменные или устные, произведенные информантами исследователя. После выяснения их социальных параметров устанавливается корреляция между тестами и социальными характеристиками информантов. Отметим, кстати, что именно этот прием был использован при изучении русской разговорной речи и при изучении национально-русского двуязычия.

На втором этапе формирования социолингвистики актуальными были следующие научные проблемы: исследование языковых ситуаций в стране, в разных регионах страны и мира; классификация и типология языковых ситуаций; социолингвистическое описание 130 языков СССР. Был создан 4-томный труд «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» (1969–1976), создавались перечни и классификации сфер общения. Ю.Д. Дешериевым была составлена функционально-типологическая классификация языков (1981), в которой отражены максимальный и минимальный уровень социальных функций языков народов СССР. Максимальное количество социальных функций выполнял язык межнационального общения, а минимальное количество социальных функций выполняли бесписьменные одноаульные языки, такие как бацбийский, арчинский. Между этими двумя функциональными типами располагались остальные языки народов СССР.

Для языковых процессов в многонациональном советском обществе, по мнению ученых того времени, были характерны следующие явления: 1) функциональное развитие старописьменных и младописьменных языков, 2) широкое функционирование русского языка как языка межнационального общения, 3) развитие национально-русского двуязычия, где функционально первым был родной этнический язык. Необходимо отметить, что значительную роль в исследовании языковой жизни страны, в ее гармонизации, в профилактике национально-языковых конфликтов и в становлении социальной лингвистики сыграли советские ученые: В.В. Виноградов, В.А. Аврорин, И.Ф. Протченко, М.И. Исаев, Л.П. Крысин, Н.А. Баскаков и др. Наиболее значительный вклад в развитие отечественной социолингвистики внес профессор Ю.Д. Дешериев, который долгое время руководил сектором социолингвистики в Институте языкознания РАН и Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития …». Ю.Д. Дешериев написал множество статей и ряд монографий о языковой жизни многонациональной страны, организовал проведение ряда научных конференций в разных регионах страны, готовил научные кадры для социолингвистики. Научная деятельность Ю.Д. Дешериева – это путь развития отечественной социолингвистики от осмысления языкового строительства в 1920–1930 годах к созданию научных основ – теории, методов и предпосылок ее дальнейшего развития. Подробнее о втором этапе развития социолингвистики можно прочитать в статьях В.Ю. Михальченко и Т.Б. Крючковой [Михальченко, Крючкова, 2002].

Третий этап развития отечественной социолингвистики начался в 1985 г. в связи с перестройкой и продолжается до сих пор. Для него характерно внимание к юридической стороне регулирования социальных функций языков, тенденция к использованию в социолингвистике технических достижений, усиление внимания к языкам малочисленных языковых общностей,

стремление к сохранению языкового разнообразия страны и к прогнозированию функционального развития языков России. Главные идеи профессора Ю.Д. Дешериева все еще очень актуальны в современной науке, а те исследователи, которые когда-то работали рядом с ним, вспоминают о нем как о прекрасном, интеллигентном, целеустремленном, большом Ученом, Руководителе, Человеке.

Литература

Аврорин В.А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л: Наука. 276 с.

Дешериев Ю.Д. (2019) Социальная лингвистика: К основам общей теории. 2-е изд. М.: URSS: Ленанд. 381 с. (Из лингвистического наследия Ю. Д. Дешериева).

Никольский Л.Б. (1976) Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы. М.: Наука. 168 с.

Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. (2002) Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. №.3. С 116–142.

Сайт Института языкознания РАН, посвященный профессору Ю.Д. Дешериеву. Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/desheriev Дата обращения 21.10.2023.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН. М. 312 с.

Швейцер А.Д. (1976) Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. М.: Наука. 174 с.

References

Avrorin, V.A. (1975) Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka [Problems of studying the functional side of language]. L.: Nauka. 276 p. (In Russ.)

Desheriyev, Yu.D. (2019) Sotsial'naya lingvistika: K osnovam obshchey teorii [Social linguistics: To the foundations of general theory] 2-ye izd. M.: URSS: Lenand. 381 p. (Iz lingvisticheskogo naslediya Yu.D. Desheriyeva). (In Russ.)

Nikol'skiy, L.B. (1976) Sinkhronnaya sotsiolingvistika: Teoriya i problem [Synchronic sociolinguistics: Theory and problems]. M.: Nauka. 168 p. (In Russ.)

Mikhal'chenko, V.Yu., Kryuchkova, T.B. (2002) Sotsiolingvistika v Rossii [Sociolinguistics in Russia] // Voprosy yazykoznaniya. No. 3. Pp 116–142. (In Russ.)

Sayt Instituta yazykoznaniya RAN, posvyashchennyy professoru Yu.D. Desheriyevu [Website of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, dedicated to Professor Yu.D. Desheriev]. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/desheriev Access date: 21.10.2023. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. M. 312 p. (In Russ.)

Shveytser, A.D. (1976) Sovremennaya sotsiolingvistika: Teoriya, problemy, metody [Modern sociolinguistics: Theory, problems, methods]. M.: Nauka. 174 p. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_a "Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example".

Михальченко Вида Юозовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Россия
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: vida-mi@mail.ru

Mikhalchenko Vida Yuozovna – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: vida-mi@mail.ru

Для цитирования: *Михальченко В.Ю.* Этапы развития отечественной социолингвистики: СССР, Россия // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 8–15. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-8-15

For citation: *Mikhalchenko V.Yu.* Stages of development of domestic sociolinguistics: USSR, Russia // Sociolinguistics. 2023. No. 3(15). Pp. 8–15. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-8-15

The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 15.10.2023;
accepted for publication 23.11.2023

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-16-28

НОВОПИСЬМЕННЫЕ ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Борис М. Атаев
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
Российская Федерация

Мариза О. Ибрагимова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
Российская Федерация

В статье проведен комплексный анализ новописьменных дагестанских языков – агульского, рутульского и цахурского – в правовом и функциональном аспектах с целью прогнозирования сценариев их дальнейшего развития. Актуальность изучения правового статуса, регулирующего сохранение и функционирование языков с уязвимым уровнем витальности, обусловлена признанием особой роли языка в формировании идентичности этносов, в их социокультурном и этнополитическом развитии. Ранее освещение агульского, рутульского и цахурского языков в правовом и функциональном аспектах проводилось в контексте общедагестанских социолингвистических исследований: материал этих языков привлекался при синхронных описаниях и прогнозировании сценариев дальнейшего развития дагестанских языков. При анализе новописьменных дагестанских языков мы опирались на имеющиеся социолингвистические и нормативные источники, итоги всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. Решение проблем новописьменных языков возможно только в контексте общедагестанской и общероссийской законодательной парадигмы, что обусловливает необходимость разработки единой концепции языковой политики, предполагающей инвестиции в подготовку специалистов, издание учебных материалов, в языковые курсы для взрослых в местах компактного проживания носителей языков с низким уровнем витальности.

***Ключевые слова**: дагестанские языки, миноритарные языки, новописьменные языки, правовой статус языков, функционирование языков*

NEWLY WRITTEN DAGESTAN LANGUAGES: LEGAL STATUS AND FUNCTIONING

Boris M. Ataev
Institute of Language, Literature, and Art
of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Mariza O. Ibragimova
Institute of Language, Literature, and Art
of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

The article provides a comprehensive analysis of the newly written Dagestan languages – Agul, Rutul and Tsakhur – in legal and functional aspects in order to predict scenarios for their further development. The relevance of studying the legal status regulating the preservation and functioning of languages with a vulnerable level of vitality is due to the recognition of the special role of language in the formation of the identity of ethnic groups, in their socio-cultural and ethnopolitical development. Previously, the coverage of the Agul, Rutul and Tsakhur languages in legal and functional aspects was carried out in the context of general Dagestan sociolinguistic studies: the material of these languages was involved in synchronous descriptions and forecasting scenarios for the further development of the Dagestan languages When analyzing the newly written Dagestan languages, we relied on the available sociolinguistic and normative sources, the results of the All-Russian population censuses of 2010 and 2020. The solution of the problems of newly written languages is possible only in the context of the all-Dagestan and all-Russian legislative paradigm, which necessitates the development of a unified concept of language policy, involving investments in the training of specialists, the publication of educational materials, in language courses for adults in places of compact residence of native speakers with a low level of vitality

***Keywords**: Daghestan languages, minority languages, newly written languages, legal status of languages, the functioning of languages*

1. Введение

Дагестан известен как регион, отличающийся этническим и языковым многообразием. Достаточно отметить тот факт, что в энциклопедический словарь-справочник «Языки народов России. Красная книга» в качестве исчезающих языков малых этносов были включены агульский, андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, кайтагский, каратинский, кубачинский, рутульский, татский, тиндинский, хваршинский, цахурский, цезский и чамалинский языки [Языки народов России, 2002].

Многочисленность дагестанских языков, их различия в функциональном и правовом статусе расширяют круг проблем, связанных с их сохранением и развитием.

Целью нашего исследования является комплексный анализ в правовом и функциональном аспектах трех новописьменных дагестанских языков (агульского, рутульского, цахурского), алфавиты которых были утверждены в 1990 г., для прогнозирования сценариев их дальнейшего развития. Признание особой роли языка в формировании идентичности этносов, в их социокультурном и этнополитическом развитии обусловливает актуальность глубокого изучения правового статуса, регулирующего сохранение и функционирование языков с уязвимым уровнем витальности.

Вопросы комплексного анализа социолингвистической ситуации, ориентированной на новописьменные дагестанские языки, в монографическом плане не рассматривались. Освещение агульского, рутульского и цахурского языков в правовом и функциональном аспектах проводилось в контексте общедагестанских социолингвистических исследований, материал этих языков привлекался при синхронных описаниях и прогнозировании сценариев

дальнейшего развития дагестанских языков. [Алексеев, 1992; Атаев, 2012; Досакаев, 2015; Магомедова, 2008; Атаев, Ибрагимова, 2021].

Некоторым аспектам исследуемой проблематики были посвящены следующие публикации: статья С.Р. Мердановой и С.Н. Гасановой «Социологический портрет агульского языка» [1997], статья М.О. Ибрагимовой «История становления и направления усовершенствования графики рутульского языка» [2017], на материале трех новописьменных языков – статья М.О. Ибрагимовой и С.Д. Маллаевой «К вопросу о разработке орфографических норм младописьменных дагестанских языков» [2020], на материале цахурского языка – статья К.З. Омаханова и С. Меликовой «Tsakhur: a language in danger» [2022], на материале рутульского и цахурского языков – статья Б.М. Атаева и М.О. Ибрагимовой «Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан)» [2022].

При анализе новописьменных дагестанских языков в правовом и функциональном аспектах мы опирались на имеющиеся социолингвистические и нормативные источники и итоги всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

2. Результаты и обсуждение

Три дагестанских языка лезгинской группы – агульский, рутульский и цахурский – получили статус новописьменных 10 августа 1990 г., для них постановлением Совета Министров ДАССР были утверждены алфавиты на базе кириллицы. Предполагаемое принятие сводов орфографических правил, которое должно было происходить параллельно процессу утверждения алфавитов, было отложено на неопределенный срок. Попытки лингвистов, языковых активистов решить вопрос упорядочения орфографических норм не увенчались успехом.

До принятия письменности эти языки функционировали в качестве бесписьменных разговорно-бытовых языков, а также языков фольклора и ашугской поэзии. В сферах массовой коммуникации, делопроизводства, межнационального общения и школьного обучения использовались азербайджанский, лезгинский и русский языки.

Для народов, численность которых менее 50 тыс. человек, создание письменности – значимое событие, позволяющее надеяться на сохранение родных языков и планировать их дальнейшее развитие. При этом выбор субстандартных языковых единиц, на базе которых предполагается формировать литературную норму, является зоной внутриэтнического языкового конфликта [Биткеева, Кириленко, 2022: 203].

При отборе опорных для создания письменности диалектов использовались административный и одновременно количественный критерии: в основу формируемого

литературного агульского языка лег тпигский (или собственно агульский) диалект, локализованный в райцентре Агульского района – селении Тпиг; опорным диалектом для рутульского языка – мухадский диалект, локализованный в селении Рутул, райцентре Рутульского района; для цахурского языка – цахский диалект, локализованный в селе Цахур, по названию которого именуется народность.

Агульцы компактно проживают в 16 селениях Агульского и в 5 селениях Курахского районов Дагестана. Переселенцы живут также в Дербенте и его окрестностях, в Махачкале, за пределами Дагестана – в Азербайджане, в городе Сумгаите, в Киргизии (с периода коллективизации), с 1980-х годов – на Ставрополье. Ближайшими соседями агульцев являются даргинцы (на севере и северо-востоке), табасаранцы (на востоке), лезгины (на юге) и рутульцы (на юго-западе).

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., в России проживали 34 160 агульцев, из них родным языком владели 25 664 человека. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность агульцев незначительно возросла – до 34 576 человек, из них родным агульский язык считают 33 182 человека, при этом носителями языка являются только 20 563 человека.

Рутульцы проживают в верховьях реки Самур и в долине реки Ахтычай в Дагестане и в шести селениях в Азербайджане.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., численность рутульцев составляла 35 240 человек, из которых 30 360 владели рутульским языком. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., число рутульцев в России уменьшилось до 34 259 человек. Кроме традиционного названия «рутульцы», в переписи в качестве этнонимов назывались «рутулы», «борчинцы», «ихрекцы», «хновцы». Это объясняется стремлением носителей субстандартных разновидностей языка (в данном случае – диалектов и говоров) не признавать доминирующим тот идиом, на основе которого формируется литературно-нормированный язык.

Ускоренными темпами идет процесс утраты навыков владения родным рутульским языком – в России им владеют 13 591 человек. Возможно, эти цифры отличаются вдвое от показателей 2010 г. в связи с отсутствием учета владеющих «борчинским», «ихрекским» и «хновским» языками. При этом рутульский называют родным языком 33 104 человека.

Цахурцы в настоящее время проживают в 30 селениях и 6 кутанных хозяйствах. Из них 12 селений и 6 кутанных хозяйств (Бабаюртовский район) расположены в Республике Дагестан; 18 селений – в Закатальском и Кахском районах Азербайджана. В 6 селениях Азербайджана цахуры смешанно проживают с азербайджанцами и аварцами. Значительное число цахуров

проживают в городах Закаталы, Кахи, Шеки, Мингачаур, Гянджа, Сумгаит, Баку и др. Территориально цахуры граничат на востоке с рутульцами, на севере – с лакцами и арчинцами, на северо-западе и западе с аварцами, на юге – с азербайджанцами и грузинами.

Согласно переписи 2010 г., численность цахурцев в России составляла 12 769 человек, по сведениям переписи 2020 г., численность цахурцев (цахуров, йихбы) – 12 541 человек – не претерпела заметных изменений. В Азербайджане на момент переписи 2009 г. проживали 12 289 цахурцев. Точный учет практически невозможен, т.к. многие цахуры, проживающие в Азербайджане, зафиксированы как азербайджанцы и лезгины.

Цахурский язык назвали в 2020 г. родным 11 412 россиян. При этом численность говорящих на цахурском языке в России уменьшилась с 10 596 чел. (2010) до 6340 (2020); сравнение показателей двух переписей позволяет констатировать, что заметно снизилось и число носителей языка в Дагестане за десять лет: 8965 (2010) и 5 053 (2020).

Большая часть населения исследуемых малочисленных народов дву- и многоязычна в силу социолингвистических обстоятельств. Так, для части агульцев, рутульцев и цахурцев в настоящее время русский – единственный язык коммуникации вне ареала компактного проживания. Аналогичная ситуация сложилась и в Азербайджане, где часть молодого поколения цахурцев и рутульцев владеет только азербайджанским языком.

Исторически рутульцы и цахурцы владели азербайджанским и лезгинским языками, значительная часть агульцев знала лезгинский язык. С 1934 г. в Рутуле выходила газета на азербайджанском языке «Гызыл чобан» («Красный чабан»). В с. Хнов 90–95 % рутульского населения владели азербайджанским языком, на котором они общались с лезгинами. На азербайджанском языке велось делопроизводство в сельсоветах и колхозах Рутульского района. В местах компактного проживания агульцев обучение в школах с 1920-х и до 1952 г. осуществлялось на лезгинском языке, в рутульских и цахурских школах – на азербайджанском языке. С 1952/53 уч. года носители новописьменных языков перешли на обучение на русском языке.

В течение веков агульский, рутульский и цахурский языки функционировали как разговорно-бытовые. Образованные представители трех малых народов освоили арабскую письменность: они писали либо на арабском языке, либо на аджаме – арабской графике, приспособленной к фонетическим особенностям родных языков, о чем свидетельствуют многочисленные эпиграфические памятники Южного Дагестана.

Смена политических парадигм повлекла за собой и изменения в языковой политике. Так, в 1928 г. для дагестанских языков с большим числом носителей были введены алфавиты на основе латиницы. В этот период А.Н. Генко составил алфавит и для цахурского языка (1934),

С.А. Джафаров издал ряд учебников на основе этого алфавита. Процесс приостановился в 1938 г. в связи с переводом алфавитов младописьменных языков СССР с латиницы на кириллицу, издание учебной литературы и преподавание на цахурском языке были прекращены. Попытка А.Н. Генко составить алфавит для рутульцев изначально была признана нецелесообразной по нескольким причинам, среди которых Л.И. Лавров выделяет «нежелание населения, малая его численность, отсутствие подготовленных кадров и, наконец, почти поголовное знание рутульцами такого развитого языка, как азербайджанский» [Лавров, 1962: 151].

В 1938 г. был осуществлен переход с латинской графики на модифицированную кириллицу, но новописьменных языков эта реформа не коснулась.

В 1935–1938 гг. функционировало начальное обучение на цахурском языке. Было издано восемь учебников. Однако через четыре года преподавание и издание книг на цахурском языке прекратилось. Возобновлено оно было лишь в 1990 г., но уже на новом, кириллическом алфавите, содержащем 50 графем, из которых 17 имеют комбинированную передачу. Опорой литературного языка был выбран цахский диалект.

В Азербайджане цахурская письменность с 1990-х годов функционирует на латинице.

До 1980-х годов рутульцы и цахурцы в возрасте старше 50 лет при межэтническом общении отдавали предпочтение азербайджанскому языку, старше 40 лет общались как на русском, так и на азербайджанском, а лица моложе 40 пользовались русским языком. Агульцы в целом отдавали предпочтение лезгинскому языку как языку межнационального общения.

В соответствии со ст. 11 Конституции Республики Дагестан, «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана. В Республике Дагестан гарантируется всем народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития». Однако официальный статус имеют аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский и чеченский языки. С начала XXI в. функцию языка массовой коммуникации, делопроизводства, межнационального общения и обучения выполняет русский язык (исключение составляют отдельные теле- и радиопередачи на родных языках). Исследователи объясняют этот феномен полифункциональностью русского языка, подчеркивая, что «коммуникативная мощность определяется количеством социальных функций языка» [Биткеева и др., 2019: 11].

По результатам Всероссийской переписи населения 2020 г., около 90 % агульцев (31 796 человек из 34 576), рутульцев (31 697 человек из 34 259) и цахурцев (11 578 человек из 12 769), владеют русским языком. Высокий уровень владения русским языком говорит о возросшей роли языка межнационального общения. Не знают его только некоторые люди старшего поколения –

от 70 лет и старше, проживающие в селах.

После утверждения алфавитов в начале 1990-х годов на новописьменных языках были изданы буквари. Начиная с 1992/93 уч. года, реализуются разработанные для 1–4 классов программы обучения на родных языках, издаются образцы фольклора и поэтические произведения.

Подготовка специалистов по новописьменным языкам велась в Дагестанском государственном университете, в Дагестанском государственном педагогическом университете и в Дербентском профессионально-педагогическом колледже. На сегодняшний день осуществляется подготовка только специалистов агульского языка в ДГПУ и Дербентском профессионально-педагогическом колледже. Требование формировать группы из пяти студентов, которое трудно выполнить в отношении носителей новописьменных языков, заставляет вузы и средние профессиональные учреждения отказываться от подготовки учителей по агульскому, рутульскому и цахурскому языкам. Кроме того, отсутствие желающих получить диплом специалиста родного языка связано с отсутствием перспектив использования полученных знаний на фоне последних государственных нормативных актов, постулирующих добровольный выбор родного языка в качестве предмета изучения (ст. 14. п. 6 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации»).

Вследствие перечисленных выше факторов письменность новописьменных языков востребована только лингвистами, учителями школ, работниками СМИ, осваивающими графические системы по роду профессиональной деятельности.

С принятием письменности на исследуемых в статье языках начали издаваться общественно-политические газеты, имеющие статус республиканских: «Агъуларин хабар» («Агульский вестник») на агульском языке, «МыхаIбишды цIинды хабарбыр» («Рутульские новости») на рутульском языке, «Нур» («Свет/Луч») на цахурском языке.

Ежедневно транслируются радиопередачи, еженедельно выходят передачи, подготовленные Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Дагестан», и один раз в месяц показывают передачи на канале «РГВК Дагестан» (РГВК – Республиканская государственная вещательная компания).

Постепенно развивается литература на агульском, рутульском и цахурском языках, соответственно, формируются литературные языки. Ведется работа по изданию учебной и методической литературы.

Анализ социолингвистической ситуации в Дагестане позволяет констатировать, что нормы языкового законодательства, одинаковые для всех письменных языков, на деле

реализуются непропорционально. Дисбаланс в этой области заметен при анализе разных сфер функционирования.

Отсутствует контроль баланса при издании учебников по письменным и новописьменным языкам. Казалось бы, за 30 лет можно было изыскать возможность издать учебники по трем языкам для средней школы, но изданы только учебники родного языка и чтения для начальной школы. При этом фонд учебников, издаваемых спорадически и небольшими тиражами, в школах Агульского и Рутульского районов безнадежно устарел, учителя вынуждены изготавливать ксерокопии немногих сохранившихся экземпляров. Между тем макеты учебников по новописьменным языкам, подготовленные специалистами, годами лежат в готовом виде, ожидая очереди на издание.

Непростую ситуацию с преподаванием новописьменных языков усугубило принятие последних государственных нормативных актов о «свободном» выборе изучаемого родного языка.

Нет специальной программы подготовки педагогических и научных кадров по новописьменным языкам, которая стимулировала бы реализацию задач на уровне высших и средних профессиональных образовательных учреждений, научно-исследовательских институтов.

Относительный баланс сохраняется в таких сферах функционирования языков, как трансляция радио- и телепередач на родных языках, издание газет республиканского статуса на младописьменных языках.

3. Выводы и предложения

Языковую политику в России на законодательном уровне в отношении новописьменных языков можно позиционировать как конструктивную, т.к. права и уровни функционирования языков, представленных на территории государства (издание соответствующей литературы, наличие образовательных учреждений и т.д.), провозглашены в Конституции РФ. Но отсутствие закрепленного в Законе о языках официального статуса в отношении дагестанских языков придает ей нейтральный (а в некоторых аспектах – и деструктивный) характер, т. к. государственные органы тем самым дифференцировались от контроля сфер функционирования местных языков.

Особую актуальность приобретает своевременное решение проблем новописьменных языков на фоне поступательного снижения численности их носителей. В этот процесс вносит лепту и стремление носителей субстандартных разновидностей языка не называть себя этнонимом, образованным от названия идиома, лежащего в основе формируемых

новописьменных литературных языков. В этом им «помогают» условия Всероссийской переписи населения 2020 г., в ходе которой переписчики должны были записывать ту национальность, которую указывал респондент (даже при условии ее отсутствия в реестре существующих в России национальностей).

Следует особо отметить, что, кроме Республики Дагестан, почти во всех остальных национальных республиках Российской Федерации приняты и действуют республиканские Законы о языках. При этом в «...Российской Федерации нет закона о реализации языковой политики – об общих принципах языковой политики, поэтому разные ведомства решают все проблемы по своему усмотрению. Иногда это плохо отражается в работе республиканских учреждений. Общие принципы могли бы уточнить, как выполнять законы о государственных языках республик, как сочетать социальные функции двух или нескольких государственных языков, как предупредить или решать языковые конфликты, как в законах использовать данные науки и другие важные проблемы языковой жизни. Такой закон мог бы способствовать совершенствованию и гармонизации языковой жизни многонациональной страны» [Михальченко, 2022: 29].

Принятие «Закона о языках народов Дагестана», учитывающего этноязыковую специфику республики, но не противоречащего федеральному закону, ускорило бы решение проблемы определения перечня языков, которые имеют статус «государственных», отграничив их от «письменных», «новописьменных», «бесписьменных», но отсутствие шагов по запуску процедуры составления и обсуждения текста республиканского закона о языках не внушает надежды на скорое улучшение языковой ситуации. Сохранение новописьменных языков, культуры и самоидентификации малочисленных народов является не только личной или семейной ответственностью. Для достижения ощутимых результатов в этом направлении необходимы государственные и республиканские инвестиции в подготовку специалистов, издание учебных материалов, в языковые курсы для взрослых в местах компактного проживания носителей языков с низким уровнем витальности.

Так как решение проблем новописьменных языков возможно только в контексте общедагестанской и общероссийской языковой парадигмы, необходима разработка единой республиканской государственной концепции языковой политики с привлечением специалистов. Первоочередными можно признать следующие задачи:

– разработка программы целевой подготовки педагогических кадров по новописьменным языкам для осуществления квалифицированного обучения родным языкам в школах и вузах;

– создание благоприятных условий для подготовки и издания школьных учебников на агульском, рутульском и цахурском языках, для чего следует зачислить в штат Дагестанского

научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи специалистов по названным языкам;

– разработка стратегии подготовки научных кадров по новописьменным языкам, которая стимулировала бы реализацию задач в области их изучения на уровне вузов республики и Дагестанского федерального исследовательского центра РАН;

– привлечение на договорной основе специалистов для составления необходимых лексикографических источников разного рода (русско-цахурский словарь, словари омонимов, синонимов, антонимов новописьменных языков и т.д.);

– активизация работы общественных организаций и депутатов, представляющих носителей новописьменных языков, с целью лоббирования интересов своих избирателей и контроля издания учебников, которые годами лежат в готовом виде, ожидая очереди;

– активизация работы орфографической и терминологической Комиссии при правительстве РД с целью принятия сводов орфографических правил по новописьменным языкам.

Решение этих задач будет способствовать реализации положения п. 2 Ст. 4 Закона «О языках народов Российской Федерации», предполагающего проведение «научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» [Закон РФ от 12.10.1991 г.].

Анализ сфер функционирования новописьменных языков и соответствия их правовому статусу позволяет прийти к выводу о необходимости совершенствования языкового законодательства на государственном уровне и создания его на республиканском уровне, т.к. неравномерное решение языковых проблем народов с разным числом носителей в итоге приводит к ощутимым последствиям, обостряя общественно-политическую ситуацию в регионе.

Литература

Алексеев М.Е. (1992) Языки малочисленных народов СССР: Современное состояние и перспективы // Проблемы языкознания в СССР: 1987–1999 гг. М.: ИНИОН. С. 13–24.

Атаев Б.М. (2012) Миноритарные языки Дагестана: Состояние и перспективы. Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН. 290 с.

Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. (2021) Прогнозирование сценариев развития бесписьменных дагестанских языков в многоязычном регионе // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 26–40. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-26-40.

Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. (2022) Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале: (На примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 106–113. DOI: 10.25178/nit.2022.4.8.

Биткеева А.Н., Вингендер М., Михальченко В.Ю. (2019) Прогнозирование и языковое многообразие в Российской Федерации: Социолингвистический аспект // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Т. 18. № 3. С. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Биткеева А.Н., Кириленко С.В. (2022) Языковые конфликты // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 199–208. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-199-208.

Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги по национальному и языковому составу населения и по регионам. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html Дата обращения 20.10.2023.

Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul Дата обращения 20.10.2023.

Досакаев А.Б. (2015) Бесписьменные языки коренных малочисленных народов Северного Кавказа: Конституционно-правовой анализ // Общество и право. № 1 (51). С. 45–49.

Закон «О языках народов Российской Федерации» [Закон РФ от 12.10.1991 г. Редакция от 11.06.2021].

Ибрагимова М.О. (2017) История становления и направления усовершенствования графики рутульского языка // Современный ученый. № 6. С. 143–145.

Ибрагимова М.О., Маллаева С.Д. (2021) К вопросу о разработке орфографических норм младописьменных дагестанских языков // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. № 6. С. 139–142. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06.15.

Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 года // Сайт Правительства Республики Дагестан. Режим доступа: http://e-dag.ru/2013-05-27-06-54-30/konstitutsiya-rd.html Дата обращения 20.10.2023.

Лавров Л.И. (1962) Рутульцы в прошлом и настоящем // Кавказский этнографический сборник: В 3 т. / Отв. ред. Л.И. Лавров. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 3. С. 110–157.

Магомедова Т.И. (2008) Дагестанская полиязыковая среда: История, современное состояние, дидактический аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 11 (71). С. 66–72.

Мерданова С.Р., Гасанова С.Н. (1997) Социолингвистический портрет агульского языка // Языкознание в Дагестане: Лингвистический ежегодник. № 1. Махачкала. С. 124–127.

Михальченко В.Ю. (2014) Варьирование национально-языковой политики в современной российской федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М. С. 24–29.

Федеральный закон № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 11.01.2023).

Языки народов России. Красная книга. (2002) Энциклопедический словарь-справочник. М.: Academia. 378 с.

Omakhanov, K., Melikova, S. (2022) Tsakhur: A language in danger // State of the Art of Indigenous Languages in Research: A collection of selected research papers: (The collection of selected research papers was coordinated by UNESCO). Pp. 281–285.

References

Alekseev, M.E. (1992) Yazyki malochislennyh narodov SSSR: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Problemy yazykoznaniya v SSSR: 1987–1999 gg [Languages of the small peoples of the USSR: Current state and prospects. Problems of linguistics in the USSR: 1987–1999]. M. Pp. 13–24. (In Russ.).

Ataev, B.M. (2012) Minoritarnye yazyki Dagestana: Sostoyanie i perspektivy [Minority languages of Dagestan: State and prospects]. Mahachkala: IYALI DNC RAN. 290 p. (In Russ.).

Ataev, B.M., Ibragimova, M.O. (2021) Prognozirovanie scenariev razvitija bespis'mennyh dagestanskih jazykov v mnogojazychnom regione [Forecasting scenarios for the development of non-written Dagestan languages in a multilingual region] // Sociolingvistika. No. 3 (7). Pp. 26–40. DOI: 10.37892/2713-2951-3-7-26-40. (In Russ.)

Ataev, B.M., Ibragimova, M.O. (2022) Specifika jazykovoj situacii v mnogojazychnom areale: (Na primere Rutul'skogo rajona Respubliki Dagestan) [The specifics of the linguistic situation in a multilingual area: (On the example of the Rutulsky district of the Republic of Dagestan)] // Novye issledovanija Tuvy. No. 4. Pp. 106–113. DOI: 10.25178/nit.2022.4.8. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N., Vingender, M., Mikhalchenko, V.Yu. (2019) Prognozirovanie i yazykovoe mnogoobrazie v Rossijskoj Federacii: Sociolingvisticheskij aspekt [Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation: Sociolinguistic aspect] // Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie. Vol. 18. No. 3. Pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N., Kirilenko, S.V. (2022) Jazykovye konflikty [Language conflicts] // Sociolinguistica. No. 4 (12). Pp. 199–208. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-199-208. (In Russ.).

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Oficial'nye itogi po nacional'nomu I yazykovomu sostavu naseleniya i po regionam [All-Russian Population Census of 2010]. Official results by national and linguistic composition of the population and by region]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html Access date: 20.10.2023. (In Russ.).

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 goda. T. 5. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami. [All-Russian Population Census of 2020. Vol. 5. Nationality and language proficiency]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul Access date: 20.10.2023. (In Russ.).

Zakon «O jazykah narodov Rossijskoj Federacii» (Zakon RF ot 12.10.1991 g. Redakcija ot 11.06.2021). [The Law "On the Languages of the Peoples of the Russian Federation" 12.10.1991 g.]. (In Russ.).

Dosakaev, A.B. (2015) Bespis'mennye jazyki korennyh malochislennyh narodov Severnogo Kavkaza: Konstitucionno-pravovoj analiz [Unwritten languages of the indigenous peoples of the North Caucasus: Constitutional and legal analysis] // Obshhestvo i pravo. No. 1 (51). Pp. 45–49. (In Russ.).

Ibragimova, M.O. (2017) Istorija stanovlenija i napravlenija usovershenstvovanija grafiki rutul'skogo jazyka [The history of the formation and directions of improvement of the graphics of the Rutul language] // Sovremennyj uchenyj. No. 6. Pp. 143–145. (In Russ.).

Ibragimova, M.O., Mallaeva, S.D. (2021) K voprosu o razrabotke orfograficheskih norm mladopis'mennyh dagestanskih jazykov [On the issue of the development of orthographic norms of the Young-written Dagestan languages] // Sovremennaja nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. No. 6. Pp. 139–142. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06.15 (In Russ.)

Konstitucija Respubliki Dagestan ot 10 ijulja 2003 goda [The Constitution of the Republic of Dagestan of July 10, 2003] // Available at: https://constitution.garant.ru/region_/cons_dagest/chapter/9d78f2e21a0e8d6e5a75ac4e4a939832/. Access date: 20.10.2023. (In Russ.)

Lavrov, L.I. (1962) Rutul'tsy v proshlom i nastoiashchem [Rutulians in the past and present]. // Kavkazskii etnograficheskii sbornik [Caucasian Ethnographic Collection]: In 3 vol. / Ed. by L.I. Lavrov. M.: L.: AN SSSR Publ. Vol. 3. Pp. 110–157. (In Russ.).

Magomedova, T.I. (2008) Dagestanskaya poliyazykovaya sreda: Istoriya, sovremennoe sostoyanie, didakticheskij aspekt [Dagestan poly-linguistic environment: History, current state, didactic aspect] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. No. 11 (71). Pp. 66–72. (In Russ.).

Merdanova, S.R., Gasanova, S.N. (1997) Sociolingvisticheskij portret agul'skogo jazyka [Sociolinguistic portrait of the Agul language] // Jazykoznanie v Dagestane: Lingvisticheskij ezhegodnik. No. 1. Mahachkala. Pp. 124–127. (In Russ.).

Mihal'chenko, V.Ju. (2014) Var'irovanie nacional'no-jazykovoj politiki v sovremennoj rossijskoj federacii [Variation of national language policy in the modern Russian Federation] // Jazykovaja politika i jazykovye konflikty v sovremennom mire. M. Pp. 24–29. (In Russ.).

Federal'nyj zakon No. 273-FZ (red. ot 29.12.2022) "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" (s izmenenijami i dopolnenijami, vstupivshimi v silu s 11.01.2023) [Federal Law No. 273-FZ (as amended on December 29, 2022) "On Education in the Russian Federation"]. (In Russ.).

Jazyki narodov Rossii: Krasnaja kniga. (2002) [Languages of the peoples of Russia: The Red Book.]. Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. M.: Academia. 378 p. (In Russ.).

Omakhanov, K., Melikova, S. (2022) Tsakhur: A language in danger // State of the Art of Indigenous Languages in Research: A collection of selected research papers: (The collection of selected research papers was coordinated by UNESCO). Pp. 281–285.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Атаев Борис Махачевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Российская Федерация
Адрес: 367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45
Эл. адрес: bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Российская Федерация
Адрес: 367000, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45
Эл. адрес: mariza71@mail.ru

Ataev Boris Makhachevich – Doctor of Philology, chief researcher at the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Tsadasy Dagestan Federal Research Center RAS, Russia
Address: 367000, Russia, Makhachkala, st. M. Gadzhieva, 45
Email address: bm_ataev@mail.ru

Ibragimova Mariza Oglanovna – Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Language, Literature and Art named after. G. Tsadasy Dagestan Federal Research Center RAS, Russia
Address: 367000, Russia, Makhachkala, st. M. Gadzhieva, 45
Email address: mariza71@mail.ru

Для цитирования: *Атаев Б.М., Ибрагимова М.О.* Новописьменные дагестанские языки: Правовой статус и функционирование // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 16–28 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-16-28

For citation: *Ataev, B.M., Ibragimova, M.O.* Newly written Dagestan languages: Legal status and functioning // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 16–28. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-16-28

The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 15.08.2023;
accepted for publication 28.11.2023

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

Константин Ю. Замятин
Институт языкознания Российская академия наук,
Российская Федерация

В силу ряда исторических и структурных причин исследования языковой политики в России до сих пор полностью не выделились из социолингвистики и не стали предметом политической науки, как это изначально произошло при становлении междисциплинарного проекта исследований языковой политики в западной науке. Такое положение в исследованиях проявляется, например, в отсутствии в России соответствующих научных структур. В данной статье я сосредоточусь на анализе проблемы междисциплинарности в теориях языковой политики в мировой и российской науке, чтобы понять характер взаимодействия практики языковой политики и ее исследований в стране. Я утверждаю, что в текущей ситуации именно нерешенность проблемы междисциплинарности предопределяет ограниченность влияния российской прикладной науки на собственно практику языковой политики. Ограниченное влияние науки, в свою очередь, выражается в отсутствии институциализации языковой политики в качестве отдельного направления государственной политики и отдельной отрасли государственного управления. В условиях высокой неопределенности включение подходов публичной политики имеет решающее значение для успеха междисциплинарных исследовательских проектов по изучению языковой политики, поскольку они позволяют учитывать переменные, вытекающие из случайности и непредсказуемости политической жизни.

Ключевые слова: *языковая политика, публичная политика, социолингвистика, политическая наука, политическая практика, российская наука, мировая наука, Российская Федерация*

RESEARCH ON LANGUAGE POLICY AS PUBLIC POLICY IN RUSSIAN AND WORLD SCIENCE

Konstantin Yu. Zamyatin
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Due to a number of historical and structural reasons, research on language policy in Russia has not yet completely separated from sociolinguistics and has not become the subject of political science, as initially happened during the formation of an interdisciplinary project on language policy research in Western science. This situation in research is manifested, for example, in the absence of appropriate scientific structures in Russia. In this article I will focus on analysing the problem of interdisciplinarity in theories of language policy in world and Russian science in order to understand the nature of the interaction between research and practice of language policy in the country. I argue that in the current situation it is the unresolved problem of interdisciplinarity that predetermines the limited influence of Russian applied science on the actual practice of language policy. The limited influence of science, in turn, is expressed in the lack of institutionalization of language policy as a separate direction of state policy and a separate branch of public administration. In contexts of high uncertainty, the inclusion of

public policy studies is critical to the success of interdisciplinary research projects studying language policy, as they allow for the consideration of variables arising from the contingency and unpredictability of political life.

Keywords: *language policy, public policy, sociolinguistics, political science, political practice, Russian science, world science, Russian Federation*

1. Введение

Последние два года в Институте языкознания РАН я принимал участие в работе по составлению официальных документов, чтобы развить вновь закрепленное в 2020 г. конституционное положение о гарантии сохранения языкового многообразия в России[1], т.е занимался не только прикладной наукой, но и практикой языковой политики. Данная статья возникла как побочный продукт этой работы и вызвана необходимостью теоретического осмысления некоторых из тех трудностей, с которыми я столкнулся, в результате чего мой фокус исследований сместился с изучения практической и научно-прикладной проблемы «что можно сделать» в сегодняшних условиях для сохранения языкового многообразия на исследование теоретической проблемы «почему в российских реалиях многого не получается сделать».

Статья написана по материалам моего выступления на Дискуссионно-аналитическом клубе по языковой политике Института языкознания РАН 13 июня 2023 г. Было интересно слушать многие другие выступления. Я выступал уже на 29-м заседании, поэтому в процессе подготовки просмотрел все названия предыдущих докладов и немного озадачился. Темы выступлений на клубе до сих пор были в лучшем случае о том, что по-английски называется politics. Конечно, все мы думаем, что знаем что-то о политике, в смысле politics. Но все же было неожиданно, что не было ни одного выступления теоретиков языковой политики. Не было ни одной темы, близкой к тому, что я привык, имея бэкграунд в западной академии, понимать под теориями языковой политики в смысле policy.

Употребление термина «теории» во множественном числе говорит о множественности исследовательских перспектив на феномен языковой политики, и поэтому я предпочитаю его более традиционному для западной академии названию проект «языковая политика и планирование». «Языковым планированием» в западной академии часто называют стадию реализации языковой политики, которому в советской и российской традиции соответствует «языковое строительство». С одной стороны, такое различение сразу дает некоторое представление о сложности явления, но, с другой стороны, реализация политики является только одной из нескольких стадий, что важно для изучения политического процесса.

[1] См. текст Конституции Российской Федерации с изменениями 2020 г.: http://duma.gov.ru/news/48953/.

На Дискуссионно-аналитическом клубе выступали практики языковой политики, такие как начальник управления Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) Т.Г. Цыбиков и некоторые специалисты в области образования. При этом не было ни одного теоретического выступления с основного для изучения любой политики ракурса политической науки. Обнаружение этой лакуны в исследованиях языковой политики в России побудило меня задаться вопросом о причинах такого положения дел в российской академии. У меня возникла основная гипотеза, что недостаток теоретического осмысления напрямую отражается и на качестве прикладных исследований и на практической работе.

Мой анализ показывает, что проблемы в решении задачи сохранения языкового многообразия существуют на двух уровнях. Изначально моя гипотеза была в том, что проблемы возникнут в *практике* языковой политики на государственном уровне. Это отдельная большая тема, в рамках которой я, в частности, рассматриваю проблему согласования бюрократического и академического дискурсов по языковой политике в ходе разработки Концепции языковой политики России [Замятин, 2023б]. Но оказалось, что проблема существует уже на академическом уровне *исследований* языковой политики. На академическом уровне опять же два подуровня – теоретический и прикладной. В настоящей статье я рассмотрю, прежде всего, проблемы исследований на теоретическом уровне. Более подробно о проблемах исследований на прикладном уровне я напишу в отдельной статье, где расскажу о результатах анализа данных, полученных на основе метода включенного наблюдения за академической жизнью и собранных в результате моей работы в российской академии.

Данные для исследования получены мной как на основе анализа академического и политического дискурсов, так и дополнительно с помощью этнографических методов, прежде всего посредством включенного наблюдения за практиками формирования языковой политики и ее исследований. По поводу этической стороны нужно оговориться, что в данной статье я привожу только обобщенные суждения, не цитирую конкретных респондентов и не имею в виду конкретные политические институты или научные учреждения, если не называю их напрямую. В статье я оцениваю состояние дел с ее исследованиями, а не саму языковую политику в России, т.е. я не оцениваю здесь научную обоснованность целей языковой политики, в том числе сохранения языкового многообразия, а исхожу из их заданности и закрепления в законодательстве, но при этом неизбежно затрагиваю вопрос о нормативных основаниях политики.

Сам я не являюсь языковым активистом, но поднимаю в статье вопрос языкового активизма, в том числе активизма исследователей. Я не разделяю мнение некоторых представителей старшего поколения российских исследователей, которое мне приходилось

слышать, что ученым нельзя заниматься активизмом, а нужно только наблюдать. Такие ученые безнадежно отстали от мировой научной повестки по крайней мере на полвека и пропустили смену в научной парадигме от постпозитивизма к конструктивизму. Активизм в этнографическом исследовании языковой политики, конечно, возможен и даже необходим для исследовательского успеха, хотя, безусловно, должен быть этически и методологически корректным (см., напр.: [Scollon, Scollon, 2004]).

Данная статья написана в жанре социологии науки, а также частично социологии организаций и социологии образования. Во второй и третьей частях я очерчу эволюцию междисциплинарного проекта исследований языковой политики в мировой науке и картографирую состояние исследований по языковой политике в России. В четвертой и пятой частях я проанализирую проблемы прикладной науки с институциализацией продвижения в теоретическом понимании в научно-прикладных структурах и политической практике. В целом, я утверждаю, что проблемы в научно-прикладной и практической деятельности вызваны отсутствием адекватной эпистемологической рамки для понимания онтологии языковой политики в России. Мой аргумент основан на анализе существующих российских исследований и сравнении с траекторией развития таких исследований в мировой науке. Анализ показывает, что, в то время как в России развиваются исследования языковой ревитализации, неразвитым остается целое направление исследований языковой политики как публичной политики.

2. Междисциплинарность в эволюции теорий языковой политики

На мой взгляд, главной теоретической проблемой является нерешенность вопроса о междисциплинарности в российских исследованиях языковой политики. Полвека назад исследования языковой политики и планирования на Западе развились из социолингвистики. Начало исследованиям языковой политики положили социолингвисты. Однако с тех пор этот проект стал междисциплинарным и прошел значительную эволюцию. Очень быстро от социолингвистов эта тематика перешла к функционерам-практикам политики, а от них к политологам [Gazzola et al., 2023].

Оксфордский хендбук по языковой политике [Tollefson, M. Pérez-Milans, 2018] приводит, на мой взгляд, лучшую периодизацию становления и эволюции этого междисциплинарного проекта из тех, что я встречал. Согласно их обзору, на первом этапе в 60-х годах прошлого века в контексте деколонизации «технократы»-функционеры стали практиковать политику еще не имея теории. Вскоре, уже полвека назад, такие теории возникли, и в первую очередь в результате работы Джошуа Фишмана, который относил свои исследования к социолингвистике и социологии языка, но писал на такие темы как разработка программ сохранения и развития

языков [Fishman, 1972]. Вскоре был написан основной корпус текстов, уже велись дискуссии о языках в политической науке (см., напр.: [Edelman, 1977; Shapiro, 1984, 1988]). На втором и третьем этапах в западной науке говорилось о критическом повороте и этнографическом повороте [Barakos, Unger, 2016; Hornberger et al., 2018; Johnson, 2013, 2018]. И вот сейчас, по сути, развитие вернулось к вопросу «агентности», о котором ученые раздумывают, является ли его постановка началом нового этапа [Liddicoat, Taylor-Leech, 2020]. Проблема с этой периодизацией с точки зрения междисциплинарности заключается в том, что она исходит в первую очередь из эпистемологии, а не онтологии. А с онтологией дела обстоят так, что по сей день не было достигнуто синтеза и оформления теорий языковой политики в отдельную дисциплину. Однако в мировой науке традиционное и на сегодня по-прежнему наиболее перспективное направление – это рассмотрение языковой политики в рамках политической науки с учетом центральной роли государства. При этом в центре междисциплинарного проекта все так же стоит исследование политики в рамках субдисциплины публичной политики (public policy studies). Хотя исследования можно делать и в рамках других субдисциплин политической науки, например политической компаративистики. В качестве иллюстрации я бы выделил ставшие уже классическими работы Уилла Кимлики и Алана Паттена [Kymlicka, Patten, 2003], Томаса Риченто [Ricento, 2006] или Зонтаг и Кардинал [Sonntag, Cardinal, 2015].

Более того, скоро выйдет новый Ратледжский хендбук, с верстkой которого редакторы любезно предоставили мне возможность познакомиться [Gazzola et al., 2024]. В нем собраны главы, написанные несколькими ведущими авторами (их сорок) в области языковой политики, многих из которых я лично встречал. Все они работают в этой концептуальной рамке публичной политики. Они пишут, что подход к языковой политике как публичной политике не нов и развивался с первых лет становления проекта, особенно в 1970-е годы, а потом с начала 2000-х годов [Grin, 2003; Gazolla, 2014]. Классической в этом подходе является модель политического цикла, которая восходит к теориям политического процесса как способу функционирования политической системы. По свидетельству авторов, проблемы начались в 1980-е годы с появлением «критического и этнографического подходов», которые, по их оценке, к сожалению, сейчас стали мейнстримом. По этой причине авторы почувствовали необходимость восстановить обоснованность подхода с помощью хендбука.

«Новизна этого хендбука заключается в том, что в нем используется подход публичной политики, предлагающий аналитический взгляд на различные этапы процесса, ведущего от политических дебатов, независимо от того, происходят ли они в таких учреждениях, как парламенты, или в неформальных дискуссиях в обществе в целом, до формулирования, принятия, имплементации и оценки языковой политики. Он также способствует восстановлению

и укреплению теоретических и методологических связей между ЯПП и исследованиями публичной политики, которые постепенно ослабели после «критического поворота» в ЯПП» ([Gazzola et al., 2024]; перевод мой. – *К.З.*; ЯПП – языковой политики и планирования).

Тут важно показать разницу между социолингвистикой и политическими исследованиями, граница между которыми, как отмечается в Ратледжском хендбуке, затирается. Социолингвистика изучает практики, политическая наука изучает политику. «Индивиды не определяют политику; они принимают решения, которые приводят к *практикам*, и эти практики находятся в центре внимания изучения социолингвистики». «Напротив, решения правительства, касающиеся языков, приводят к *политике*, и именно они являются объектом изучения подхода публичной политики к ЯПП». «Влияние на отношение и поведение людей обычно является *целью* или результатом публичной политики, но не является частью самой публичной политики» [Gazzola et al., 2024]. Например, семейная языковая политика – это только метафора, т.к. решения родителей приводят только к практикам в семье. При этом школьная политика – это публичная политика (но не всегда государственная политика: про специфику российского дискурса см. ниже).

В Ратледжском хендбуке используется классическая модель рассмотрения языковой политики как политического цикла от формирования политики к ее принятию, имплементации и оценке, которую использует, например, Франсуа Грэн [2003], один из авторов Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств. В первую очередь на этапе формирования политики речь идет о politics of language. Тут на его подстадиях идентификации проблем, их включения в политическую повестку и формулирования решений участвует больше субъектов политики. Поэтому, безусловно, принимаются во внимание их дискурсы, практики и идеологии, а значит, поднимаются социолингвистические вопросы. Например, на основе социолингвистических трендов можно предположить сценарии возможного развития. Но какой сценарий осуществится и почему – это уже политический вопрос. На остальных этапах политического цикла в фокусе оказываются именно политические вопросы. Например, кто будет принимать решения, какие это будут решения, какие они будут иметь последствия и т.п.

При этом я бы не согласился с установкой авторов Ратледжского хендбука, что модель политического цикла в подходе публичной политики подходит к практике языковой политики и ее исследованиям только в странах, живущих в условиях демократии, т.е. при наличии демократических институтов, верховенства права и определенного социального консенсуса по поводу стремления к достижению «общего блага» как критерия публичной политики. Другими словами, авторы хендбука настаивают на том, что модель политического цикла имеет не просто описательный, но и нормативный характер, особенно в части критериев оценки политики.

Действительно, практика языковой политики в условиях других политических режимов будет иметь свои особенности, прежде всего на стадии формирования политики. Ниже я скажу о некоторых таких особенностях в связи с нормативным вопросом оценки политики, но с оговорками все же вижу научный потенциал применения подхода публичной политики для анализа политического цикла в таких странах.

Например, мой опыт участия в подготовке и обсуждении официальных документов показывает продолжающееся взаимодействие властных органов с экспертным и научным сообществом (см.: [Замятин, 2023б]; см. ниже]. Такое взаимодействие являет собой частный случай политического участия в выработке решений при взаимодействии государства и общества, характеризуемого в последние годы в России переходом от системы государственного корпоратизма к системе государственного контроля. Сам факт такого участия говорит о том, что даже при государственном контроле власть нуждается в обратной связи и сохраняет за некоторыми «институтами гражданского общества» определенную степень субъектности [Замятин, 2023а].

3. Исследования языковой политики в СССР и России

В России в силу ряда причин языковая политика до сих пор продолжает ошибочно считаться субдисциплиной социолингвистики или прикладной лингвистики. Во-первых, как я уже упомянул, исторически на Западе проблематикой изначально занимались социолингвисты, но вскоре она перешла к политологам. Но в СССР не было политической науки, а значит и соответствующей традиции исследований. Во-вторых, и на практике в СССР и постсоветской России языковая политика не выделялась отдельно, а рассматривалась только как часть национальной политики.

При этом отсутствие исследований языковой политики нельзя объяснить отсутствием самого феномена. Иногда приходится слышать тезис об отсутствии в СССР языковой политики, равно как и об отсутствии национальной политики. Но такое утверждение – это более образец политической риторики, чем научный тезис. Если такой тезис выдвигается юристом, то за ним по понятным причинам скрывается редукция политики к законодательному регулированию: если отсутствует соответствующая нормативно-правовая база, то нет и политики. В условиях отсутствия в СССР политологов ниша была отчасти занята юристами с их близкой по тематике дисциплиной теории государства и права.

Конечно, право и политика тесно взаимосвязаны, а соотношение политического и правового подхода является одним из центральных вопросов в выборе путей решения «национального вопроса» [Замятин, 2005]. При определении механизма политики как

практической деятельности принято различать правовой и политический подходы. При подходе, основанном на праве, права граждан выражают субъектностью граждан и других участников политического процесса и ограничивают государство в его претензии в качестве основного субъекта политики. При политическом подходе право лишь облекает политические решения в форму законов. В советской традиции политический подход преобладал, но большинство языковых вопросов решалось на уровне подзаконных актов. Чтобы подчеркнуть отличие формы закона от правового содержания, после распада СССР в российской юридической науке стало принято различать «закон» и «право». Языковые права граждан были признаны в конституции 1993 г., но политический подход продолжал доминировать через стремление приравнять языковую политику к законодательному регулированию.

Исследования языковой политики в рамках политической науки, в частности, как публичной политики позволяют не только отойти от сведения политики к закону, но и увидеть политику в риторике политических документов, таких как решения съездов КПСС, а в современных условиях в текстах стратегических документов. Помимо символической политики, т.е. политики на уровне дискурсов, проводилась и проводится материальная политика, предполагающая материальные изменения, в первую очередь через национально-языковую политику в образовании. Таким образом, несмотря на отсутствие нормативно-правовой базы, де-факто языковая политика в СССР, конечно, проводилась, но ее исследования были невозможны в рамках марксистского понимания политического.

Распад СССР застал врасплох как лингвистов, так и этнографов. Но этнографы трансформировались в этнологов, и появились этнополитологи. Первым исследованием, осмысляющим роль языков в контексте распада СССР, стала книга М.Н. Губогло [1998]. С тех времен развитие дисциплины продолжилось. Пишутся учебники по этнополитологии. В МГУ и СПбГУ открылись кафедры этнополитики. В то же время издержкой институциализации стала зависимость от власти и обслуживание ее запросов в изменившихся условиях. Сегодня не только этнополитологи, но и этнологи и антропологи продолжают исследовать вопросы языка и власти, а также опыт языковой политики как в России, так и за рубежом (см., напр.: [Филиппова, Соколовский, 2017]). Национальная и языковая политики в России относятся к вопросам гражданского мира и согласия, а значит, после поправок к Конституции 2020 г. стали рассматриваться в контексте национальной безопасности [Замятин, 2022]. Соответственно, научная повестка отражает этот новый фокус (см., напр.: [Соколовский, 2016]) и поворот «этнополитического маятника» в сторону все большего продвижению языка большинства. В отношении других языков символичным ответом на известный случай самосожжения ученого

и языкового активиста Альберта Разина в Удмуртии стало название книги, в которой проводится мысль, что «смерть языка» не означает «смерти народа» [Филиппова, Соколовский, 2020].

Среди работ по социолингвистике первым трудом, который затрагивает отдельные аспекты language politics, стала книга академика В.М. Алпатова [2000]. Ряд вопросов языковой политики, относящихся к некоторым общим вопросам языка и власти, а также к истории языковой политики, традиционно затрагивался в социолингвистической литературе [Беликов, Крысин, 2001; Вахтин, Головко, 2004]. В последние годы можно наблюдать всплеск научного и практического интереса к вопросам языковой политики в России. Этот всплеск – прямое влияние международной научной повестки. Сегодня по указанным выше причинам отсутствия научной традиции и политической преемственности с советскими политическими институтами языковая политика в России до сих пор изучается преимущественно социолингвистами, а также отчасти юристами, в то время как за рубежом круг специалистов из разных научных дисциплин гораздо шире; при этом ведущую роль играют политологи.

Вышло много интересных публикаций, содержащих в своих названиях термин «языковая политика» и использующих опыт мировых исследований от прогностической перспективы «сверху» до этнографических исследований и языковой политики «снизу» (см., напр.: [Биткеева и др., 2016; Хилханова, 2020; Баранова, 2023]). Социолингвистические исследования в России, занимающиеся сегодня такими прогностическими вопросами, как возможные сценарии развития языковой ситуации и языковой политики в России, вырабатывают модели будущего языкового разнообразия, которые, как правило, основаны на современных социолингвистических тенденциях. Важную работу делают юристы, особенно в области образования (см., напр.: [Jankiewicz, Kniaginina, 2019].

Однако авторы этих исследований не задаются вопросами политической науки, не дают ясности в понимании механизмов политики и не в состоянии ответить на центральные вопросы для политического анализа, такие как: «кто является субъектами политики», «как политический процесс приводит к определенным решениям» и «почему некоторые сценарии более вероятны». На такие вопросы могли бы ответить «лингвополитологи», но их в России по-прежнему мало. Встречаются отдельные статьи, посвященные частным вопросам языковой политики. Было бы интересно узнать долю тех статей, котрые рассматривают их с точки зрения политической науки. Но и так понятно, что она небольшая. Только недавно я прочитал первую книгу, написанную на русском языке, собственно о языковой политике Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш [2022], политологов из Казани, на которую я написал рецензию [Замятин, 2023а]. Есть также монография Н.В. Борисовой [2017], политолога из Перми, которая использует эту перспективу,

но на опыте других стран. Вот такая география – не Москва и Санкт-Петербург, а Казань и Пермь.

4. Концептуализация и практика языковой политики «сверху» и «снизу»

В постмодернистской картине мира политическая власть не просто спускается сверху вниз, а распространяется на все сферы общества, пронизывает саму его ткань на уровне дискурса. Естественно, что в России повторяют новые веяния мировой науки и изучают политику «снизу». Но при этом стоит помнить, что общества разные, и власть в них распределена неравномерно. В современной России, как и в Советском Союзе, государство в его разных ипостасях – это главный субъект политики, поэтому приходится учитывать государствоцентричность политики. Это не исключает возможность других исследований, таких как этнография языковой политики. Однако сегодня в России наиболее востребованы и актуальны исследования языковой политики именно как публичной политики, потому что такая политика в России продолжает официально формироваться как государственная языковая политика и в такой ее реалии остается недостаточно исследованной.

Политическая власть в сегодняшней России – это в первую очередь государственная власть, и политика – государственная политика. Для демонстрации этого тезиса возьмем примеры из официальных документов: текущую редакцию Стратегии государственной национальной политики[2] и двух проектов Концепции языковой политики. Согласно Стратегии, «государственная национальная политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве». Таким образом, субъект государственной политики согласно Стратегии – это государство и его органы. В теории – субъекты публичной политики – это не только государство в его разных ипостасях, но и другие акторы. Как видим, тут происходит подмена за счет неправильного определения круга акторов. Определяется понятие «государственная политика»,

[2] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666; Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666».

но дается определение через круг акторов, включающий «институты гражданского общества» и присущий публичной политике.

Аналогичным образом сформулирован подход в проекте Концепции государственной языковой политики, подготовленной в Министерстве просвещения[3]. Согласно этому проекту, «государственная языковая политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и совокупность мер нормативно-правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, кадрового и иного характера, реализуемых федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, направленных на обеспечение конституционных принципов, прав и свобод граждан в языковой сфере, формирование единого коммуникативного пространства, сохранение и развитие русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения и других языков народов Российской Федерации».

Научно-экспертное сообщество, по поручению Президента Российской Федерации, представило проект Концепции Институтов РАН, который по кругу субъектов политики допускает их множественность, т.е. исходит из понимания языковой политики как публичной политики[4]. «Языковая политика – система принципов, определяющих функционирование, развитие и планирование языков». «Субъекты языковой политики – общественные институты, организации, лица, которые формулируют, инициируют и проводят языковую политику». «Объекты языковой политики – языковые общности, носители языков, языки, языковые явления, языковые процессы, с которыми взаимодействуют или на которые оказывают влияние субъекты языковой политики». Вместе с тем этот проект разрабатывался вне стандартизованной процедуры подготовки стратегических документов, а поэтому чиновники критикуют его за излишнюю «академичность» и не готовы или даже не могут вписать во властный дискурс [Замятин, 2023б].

Для такой онтологии политики с центральной ролью государства должна быть соответствующая эпистемология, чтобы ее изучать (см.: [Хархордин, 2011, 2021]). Политическую, в частности публичную власть и «публичную политику», изучает политическая наука и ее одноименная субдисциплина «публичная политика» (см.: [Сморгунов, 2023; Соловьев, 2017]). Вместо концепта «публичная политика» в российской политической традиции принято использовать концепт «государственная политика», хотя в научном дискурсе различие

[3] Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Министерстве просвещения РФ, не публиковался.
[4] Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный Институтами РАН, от 16 июля 2021 г. Доступно: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap

между ними проводится. Смежной сферой по реализации публичной политики, а также соответствующей академической субдисциплиной политической науки, является «публичное администрирование» (public administration), а в российском случае ожидаемо «государственное управление» (также «государственное и муниципальное управление»). Вместе с тем концепты «публичное право» и «государственное право» явно семантически расходятся и в российском дискурсе. Раньше можно было говорить о различающихся политико-правовых реалиях и «особенном пути России», но поправками к Конституции РФ 2020 г. было введено понятие «публичной власти», хотя приведенные выше определения политики в стратегических документах показывают, что на практике в отношении языковой политики государство рассматривается не просто в качестве главного, но по сути единственного субъекта политики (см.: [Замятин, 2023а]).

Конечно, феномен языковой политики не является только политическим и не ограничивается им. При множественности субъектов политики общественная деятельность, направленная на языки, может осуществляться «снизу вверх» и вне официальной сферы. Для исследования такой деятельности, в которой ключевое место отводится языковому активизму, развивается международное научное направление или даже целая исследовательская программа по так называемой «языковой ревитализации» [Pine, Turin, 2017]. Например, есть Оксфордский хендбук языков под угрозой исчезновения [Rehg, Campbell, 2018], Ратледжский хендбук по языковой ревитализации [Hinton, Huss, Roche, 2018], Палгрейвский хендбук языков и сообществ меньшинств [Hogan-Brun, O'Rourke, 2019], и таких много. Уже из приведенных выше официальных определений языковой политики видно, что «институты гражданского общества» в России встроены в «систему приоритетов и мер». Это также свидетельствует о том, что тип координации во взаимоотношениях государства и общественных организаций в последние годы сменился с системы государственного корпоратизма на систему государственного контроля.

Заявленные в Стратегии государственной национальной политики в редакции 2018 г. цели, приоритеты и задачи языковой политики России – сохранения и поддержки русского языка, языков народов России, сохранения языкового многообразия – могут и должны достигаться только при условии наличия соответствующей государственной политики. Это обстоятельство не исключает «политику снизу», но на практике самостоятельное проявление инициативы «снизу» не приветствуется (см.: [Yusupova, 2021]). Идеологически движимые лидеры и активисты составляют ядро общественных движений и обычно институализируют их в форме общественных организаций (ср. концепты «некоммерческие организации» – non-governmental organizations и «публичные ассоциации» – public associations), которые зависимы от властей и их языковой политики: если власти разрешают какие-то виды деятельности или

даже поощряют их, когда заказывают проекты и дают деньги на их реализацию, люди «снизу» активизируются, теряя при этом автономность. Другими словами, это не гражданский или политический активизмы в чистом виде, потому что они затруднены, а активизм как форма политического участия в системе государственного контроля. Часто люди участвуют в культурном и языковом активизме как замене политического активизма. При таком раскладе я согласен с тезисом Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш [2022], что языковые вопросы решаются на уровне лидеров и «элит», а не на уровне активизма с его «любительскими формами».

Эффективность политики достигается за счет системности «приоритетов и мер», создания и функционирования публичных институций, которые реализовывали бы языковую политику как из центра, так и в регионах и на местах. Разовые мероприятия активистов скорее являются проявлениями символической политики, от которой один шаг до имитации политики. Если не будет правильной научно-практической рамки, то активизм в существующих формах не решит языковые проблемы. Проведение языковых фестивалей и рисование комиксов на языках – хорошо и, наверно, по-своему нужно для сохранения языкового многообразия, но это все вспомогательная и часто символическая деятельность, легитимирующая как форма «участия институтов гражданского общества» происходящие в результате проводимой политики институциональные сдвиги.

По указанным причинам прикладное значение имеют в сегодняшней политической ситуации в России, в первую очередь, исследования государственной политики, в то время как исследования по языковой ревитализации оказываются менее актуальны, потому что их результаты мало применяются на практике не только по политическим причинам, но и из-за недостатков научно-прикладных исследований, о чем скажу ниже. Мы больше узнаем, как в настоящее время делается языковая политика в России, в первую очередь изучая дискурсы и практики политиков и чиновников, и в меньшей степени лидеров и активистов общественных организаций.

5. Прикладные исследования и институциализация языковой политики

В то же время можно наблюдать такую динамику изменения политики, что, несмотря на официальный дискурс символической поддержки многообразия, реальные меры государственной поддержки направлены прежде всего на продвижение русского языка, а институциональная, т.е. материальная политика, приводит к ухудшению положения других языков народов России, особенно в сфере образования и, в перспективе, уменьшению многообразия. Например, в системе образования значение имеют не столько официальные языковые идеологии в текстах официальных документов, сколько идеологии одноязычия,

закладываемые в саму институциональную модель образовательной политики посредством многочисленных приказов и инструкций Министерства просвещения, которые ведут к дальнейшей унификации за счет уменьшения присутствия родных (нерусских) языков в образовании (см.: [Arutyunova, Zamyatin, 2021; Замятин, 2022]).

С такой динамикой, естественно, встает нормативный вопрос оценки языковой политики и критериев того, как она должна делаться, обсуждение которого, однако, на официальных площадках в современных условиях можно вести только очень ограниченно. ФАДН и другие властные структуры проводят ежегодные официальные форумы по языковой политике в России и сами определяют их повестку. В таких условиях научные площадки могут сыграть значительную роль в обсуждении языковых проблем при сохраняющейся в академической среде свободе дискуссии и плюрализме мнений, хотя эти преимущества не подразумевают автоматически стремления прийти к истине через понимание позиции оппонента и готовность к компромиссу – ключевые навыки в практике политики.

Научно-экспертное сообщество языковедов являет собой промежуточную группу между практиками политики и активистами. С одной стороны, ученые-эксперты могут решать научно-прикладные и экспертные задачи своим участием в консультировании властных органов и подготовке официальных документов, например упомянутого выше проекта Концепции языковой политики. С другой стороны, ученые-гуманитарии в современном мире не просто бесстрастные машины для наблюдения, измерения, анализа и извлечения «объективного знания», но и живые люди, способные увидеть и понять восприятие мира глазами другого человека. Лингвисты, работающие с социолингвистическими, социологическими или антропологическими темами, должны иметь подготовку по методологии этнографических исследований и рефлексировать по поводу своей роли исследователя в отношении к объекту исследования и необходимости соблюдать этические стандарты. Они выбрали эту сферу науки, потому что им нравятся языки и многоязычие и у них есть экспертное знание. Поэтому при соблюдении указанных условий, когда «политика сверху» приводит к ухудшению положения языков, лингвисты и социолингвисты могут поддерживать языковых активистов и даже сами выступать в их роли, о чем я упомянул во введении. В таком случае активизм исследователей мог бы иметь определенный смысл не только как научно-прикладная, но и как практическая деятельность.

Все же пока соотношение экспертной, исследовательской и активистской ролей в этой деятельности в России остается неотрефлексированным. Небезобидно стремление научного эксперта преувеличить уровень своей экспертизы и распространить его на смежные области, в которых он экспертом не является. Лингвисты компетентны заниматься планированием корпуса,

в том числе списком языков, чем прекрасно занимаются, например, в Институте языкознания РАН. Для планирования корпуса во многих странах созданы и существуют «языковые регуляторы» (language regulators, language boards), в роли каковых обычно выступают академии, академические институты или специализированные консультативные структуры.

Для изучения антропологических, этнических, социальных и политических вопросов лингвистических компетенций недостаточно. Вернемся к вопросу о междисциплинарности теперь в прикладном ключе. М.Н. Губогло, в частности, писал о языковой политике в смысле politics, что она не собственно про языки, а про людей, сообщества и государства. Н.М. Мухарямов и О.Б. Януш, цитируюя Томаса Риченто [2006] говорят, что «специфические грани языкового планирования – формулирование, имплементация, оценка – остаются недостаточно исследованными. Одна из причин «недостаточного внимания к механизмам языкового планирования», по мнению этого автора, состоит в том, что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки».

Например, максималистская позиция лингвистов, которую можно суммировать фразой «пусть цветут все цветы» и сохраняются все языки, безупречна морально, но мало пригодна как руководство к практике языковой политики. Политические решения всегда принимаются в условиях ограниченности ресурсов, что вынуждает делать трудный выбор, основанный как на нормативных основаниях, например на принципе языковой справедливости, так и на прагматике эффективности политики. Поэтому каждое решение должно быть аргументировано. Контрпродуктивность заведомо нереализуемой максималистской позиции состоит в том, что она запускает и фактически оправдывает символическую политику «фальсификации предпочтений» (preferences falsification), когда несмотря на высказываемую на уровне публичного дискурса и поэтому социально одобряемую и даже требуемую поддержку какой-то цели, например сохранения языкового многообразия, материальная политика на уровне практик реализует другие и подчас даже противоположные цели.

Междисциплинарный проект исследований языковой политики – прикладной. Проблема выбора исследовательской рамки в теоретических и прикладных исследованиях предопределяет успешность решений практических проблем в практике языковой политики. Поэтому в первую очередь фокус должен быть на исследование элит и институциональные проблемы – проблемы организации. В России сегодня на уровне практик осуществляется языковая политика. Политические решения по языковым вопросам практиками все равно принимаются. Однако недостаточность осмысления приводит к тому, что политика оказывается неэффективной, например, в части сохранения языкового многообразия. Неэффективность выражается не только

в провоцировании языковых конфликтов самой властью, как, например, конфликт вокруг отмены обязательного изучения государственных языков республик [Arytyunova, Zamyatin, 2021], но в дисбалансе уже на уровне постановки конкурирующих целей политики.

Политику делают другие практики политики, зачастую не учитывающие экспертное знание, которое, несмотря на малочисленность лингвополитологов, в общем-то, есть. Созданы аналитические центры**.** В этом поле существует даже конкуренция. В Институте русского языка им. А.С. Пушкина есть Центр языковой политики и международного образования. Отчасти вопросы языковой политики изучаются в Центре по исследованию межнациональных отношений в Институте этнологии и антропологии РАН, Центре этносоциальных исследований в Институте социологии РАН, еще есть Учебно-научный центр социальной антропологии РГГУ и Федеральный институт родных языков в Министерстве просвещения. Однако научно-прикладная деятельность этих центров направлена в основном на исследование проблем продвижения русского языка.

Поэтому было бы хорошо иметь специализированный центр по исследованиям языковой политики, в котором соблюдался бы целостный подход к поиску баланса в сохранении русского языка и сохранении и развитии других языков, который может оптимальным образом снимать конкуренцию через двуязычие и многоязычие. Пока такой структуры нет. Но чтобы она появилась, нужен определенный круг компетенций, например, чтобы писать официальные документы типа концепций или программ. Пока эта работа ведется только в активистских и любительских формах. ФАДНом и Министерством просвещения ее результаты потом выдаются в их отчетах за деятельность по сохранению и развитию языков. При этом одним из механизмов имитации деятельности является ведомственный фокус на «малые языки» и «малые дела».

В равной мере это касается языковой политики как практической деятельности: в существующей административно-управленческой иерархии в России бюрократическая инерция по-прежнему относит языковые вопросы к области национальной политики. Языковой менеджмент не выделен в самостоятельную отрасль государственного управления и как часть реализации национальной политики относится к ведению ФАДН. В то же время, Концепцию государственной языковой политики разрабатывает Министерство просвещения, в чем можно усмотреть заинтересованность последнего в том, чтобы отнести языковую политику к сфере образования. Для этого есть аргумент, что языковая политика в качестве материальной политики реализуется действительно в первую очередь в образовании. Однако в рамках публичной политики языковая политика – это отдельное направление государственной политики, для реализации которой в качестве самостоятельной отрасли государственного управления логично было бы создание специализированного исполнительного органа, аналогичного существующим

структурам во многих многонациональных и многоязычных странах, таких как Индия, Китай, Канада, ЮАР и других (см.: [Замятин, 2023б]).

6. Заключение

Итак, за термином «языковая политика» скрываются два вида деятельности: научная и практическая. В данной статье говорится, в первую очередь, об исследованиях языковой политики, т.е. научной деятельности. Теории языковой политики возникли как прикладной междисциплинарный проект, в котором выводы исследований применяются для решения практических проблем. Теории языковой политики, несмотря на свою более чем полувековую историю, до сих пор не синтезированы в мировой науке из междисциплинарного проекта в отдельную академическую дисциплину и по причине своего прикладного характера вряд ли будут синтезированы.

Прежде всего, в академическом смысле «языковая политика», несмотря на присутствие термина «языковая», – не направление или «субдисциплина» социолингвистики, как до сих пор принято считать в России. Отставание в развитии российских исследований языковой политики вызвано как отсутствием соответствующей традиции – в СССР не было политологии, – так и преемственностью в самой практике политики, в соответствии с которой собственно языковая политика не рассматривалась и до сих пор не рассматривается как отдельное направление государственной политики и отдельная отрасль государственного управления, а только как часть национальной политики и ее реализации.

В концепциях «национальная политика» и «языковая политика» родовое понятие – «политика». Научным изучением политики занимается политическая наука (политология). После распада СССР в этнологии шел схожий процесс становления и развития нового направления исследований. Сегодня национальную политику изучают в первую очередь этнополитологи в рамках этнополитологии как субдисциплины политической науки. Религиозная, миграционная, гендерная, культурная политика, образовательная политика и другие подобные политики идентичностей также изучаются политологией. Национальная, языковая, религиозная политики – все эти политики – это конкретные примеры «публичной политики», изучаемой в академической перспективе одноименной субдисциплиной политической науки.

Национальная, языковая, религиозная политики, языковая политика в образовании – это частные направления управления разнообразием. Экспертиза антропологов, этнологов, лингвистов, религиоведов добавляет характеризующее соответствующие отрасли содержание, но не может заменить работу политологов. В свою очередь, лингвополитология в России до сих

недостаточно развита, поэтому к участию в формировании политики властные структуры периодически привлекают как экспертов социолингвистов и даже лингвистов, которые обычно не имеют подготовки в области политической науки. Людей, сообщества и государства изучают гуманитарные и социальные науки. Необходимый минимум – это интерес к людям и, по крайней мере, социолингвистическая подготовка, а также владение этнографическими, социологическими и этнополитическими методами исследований.

Чтобы повлиять на политику, надо понимать, как она устроена. Прикладные знания и практические усилия лингвистов остаются невостребованными при неспособности сформулировать свое видение на языке политического дискурса. Низкий уровень экспертизы оказывается неспособным обеспечить запрос властных структур на научно-концептуальное обоснование политики, а значит эффективность проводимой политики. В свою очередь, политические решения, принимаемые практиками политики часто на основе текущей политической ситуации без квалифицированного научного обоснования, оказываются не просто неэффективными, но и реально и потенциально конфликтогенными.

Эпистемологически изучение языковой политики другими дисциплинами обосновывается постмодернистским пониманием политической власти, которое через акцент на роли идеологии позволяет увидеть, что люди сопротивляются традиционным концепциям власти, чтобы сохранить притязания на свою собственную идентичность. Конечно, и в России действуют и другие акторы со своей агентностью и резилентностью. Но при этом за абстрактным тезисом про множественность субъектов политики не стоит забывать, что агентность в обществах распределяется неравномерно. Анализ официального дискурса показывает, что языковая политика в России по-прежнему концептуализируется как «государствоцентричная». Конкретно в российском обществе власть по-прежнему в основном спускается «сверху вниз» как политические и управленческие решения в рамках государственной политики и государственного управления.

В такой ситуации по-прежнему актуальным остается вопрос о соотношении языковой политики и языкового права, а также о соотношении дескриптивного подхода, исследующего практики принятия политического решений, и нормативного подхода, прикладывающего формальные модели в поиске оптимальных и справедливых решений. В условиях, когда в дискуссиях о теории модернизации пока не найдено убедительных ответов на критику по поводу современных вызовов демократии, представляется разумной исследовательская стратегия, когда усилия ученых направлены в первую очередь на онтологическое изучение самих явлений, в то время как нормативные вопросы, такие как вопрос о языковой справедливости, остаются в повестке для обсуждения до лучших времен. На мой взгляд, особенности политической

ситуации в России в целом не препятствуют исследованиям языковой политики в России как публичной политики, моделированной в качестве политического цикла, а позволяют вывести политический режим как независимую переменную при обосновании оценки эффективности политики.

Таким образом, центральными онтологическими вопросами являются вопросы «что представляет из себя языковая политика?» и «кто делает языковую политику?» в России по-прежнему приходится наблюдать «государствоцентричную» политику, несмотря на то что она пока не институализирована и не выведена формально в качестве самостоятельного направления политики. Такому онтологическому пониманию нужна соответствующая эпистемология. Политику изучает политическая наука. При этом инструментарий дисциплины публичной политики не ограничивается исследованиями роли государства, но позволяет увидеть и понять также роль других субъектов. В этом контексте ключевую роль для понимания языковой политики России имеет ее изучение как публичной политики. Вероятно, что такое понимание так же найдет в скором времени свое воплощение через институциализацию в академической среде.

Литература

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика: 1917–2000 гг.: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+ИВ РАН.

Баранова В.В. (2023) Языковая политика без политиков: Языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: ВШЭ.

Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001) Социолингвистика: Уч. для вузов. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т.

Биткеева А.Н. и др. (ред.) (2016) Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Азбуковник.

Борисова Н.В. (2017) Когда языки в огне: Оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. Москва: РОССПЭН.

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. (2004) Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия.

Губогло М.Н. (1998) Языки этнической мобилизации. М.: ИЭА РАН.

Замятин К.Ю. (2005) О возможностях сближения дискурсов политической философии и права до уровня общей политико-правовой дискуссии по «национальному вопросу» // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма. С. 259–265.

Замятин К.Ю. (2022) Языковая политика в России после поправок к Конституции 2020 года: Начало нового этапа? // Современная языковая политика в мире: Теория и практика / Отв. ред. М.Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М.: ИМЛИ РАН. С. 104–115.

Замятин К.Ю. (2023а) К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии Н.М. Мухарямова и О.Б. Януш «Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики» (Казань, 2022) // Вестник Пермского университета. Политология. Пермь. Т. 17. № 3. С. 75–84.

Замятин К.Ю. (2023б) Разработка Концепции государственной языковой политики: Проблемы согласования бюрократического и академического подходов // Социолингвистика. № 4 (16). (рукопись).

Мухарямов Н.М., Януш О.Б. (2022) Языковое устройство российского общества: Факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество.

Сморгунов Л.В. (ред.) (2023) Государственная политика и управление: Концепции и проблемы: Уч. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт.

Соколовский С.В. (2016) Языковая политика как фактор национальной безопасности // Этнографическое обозрение. № 3. С. 46–56.

Соловьев А.И. (ред.) (2017) Государственная политика и управление: Уч. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс.

Филиппова Е.И., Соколовский С.В. (ред.) (2017) Языковая политика, конфликты и согласие. М.: ИЭА РАН.

Филиппова Е.И., Соколовский С.В. (ред.) (2020) Смерть языка – смерть народа?: Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М.: ИЭА РАН.

*Хархордин О.В. (*2011) Основные понятия российской политики. М.: Новое лит. обозрение.

Хархордин О.В. (2021) Республика: Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Хилханова Э.В. (2020) Люди в языковой политике: Теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике:(На примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Т. 16. № 3. С. 756–815.

Arutyunova, E., Zamyatin, K. (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses // International Journal of Human Rights. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.

Barakos, E., Unger, J. (2016) Discursive Approaches to Language Policy. L.: Palgrave Macmillan.

Edelman, M. (1977) Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. N. Y.: Academic Press.

Fishman, J. (1972) The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley; Mass.: Newbury House.

Jankiewicz, S., Kniaginina, N. (2019) Language Conflicts in Russia's Education System // European Yearbook of Minority Issues Online. Vol. 16 (1). Pp. 188–210.

Johnson, D. (2013) Language Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Johnson, D. (2018) Research Methods in Language Policy and Planning // Oxford Handbook of Language Policy and Planning // J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.

Gazzola, M. (2014) The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organisations. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A. (2023) Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Cham: Palgrave Macmillan.

Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K. (eds.) (2024) The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Abingdon: Routledge, manuscript.

Grin, F. (2003) Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. N. Y.: Palgrave Macmillan.

Hinton, L., Huss, L., Roche, G. (eds.) (2018) The Routledge Handbook of Language Revitalization. N.Y.: Routledge.

Hogan-Brun, G., O'Rourke, B. (eds.) (2019) The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. L.: Palgrave Macmillan.

Hornberger, N. H., Anzures, A., Hanks, D. H., Kvietok, F., Lee, S. (2018) Ethnography of language planning and policy // ERRATUM. Language Teaching. Vol. 51 (03). Pp. 436–437.

Kymlicka, W., Patten, A. (eds.) (2003) Language Rights and Political Theory. Oxford: Oxford University Press.

Liddicoat, A., Taylor-Leech, K. (2020) Agency in Language Policy and Planning // Current Issues in Language Planning. Vol. 22 (1–2). Pp. 1–18.

Pine, A., Turin, M. (2017) Language Revitalization // Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics / M. Aronoff (ed.). Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.

Pérez-Milans, M., Tollefson, J.W. (2018) Language Policy and Planning: Directions for Future Research / J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.) // Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press. Pp. 727–742.

Rehg, K., Campbell, L. (eds.) (2018) The Oxford Handbook of Endangered Languages. Oxford: Oxford University Press.

Ricento, T. (ed.) (2006) An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing.

Scollon, R., Scollon, S.W. (2004) Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet. L.: Routledge.

Shapiro, M. (ed.) (1984) Language and Politics. N. Y.: New York University Press.

Shapiro, M. (1988) The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis. Madison: The University of Wisconsin Press.

Sonntag, S., Cardinal, L. (eds.) (2015) State Traditions and Language Regimes. Montreal: Kingston: McGill Queen‘s University Press.

Yusupova, G. (2022) How Does the Politics of Fear in Russia Work? The Case of Social Mobilisation in Support of Minority Languages // Europe-Asia Studies. Vol. 74 (4). Pp. 620–641.

References

Alpatov, V.M. (2000) 150 yazykov i politika: 1917–2000: Sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva [150 Languages and Politics: 1917–2000: Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. M.: RAS Institute for Oriental Studies. (In Russ.)

Baranova, V.V. (2023) Yazykovaia politika bez politikov: Yazykovoi aktivizm i minoritarnye yazyki v Rossii [Language Policy Without Politicians: Language Activism and Minority Languages in Russia]. M.: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) Sotsiolingvistika: Uch. dlya vuzov [Sociolinguistics: Textbook for Higher Education Institutions]. M.: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)

Bitkeeva, Aysa et al. (eds.) (2016). Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language Policy in the Context of Contemporary Linguistic Processes]. M.: Azbukovnik. (In Russ.)

Borisova, N.V. (2017) Kogda yazyki v ogne: Osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhehtnicheskikh otnosheniyakh [When Tongues Are on Fire: Contesting Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations]. M.: ROSSPEN. (In Russ.)

Vakhtin, N.B., Golovko, Ye.B. (2004) Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka [Sociolinguistics and sociology of language]. SPb.: Publishing Center "Humanitarian Academy". (In Russ.)

Guboglo, M.N. (1998) Languages of Ethnic Mobilization [Yazyki etnicheskoy mobilizatsii]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)

Zamyatin, K.Yu. (2005) O vozmozhnostyakh sblizheniya diskursov politicheskoj filosofii i prava do urovnya obshhej politiko-pravovoj diskussii po «natsional'nomu voprosu» [On the possibilities of bringing together the discourses of political philosophy and law to the level of a general political and legal discussion on the “national question”]. Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennom mire. Eds. O.Yu. Malinovoj and A.Yu. Sungurova. SPb.: Norma. Pp. 259–265. (In Russ.)

Zamyatin, K.Yu. (2022) Yazykovaya politika v Rossii posle popravok k Konstitutsii 2020 goda: Nachalo novogo ehtapa? [Language policy in Russia after amendments to the Constitution of 2020: the beginning of a new stage?]. Sovremennaya yazykovaya politika v mire: Teoriya i praktika. Eds. M.Ya. Kaplunova, Zhao Ronghuy. M.: RAS Institute of World Literatures. Pp. 104–115. (In Russ.)

Zamyatin, K.Yu. (2023a) K postanovke problemy izucheniya yazykovoj politiki kak publichnoj politiki: Razmyshleniya po povodu monografii N.M. Mukharyamova i O.B. Yanush «Yazykovoe ustrojstvo rossijskogo obshhestva: Faktory politicheskoj dinamiki» (Kazan. 2022) [For Statement of The Problem of Studying Language Policy as a Public Policy: Reflections on the Monograph of N. M. Mukharyamov and O. B. Yanush "Language Device of The Russian Society: Factors of Political Dynamics" (Kazan. 2022)]. Bulletin of the Perm University. Political Science. Perm'. Vol. 17. No. 3. Pp. 75–84. (In Russ.)

Zamyatin, K.Yu. (2023b) Razrabotka Kontseptsii gosudarstvennoj yazykovoj politiki: Problemy soglasovaniya byurokraticheskogo i akademicheskogo podkhodov [Development of the Concept of State Language Policy: Problems of Coordination of Bureaucratic and Academic Approaches]. Sociolinguistics. Vol. No. 4 (16) manuscript. (In Russ.)

Mukharyamov, N.M. and Yanush, O.B. (2022) Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki [Language Device of the Russian Society: Factors of Political Dynamics]. Ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.)

Smorgunov, L.V. (ed.) (2023) Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Kontseptsii i problemy: Uch. posobie dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop. [Public Policy and Management: Concepts and Problems: Study Guide. Second edition, revised and expanded]. M.: Yulright Press. (In Russ.)

Sokolovskiy, S.V. (2016) Yazykovaya politika kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Language policy as a factor of national security]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. No. 3. Pp. 46–56. (In Russ.)

Solovyov, A.I. (ed.) (2017) Gosudarstvennaya politika i upravlenie: Uch. posobie dlya vuzov [Public Policy and Management: Study Guide]. M.: Aspekt Press. (In Russ.)

Filippova, E.I., Sokolovskiy, S.V. (eds.) (2017) Yazykovaya politika, konflikty i soglasie [Language policy, Conflicts and Concord]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)

Filippova, E.I., Sokolovskiy, S.V. (eds.) (2020) Smert' yazyka – smert' naroda?: Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh [The death of a language is the death of a people?: Language situations and language rights in Russia and neighboring countries]. M.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology. (In Russ.)

Kharkhordin, O.V. (2011) Osnovnye ponyatiya rossiyskoy politiky [Basic concepts of Russian politics]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]. (In Russ.)

Kharkhordin, O.V. (2021) Respublika: Polnaya versiya [Republic. Full version]. SPb.: European University in St. Petersburg Publishing House. (In Russ.)

Khilkhanova, E.V. (2020) Lyudi v yazykovoj politike: Teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike: (Na primere Rossii i Zapadnoy Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics: (On the example of Russia and Western Europe)]. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16. No. 3. Pp. 756–815. (In Russ.)

Arutyunova, E., Zamyatin, K. (2021) An Ethnolinguistic Conflict on the Compulsory Learning of the State Languages in the Republics of Russia: Policies and Discourses. International Journal of Human Rights. Vol. 25 (5). Pp. 832–852.

Barakos, E., Unger, J. (2016) Discursive Approaches to Language Policy. L.: Palgrave Macmillan.

Edelman, M. (1977) Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. N. Y.: Academic Press.

Fishman, J. (1972) The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society. Rowley; Mass.: Newbury House.

Jankiewicz, S., Kniaginina, N. (2019) Language Conflicts in Russia's Education System. European Yearbook of Minority Issues Online. Vol. 16 (1): 188–210.

Johnson, D. (2013) Language Policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Johnson, D. (2018) Research Methods in Language Policy and Planning. J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press: 51–70.

Gazzola, M. (2014) The Evaluation of Language Regimes: Theory and Application to Multilingual Patent Organisations. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D.C., Leoni de León, J.A. (2023) Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning. Cham: Palgrave Macmillan.
Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L., Heugh, K. (eds.) (2024) The Routledge Handbook of Language Policy and Planning. Abingdon: Routledge, manuscript.
Grin, F. (2003) Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. N. Y.: Palgrave Macmillan.
Hinton, L., Huss, L, Roche, G. (eds.) (2018) The Routledge Handbook of Language Revitalization. N.Y.: Routledge.
Hogan-Brun, G., O'Rourke, B. (eds.) (2019) The Palgrave Handbook of Minority Languages and Communities. L.: Palgrave Macmillan.
Hornberger, N.H., Anzures, A., Hanks, D.H., Kvietok, F., Lee, S. (2018) Ethnography of language planning and policy. ERRATUM. Language Teaching. Vol. 51 (03). Pp. 436–437.
Kymlicka, W., Patten, A. (eds.) (2003) Language Rights and Political Theory. Oxford: Oxford University Press.
Liddicoat, A., Taylor-Leech, K. (2020) Agency in Language Policy and Planning. Current Issues in Language Planning. Vol. 22 (1–2). Pp. 1-18.
Pine, A., Turin, M. (2017) Language Revitalization. M. Aronoff (ed.). Oxford Research Encyclopaedia of Linguistics. Oxford: Oxford University Press. Pp. 51–70.
Pérez-Milans, M., Tollefson, J.W. (2018) Language Policy and Planning: Directions for Future Research. J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.). Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press. Pp. 727–742.
Rehg, K., Campbell, L. (eds.) (2018) The Oxford Handbook of Endangered Languages. Oxford: Oxford University Press.
Ricento, T. (ed.) (2006) An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Oxford: Blackwell Publishing.
Scollon, R., Scollon, S.W. (2004) Nexus Analysis: Discourse and the Emerging Internet. L.: Routledge.
Shapiro, M. (ed.) (1984) Language and Politics. N. Y.: New York University Press.
Shapiro, M. (1988) The Politics of Representation: Writing Practices in Biography: Photography, and Policy Analysis. Madison: The University of Wisconsin Press.
Sonntag, S., Cardinal, L. (eds.) (2015) State Traditions and Language Regimes. Montreal: Kingston: McGill Queen‘s University Press.
Yusupova, G. (2022) How Does the Politics of Fear in Russia Work?: The Case of Social Mobilisation in Support of Minority Languages. Europe-Asia Studies. Vol. 74 (4). Pp. 620–641.

Замятин Константин Юрьевич – PhD, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия.
Адрес: 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.
Эл. адрес: k.zamyatin@iling-ran.ru

Zamyatin Konstantin Yurievich – PhD, associate professor, senior researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: 125009, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1, building 1.
Email address: k.zamyatin@iling-ran.ru

Для цитирования: *Замятин К.Ю.* Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 29–52. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52

For citation: *Zamyatin, K.Yu.* Research on language policy as public policy in Russian and world science // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 29–52. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52

The article was submitted 25.10.2023;
approved after reviewing 22.11.2023;
accepted for publication 01.12.2023

УДК **81’27(=1.571.56-81)** DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-53-69

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Валентина А. Кожемякина
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье представлен анализ языковой политики Франции по отношению к региональным языкам страны. Франция является многоязычной страной и несмотря на то, что Конституцией признается только один официальный язык – французский, французским властям приходится отвечать на требования носителей семидесяти пяти региональных языков страны по сохранению и развитию своих родных языков. В статье проведен анализ законов о региональных языках, принятых во Франции, которые постепенно расширяют сферы их использования. И хотя первый закон об использовании некоторых региональных языков был принят в 1951 г., только в 2021 г. был принят закон о региональных языках, позволяющий организовывать преподавание регионального языка не только как предмет, но и двуязычное обучение на всех региональных языках страны. Рассматривается функционирование региональных языков метропольной Франции в социально-коммуникативных сферах, но особое внимание уделяется использованию этих языков в основной сфере функционирования языка – системе образования. Актуальность статьи обусловлена особым вниманием российской и мировой общественности к языковой ситуации и решению языковых проблем в полиэтнических государствах, а также к сохранению языков коренных народов многоязычных стран.

Ключевые слова: *региональные языки, языковая ситуация, сферы коммуникации, функционирование региональных языков, языковое законодательство Франции*

LANGUAGE POLICY OF FRANCE WITH RESPECT TO THE REGIONAL LANGUAGES

Valentina A. Kozhemyakina
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article analyses the language policy of France with respect to the regional languages of the country. France is a multilingual country and despite the fact that the Constitution recognizes only one language as official – French, the authorities of France have to respond to the requirements of the speakers of seventy-five regional languages of the country to preserve and develop their native languages. The article analyses the laws on regional languages adopted in France, which gradually expand the scope of their use. And although the first law on the use of certain regional languages was passed in 1951, it was only in 2021 that the law on regional languages was passed, allowing for the organization of teaching a regional language not only as a subject, but also bilingual education in all regional languages of the country.Functioning of the regional languages of metropolitan France in different socio-communicative domains is considered, but special attention is paid to the use of these languages in the main sphere of language functioning, namely the education system. The relevance of the article is due to the special attention of the Russian and world community to the language situation and the solution of language problems in multi-ethnic states, as well as to the preservation of indigenous languages of multilingual countries.

Keywords: *regional languages, language situation, spheres of communication, functions of regional languages, language legislation of France*

1. Введение

Региональные языки Франции являются частью истории и культуры страны. Но развивающиеся одновременно с официальным французским языком, региональные языки всегда были исключены из основных коммуникативных сфер общества, пока многие из них не стали языками, находящимися под угрозой исчезновения. Внимание ученых-лингвистов они привлекали уже несколько веков и являлись объектом исследования как французских, так и российских романистов. Многие ученые занимались исследованиями этих языков во Франции: А. Доза [Dauzat, 1900], М. Морван [Morvan, 1997], А. Вио [Вио, 2009], Ф. Мартель [Martel, 2007], М.-Ж. Дальбера-Стефанаджи [Dalbera-Stefanaggi, 2000], Ф. Фавро [Favereau, 2018] и мн. др.. В России региональными языками занимались как диалектологи, так и романисты: М.А. Бородина [Бородина, 1982], Н.М. Бичурина [Бичурина, 2012], В.Г. Гак [Гак, 1986], И.И. Челышева [Языки мира. Романские языки, 2001] и другие. Следует отметить, что большинство работ посвящалось и посвящается исследованиям языковых характеристик того или иного языка, в то время как его функциональная мощность не всегда рассматривается в исследованиях.

В данной работе основное внимание уделяется функционированию региональных языков метропольной Франции в разных сферах коммуникации, но в основном – в сфере образования, которая позволяет сохранять языки малочисленных этносов и поддерживать их развитие.

Все статистические данные приводятся в работе по данным многочисленных отчетов государственных и местных властей Франции о функционировании региональных языков в разных коммуникативных сферах.

2. Региональные языки метропольной Франции

Поскольку все официальные списки региональных языков Франции составлены на основании Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, следует обратиться к определению регионального языка, данного в Хартии:

«...Региональные языки или языки меньшинств означают языки, которые:

а) традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства;

б) отличаются от официального языка (языков) этого государства; они не включают в себя ни диалекты государственного языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов;

в) территория, на которой используется региональный язык или язык меньшинства означает географический район, в котором упомянутый язык является средством общения части населения, что является основанием для принятия различных мер по защите и развитию, предусмотренных настоящей Хартией» [Хартия].

Франция подписала, но не ратифицировала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, поскольку Конституционный совет решил, что ратификация Хартии может нарушить положение о статусе французского языка как единственного официального языка страны.

В своем докладе «Языки Франции» Б. Черквилини, директор Национального института французского языка, в 1999 г. определил количество региональных языков, которое в дальнейшем было принято лингвистами и официальными властями страны. Признано, что во Франции 75 региональных языков, из них – 24 языка в метропольной Франции.

В метропольной Франции официальный статус в качестве регионального языка[5] имеют:

− языки ойль[6]: шампанский, франш-контийский, галло, лотарингский, бургундско-морвандский, нормандский, пикардский, пуатевинско-сентонжский, валлонский;

− языки ок (имеют общее название *окситанский язык*): гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузенский, виваро-альпийский;

− другие языки: франкопровансальский, мозельско-франсийский, эльзасский, баскский, бретонский, каталанский, корсиканский, западнофламандский, лигурийский [Rapport de Bernard Cerquiglini…].

Все языки, признанные во Франции региональными, относятся к разным языковым семьям. Языки ойль и языки ок являются романскими языками. Кроме того, к романским языкам относятся: каталанский – вариант испанского языка; корсиканский и лигурийский – диалекты итальянского; эльзасский, мозельско-франсийский – диалекты немецкого языка и западнофламандский – группа диалектов нидерландского языка являются германскими языками; бретонский язык относится к кельтской группе, являясь ее единственным представителем на европейском континенте; баскский язык – генетически изолированный, неиндоевропейский язык.

[5] В данной работе принимается классификация, предложенная французскими лингвистами и одобренная официальными властями Франции [Rapport de Bernard Cerquiglini, 1999; Histoire sociale des langues de France, 2013; Ministère de la culture de France]

[6] Первое диалектное деление, утвердившееся еще в X в., определяло три большие группы языков, сохранившиеся до наших дней: на западе и севере языки ойль, на юге языки ок, и франко-провансальская группа диалектов, находящаяся между ними. Языки ойль (langues d’oïl) и языки ок (langues d’oc) названы так по произнесению утвердительной частицы *да* в этих языках [Доза, 1956: 429]. Современный французский язык также входит в группу языков ойль.

Все перечисленные языки относятся к метропольной Франции, в заморских департаментах и территориях зафиксировано функционирование более пятидесяти языков[7], которые активно используются в неофициальных сферах общения и частично в системе образования.

Региональные языки были внесены в Конституцию Франции в 2008 г. как культурное наследие страны: «Региональные языки являются частью наследия Франции» (Ст. 75–1) [Constitution française…].

2. Сосуществование французского языка и региональных языков на протяжении истории страны

Чтобы понять современное состояние региональных языков, необходимо обратиться к основным этапам их развития в течение предшествующих веков.

В Средние века во Франции существовало два типа языков: язык короля и все другие языки, называемые наречия (patois). В то время язык был индикатором социального положения: высшее общество говорило на языке короля, а наречиями пользовались все другие подданные.

С 1539 г. после принятия Франциском I ордонанса Виллер-Котре, который делал обязательным использование французского языка в административных и судебных учреждениях, вытесняя латынь, началось распространение французского языка на всей территории королевства, и при присоединении новых провинций издавался указ об обязательном употреблении французского языка в этой провинции. Подобные указы касались только государственных учреждений, и во многих провинциях функционировал местный язык, а преподавание велось сначала на латыни, а затем на местных наречиях. Значительная часть населения не владела французским языком. В дальнейшем, особенно благодаря введению в XV в. книгопечатания, французский язык стал распространяться на всей территории страны. Этому также способствовало экономическое единение страны, расширение связей между провинциями. В 1635 г. была создана Французская Академия, в обязанности которой входило изучение французского языка и его нормирование.

Очередной этап языковой политики приходится на период Великой французской революции, когда революционеры сначала провозгласили свободу языка для всех граждан республики, но впоследствии отказались от этой политики в пользу введения единого общего языка. Было проведено социолингвистическое анкетирование населения и выяснилось, что из 26 млн. жителей страны только для 11 млн. французский язык был родным, 6 млн. человек им

[7] О языках и языковой политике Франции в заморских департаментах и территориях см., например: [Кожемякина, 2020; Кожемякина 2023].

полностью не владели, 9 млн. едва могли объясниться на нем, но не могли на нем писать. Жители страны пользовались региональными языками или их диалектами.

А. Грегуар, инициировавший это анкетирование, выступил с «Отчетом о необходимости и о средствах уничтожения говоров и об универсализации использования французского языка», где он призывал к искоренению диалектов и навязыванию французского языка всему населению страны. В результате этого отчета были приняты два закона, в которых закреплялось положение, что единственным языком, допускаемым во Франции в общественной жизни и в школах, является французский язык.

В XIX в., когда был принят закон о всеобщем обязательном обучении, французский язык стал единственным языком обучения в школе, что привело к вытеснению региональных языков и их диалектов из употребления во многих сферах коммуникации.

4. Языковое законодательство во Франции

Все попытки защитников региональных языков привели к значимому результату только после Второй мировой войны, когда в 1951 г. был принят закон о преподавании в школах местных языков, так называемый закон Дейксона [Loi Deixone]. Этот закон касался как языковой политики, так и политики школьного образования. Он официально признавал существование региональных языков и позволял использовать их при обучении в школе. В статье 2 закон разрешает учителям «использовать местные языки в детских садах и начальных школах всякий раз, когда они могут воспользоваться ими для обучения, в частности для изучения французского языка[8]». В статье 3 этого закона определялось время занятий по изучению местных языков:

«1) любому учителю, который обратится с такой просьбой, может быть разрешено посвящать еженедельно один час занятий, направленных на обучение элементарным навыкам чтения и письма на местном наречии, а также на изучение избранных отрывков из соответствующей литературы;

2) это обучение является факультативным для учащихся».

В статье 4 давался перечень языков, на которых было позволено вести обучение: бретонский, баскский, каталанский, окситанский [Loi Deixonne].

Хотя закон Дейксона в настоящее время можно рассматривать как ограничительный, он предоставил другим этническим меньшинствам возможность претендовать на включение их родных языков в систему образования.

[8] Перевод этой и всех последующих цитат выполнены автором статьи.

Другим значимым законом в системе образования был закон Аби, принятый в 1975 г., в статье 12 которого было разрешено преподавание всех региональных языков без ограничения количества учебных часов на их изучение: «Обучение региональным языкам и культурам может проводиться на протяжении всего школьного образования» [Loi Haby]. Этот закон предлагал обязать школьную администрацию организовывать обучение на их родном языке для всех региональных меньшинств, которые обратятся с такой просьбой. Этот закон полностью менял систему преподавания региональных языков. Потребовалось изменить программы, расписание занятий и подготовить преподавательский состав. Таким образом, с 1975 г. французское законодательство официально признало существование в стране региональных языков, пока ограниченное только сферой образования.

В 1994 г. был принят Закон об употреблении французского языка, так называемый Закон Тубона. Этот закон не касался региональных языков, а был направлен против использования иностранных заимствований во французском языке, но в статье 21 уточняется, что закон не противоречит действующему законодательству в отношении региональных языков Франции: «Статья 21. Положения настоящего закона применяются без ущерба для законодательства и нормативных актов, касающихся региональных языков Франции, и не препятствуют их использованию» [Loi Toubon].

В первые десятилетия этого века были приняты Закон Фийона, несколько циркуляров Министерства образования, Кодекс образования, которые расширяли возможные границы использования региональных языков в школах не только как предмет обучения, но и как средство обучения: «...факультативное обучение региональному языку и культуре предлагается в одной из двух следующих форм: 1) обучение региональному языку и культуре; 2) двуязычное обучение на французском и региональном языках», 3) а также предлагается проводить это обучение на протяжении всего периода школьного образования [Code de l'éducation: Article L312-10].

В марте 2013 г. был создан Консультативный комитет по развитию региональных языков и внутреннего языкового многообразия. Задача этого комитета заключалась в том, чтобы «информировать государственные власти о способах выполнения 39 обязательств, взятых Францией при подписании Европейской Хартии региональных языков, и предлагать рекомендации, направленные на поощрение языкового плюрализма внутри страны». В отчете Консультативного комитета выделяются языки метрополии в зависимости от их «высокой жизненности» (эльзасский, баскский, бретонский, каталанский, корсиканский и окситанский), а также утверждается, что двуязычное образование на этих языках является «признанным вариантом», в то время как языки «с низким уровнем распространения» (западнофламандский,

галло, франкопровансальский) можно выучить только в «ограниченном количестве заведений». Тем не менее Комитет считает, что «каждый ребенок должен иметь возможность научиться читать и писать на своем родном языке» [Rapport du Comité consultatif…].

В своем отчете Консультативный комитет по развитию региональных языков и внутреннего языкового многообразия предлагает парламенту Франции принять закон с «высокой символической ценностью», чтобы «подтвердить важность» региональных языков. Комитет также предлагает повысить осведомленность французов о языках своей страны, начав национальную коммуникационную кампанию, улучшить информацию о двуязычном образовании и лучше учитывать существование региональных языков на уроках истории и географии [Rapport du Comité consultatif…].

Закон о региональных языках, принятый в 2021 г. по законопроекту депутата бретонского департамента П. Молака, позволил организовывать двуязычные классы в государственных школах, поскольку до этого времени двуязычное обучение было возможно только в частных учебных заведениях [LOI n° 2021-641…]. Новый закон дал начальным школам возможность предлагать обучение на конкретном региональном языке в течение большей части учебного времени, когда изучение французского языка вводится постепенно, что позволяет ученикам к концу начальной школы стать полностью двуязычными. Закон обязывал местные власти оплачивать обучение в частной школе детей, желающих изучать местный язык, если в коммуне, где они живут, нет государственной школы с образованием на региональном языке [LOI n° 2021-641…].

Официальные власти Франции обычно не проводят обследований населения с целью определения этнической принадлежности или владения жителей разными языками, поскольку все жители страны – французы (включая заморские территории и департаменты) и у них один официальный язык – французский. Но в связи с принятием закона 21 мая 2021 г. о региональных языках, были представлены данные о количестве французов, говорящих на региональных языках [Les langues régionales en France]:

Региональные языки	**Количество говорящих на языке**	**Количество использующих язык окказионально**
бретонский	280 000	600 000
западнофламандский	30 000	50 000
эльзасский	650 000	230 000
франкопровансальский	80 000	130 000
корсиканский	70 000	100 000
каталанский	110 000	–
баскский	50 000	–

бретонский	200 000	600 000
галло	200 000	–
языки ойль	580 000	730 000
окситанский	600 000	1 600 000

5. Региональные языки в системе образования

В системе школьного образования[9] присутствуют следующие региональные языки:

баскский – в 2023 г. 32 % всех учащихся в Стране Басков изучают баскский язык; 10 761 учеников начальных школ посещают занятия на баскском языке, 3795 из них получают иммерсивное обучение и 6966 чел. – имеют двуязычное обучение при 50 % школьного времени на баскском языке; 67 % начальных школ предлагают двуязычное или иммерсивное образование; в учреждениях среднего образования занятия по баскскому языку посещают 5440 чел.: при иммерсивном обучении –1554 учащихся и при двуязычном обучении – 2873 чел. 32 коллежа из 40 и 12 лицеев из 14 предлагают двуязычное или иммерсивное обучение [Au Pays Basque…, 2023];

бретонский – в настоящее время 14 000 учащихся получают двуязычное обучение и 4337 чел. – иммерсивное обучение в 533 образовательных учреждениях [Enseignement du breton, 2023];

каталанский – в 2018 г. 10 125 учеников изучали каталанский язык с детского сада до окончания среднего образования, что составляет 12 % детей школьного возраста; 5030 учащихся обучались на каталанском языке (двуязычное и иммерсивное обучение); 40 школ (13%) предлагают двуязычное и иммерсивное обучение; 12 колледжей (29 %) и 3 лицея (30 %) предлагают двуязычное обучение; во всех школах и лицеях преподается каталанский язык как предмет [Connaissance et emploi de la langue catalane, 2018];

окситанский – в 2020/2021 уч. году в начальной школе язык изучали 15 108 чел., в коллежах и лицеях – 9435, в учреждениях ассоциаций – 1335 чел. [L’enseignement des langues régionales… 2021];

корсиканский – с 2002 г. преподавание корсиканского языка является обязательным в средней школе, и случаи отказа от его изучения очень редки [Meglio et al., 2010]; в 2020 г. 62 % начальных школ (175 школ) предлагало двуязычное обучение, 12 600 учеников записаны на двуязычное обучение (45 % всех учащихся); в учебных заведениях среднего школьного образования практически все учащиеся изучают корсиканский язык: 29 коллежей предлагают

[9] Начальное образование дети во Франции получают в начальной школе с 10-го по 7-й классы (отсчет классов идет в обратном порядке); среднее образование состоит из двух блоков: первый блок обучения в коллеже (с 6-го по 3-й классы), обучение в коллеже является обязательным, и второй блок обучения в лицее, это могут быть профессиональные лицеи или лицеи, которые готовят учащихся для поступления в вузы. По окончании таких лицеев учащиеся получают диплом бакалавра, на основании которого они могут поступать в вузы.

изучение корсиканского языка и 3 лицея – двуязычное обучение; им преподают 111 учителей корсиканского языка и корсиканской культуры [Enseignement: La langue corse en danger ?, 2021];

мозельско–франсийский – в 2020/2021 уч. году в начальных школах изучали язык 170 чел., в коллежах и лицеях – 154 чел., в учебных заведениях ассоциаций – 373 чел. и в религиозных – 83 чел. [L'enseignement des langues régionales… 2021];

эльзасский – в 2020/2021 уч. году в начальных учебных заведениях язык изучали 367 чел., в коллежах и лицеях – 217 чел. и в религиозных – 1638 чел. [L'enseignement des langues régionales… 2021];

галло – в 2019/2020 уч. году 440 учеников изучали язык в начальной школе, 393 учащихся – в коллежах и лицеях; язык галло преподается только факультативно в трех колледжах и пяти лицеях, и он насчитывает только пять преподавателей [L'enseignement de la langue gallèse…]; язык галло является единственным языком ойль, признанным Министерством образования.

Следует отметить, что изучение региональных языков не является обязательным, а проводится только по просьбам родителей учеников и самих учащихся.

По данным официальных источников, в 2010 г. число учеников, изучавших региональные языки, было следующим: окситанский – 15 000 чел.; бретонский – 7324 чел.; галло – 574 чел.; баскский – 3 209 чел.; каталанский – 2 723 чел.; корсиканский – 9 260 чел.; эльзасский – 35 855 чел.; мозельско-франсийский – 187 чел. [Le Figaro, 2011]. При сравнении с данными последних лет наблюдается увеличение за последнее десятилетие количества учеников, изучающих региональные языки; тем не менее, несмотря на то что прилагаются большие усилия по организации обучения региональным языкам, количество учащихся, изучающих региональные языки равняется нескольким процентам от всех детей школьного возраста в стране.

Взрослые французы могут изучать региональные языки в многочисленных организациях и ассоциациях и получить диплом о знании изучаемого языка (DCL – Diplôme de compétences en langues), наиболее развита эта сеть образовательных организаций для бретонского и окситанского языков.

Начиная с 1970 г. предлагается вариант сдачи экзамена по региональному языку (корсиканскому, баскскому, бретонскому, каталанскому и окситанскому языкам) для получения диплома бакалавра.

Анализируя имеющиеся данные о преподавании региональных языков во Франции, можно определить три группы региональных языков в системе образования.

1. Языки, на которых обеспечено динамичное обучение, это языки бретонский, корсиканский и баскский.

2. Языки, в преподавании которых имеются недостатки как в количественном, так и в качественном отношении. К этим языкам относятся каталанский, эльзасский и мозельско-франсийский. Для этих языков в малом количестве образовательных учреждений организовано иммерсивное или двуязычное обучение, чаще учащиеся изучают свой родной язык как предмет.

В Эльзасе и Мозеле ситуация изучения региональных языков, которые являются диалектами немецкого языка, такова, что чаще всего на всех этапах обучения преподается немецкий язык как при изучении языка, так и при двуязычном обучении.

В эту группу языков можно включить также окситанский язык, хотя его изучает большое количество учащихся, но его преподавание распространено на 32 департамента области языков ок; и основная часть изучающих окситанский язык сконцентрирована в Тулузе, где только три учебных учреждения предлагают изучение окситанского как дисциплины.

3. Языки, которые изучаются незначительным количеством учащихся в ограниченном количестве учебных заведений: провансальский, гасконский, лангедокский, лимузенский, западнофламандский, галло. Для этих языков не было разработано программ по организации их изучения.

Все остальные региональные языки метропольной Франции не преподаются в системе образования страны.

Приведенные данные свидетельствуют об изменении отношения к региональным языкам за последние десятилетия. Государство признало, что языки исторически сложившихся этнических групп на определенных территориях страны представляют собой важный культурный ресурс, к которому открывается доступ для молодого поколения.

Несомненно, что для увеличения школ с преподаванием региональных языков и на региональных языках, необходимо желание детей (и их родителей) изучать свой родной язык. В настоящее время, несмотря на расширение системы преподавания региональных языков, их реальный статус все еще остается ниже, чем у иностранных языков, особенно английского, испанского, немецкого и итальянского.

Что касается языков, на которых говорят иммигранты, то во Франции некоторые из этих языков преподаются в школе как иностранные. В системе образовании существует преподавание на языках происхождения (ELCO), но цель этого обучения заключается в содействии интеграции или ассимиляции иммигрантов или даже их возвращения в страну происхождения, а не в содействии созданию языковых сообществ в стране. В настоящее время министерство национального образования публикует список из 23 иностранных языков, преподаваемых в школах и лицеях.

6. Функционирование региональных языков в других сферах коммуникации

Что касается других сфер функционирования региональных языков, то благодаря закону, принятому в 2021 г., вводилась обязанность государственных административных учреждений дублировать вывески, указатели и всю официальную уличную информацию на региональном языке данной местности. И несколько муниципалитетов, особенно в регионах с сильной культурой самобытности (Бретань, Эльзас, Французская Страна Басков, Корсика, Прованс, Ницца и т. д.), начали наносить на указатели двуязычные надписи одонимов.

Языком административных учреждений остается только официальный французский язык, а язык нескольких миллионов носителей региональных языков может быть использован только в частной жизни.

Что касается правосудия, то ни в одном из принятых законодательных актов не предписывается обязанность пользоваться только французским языком. Вот почему постановление Виллер-Котре от 1539 г. по традиции считается текстом, делающим французский язык судебным языком как в метропольной Франции, так и во всех ее заморских департаментах и территориях, поскольку с тех пор и по настоящее время французский язык является обязательным в ходе судебного разбирательства, как административного, так и уголовного.

Тем не менее сфера правосудия остается одной из немногих областей государства, которые в некоторой степени терпимо относятся к факту использования языка этнических меньшинств. Баскский, корсиканский, эльзасский языки иногда могут использоваться в судах без переводчика, но это не является обязательным правом: в этом случае судья должен знать язык сторон. Кроме того любой человек, не говорящий на французском языке, имеет право воспользоваться услугами переводчика в суде, что является распространенной практикой в мире. Фактически французский язык по-прежнему используется почти исключительно в судах, за исключением дел иммигрантов, не владеющих французским языком.

Что касается аудиовизуальных услуг, то до 1982 г. теле- и радиопередачи велись только на французском языке, за исключением нескольких часов на некоторых региональных языках. После принятия закона от 29 июля 1982 г. об аудиовизуальной коммуникации выбор языка выражения стал свободным. Статья 5 этого закона, в частности, ставит перед государственными телевизионными службами задачу поддержки региональных языков и культур в телевещании [Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle].

В 2014 г. Канал *Франс 3* выделил 376 часов на программы телевещания на региональных языках: 124 ч. 44 м. – на окситанском; 87 ч. 10 м. – на эльзасском; 68 ч. 02 м. – на корсиканском; 67 ч. 06 м. – на бретонском; 20 ч. 05 м. – на каталанском; 8 ч. 30 м. – на баскском языке [Les langues régionales à la télévision].

Региональные языки присутствуют и в радиовещании. Компания *Радио Франс* транслирует передачи на местных языках в каждом из регионов, где существует определенный региональный язык. Но не все станции транслируют одинаковое количество передач на разных региональных языках и не обязательно используют одни и те же способы выражения. Регионализация радиотелевизионного вещания особенно благоприятствовала бретонскому, окситанскому, баскскому, каталанскому, корсиканскому и эльзасскому языкам, которым было выделено несколько часов еженедельного вещания на радио и телевидении. Региональные языки получают только согласованную часть эфирного времени национальных радио- и телекомпаний, но Закон 1982 г. об аудиовизуальной коммуникации предоставил возможность свободного вещания, что привело к появлению свободных и частных небольших радиостанций, обслуживающих почти исключительно группы этнических меньшинств. Наибольшие показатели эфирного времени у Корсики, которая предлагает 5600 часов в год на корсиканском языке, особенно в прайм-тайм.

7. Заключение

Во Франции проходят ожесточенные дебаты по поводу продвижения региональных языков и расширения сфер их использования, поскольку уже много лет обсуждается проблема возможности ратификации Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, где столкнулись как сторонники, так и противники ратификации. Несомненно, ратификация Хартии должна повлечь за собой изменение Конституции страны, признающей единственный официальный язык – французский. В то время как в статье 7 Хартии договаривающиеся стороны (те, которые ратифицировали Хартию) должны основывать свою политику на «уважении географического ареала каждого регионального языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административное деление не создавало препятствий развитию данного регионального языка или языка меньшинства». В частности, они должны способствовать «содействию и/или поощрению использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни», а также «обеспечению надлежащих форм и средств преподавания и изучения региональных языков или языков меньшинств на всех соответствующих стадиях» [Хартия].

Власти Франции уже много сделали для сохранения и изучения региональных языков, обеспечивая их изучение в сфере образования, но необходимо также разработать эффективные механизмы использования региональных языков и в сфере государственных услуг, и в общественной жизни страны, расширить их функционирование в сфере образования и аудиовизуальной коммуникации.

Очевидно, что когда-нибудь Франции придется найти компромисс между официальным статусом французского языка и законным использованием региональных языков, поскольку добавление статьи 75-1 в Конституцию – «региональные языки являются достоянием Франции» – не решает проблему, поскольку она не предоставляет никакого статуса и никаких гарантий существования и развития региональным языкам. Некоторым государствам (например Германии, Нидерландам, Испании, Венгрии) удалось согласовать функционирование официального языка с использованием языков меньшинств. Франция сохраняет в своей Конституции положения, отдающие предпочтение только одному официальному языку, не делая ни малейшего намека на статус языков коренных народов, исторически проживающих на ее территории.

Литература

Бичурина Н.М. (2012) «Малые романские языки»: Металингвистический дискурс и языковая политика Франции: (На примере окситанского / провансальского и арпитанского/савойского) // Вопросы языкознания. № 1, С. 123–133.

Бородина М.А. (1982) Диалекты или региональные языки?: (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. № 5, С. 29–38.

Вио А. (2009) Региональный язык, говор и диалект во Франции: Три связанных понятия // Психологические исследования. № 6 (8). Режим доступа: http://psystudy.ru Дата обращения: 12.07.2023.

Гак В.Г. (1986) Введение во французскую филологию. М.: Просвещение, 183 с.

Доза А. (1956) История французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы. 471 с.

Кожемякина В.А. (2020) Французская Америка в прошлом и настоящем: Социолингвистическое исследование. М.: Ин-т языкознания РАН, 405 с.

Кожемякина В.А. (2023) Особенности языковой ситуации многонациональной Гвианы // Научный диалог. № 12 (4). С. 85–105. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12- 4-85-105

Языки мира. Романские языки (2001) / Под ред. И.И. Челышевой и др. М.: Academia. 720 с.

Dalbera-Stefanaggi, M.–J. (2000) Langue corse : Une approche linguistique. Paris : Klincksieck. 160 p.

Dauzat, A. (1900) Études linguistiques sur la Basse Auvergne : Morphologie du patois de Vinzelles / Éditions E. Bouillon, coll. Bibliothèque de l'École des hautes études // Sciences philologiques et historiques. № 126. Paris. 307 p.

Favereau, F. (2018) Grammaire du breton contempotain. Morlaix : Skol Vreizh. 480 p.

Martel, Ph. (2007) L'école française et l'occitan. Le sourd et le bègue. Montpellier : Presses universitaires de la Méditerranée. 192 p.

Meglio di, A., Queno, S. (2010) Les choix problématiques de l'enseignement bilingue en Corse // Les Langues Modernes. № 4. Pp. 2–4.

Morvan, M. (1997) Les origines linguistiques du basque. Bordeaux : Presses Universitaires de Bordeaux. 284 p.

Источники

Хартия – Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1902299 Дата обращения: 10.07.2023.

Code de l'éducation. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071191/ Дата обращения: 15.07.2023.

Connaissance et emploi de la langue catalane. Éléments pour un rapport sur la situation de la langue catalane. (2018). Режим доступа: https://www.alabaylacferrer.cat/wp- content/uploads/2020/05/Rapport-sur-la-situation-de-la-langue-catalane-v2.pdf Дата обращения: 11.08.2023.

Constitution française du 4 octobre 1958. Texte intégral en vigueur à jour de la révision constitutionnelle du 23 juillet 2008. Режим доступа: https://www.conseil- constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4- octobre-1958-en-vigueur Дата обращения: 14.07.2023.

L'enseignement de la langue gallèse. (2020). Année scolaire 2019–2020. Institut de la langue gallèse. Observatoire des pratiques linguistiques. Режим доступа: https://www.calameo.com/read/006252242f96a4db91e90 Дата обращения: 20.08.2023.

Enseignement des langues régionales: un développement très inégal. (2020). Режим доступа: https://www.banquedesterritoires.fr/enseignement-des-langues-regionales-un- developpement-tres-inegal Дата обращения: 08.08.2023.

L'enseignement des langues régionales. Etat des lieux et perspectives. (2021). Режим доступа: https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/document/document/2021/07/rapport_enseignement_des_langues_regionales.pdf Дата обращения: 12.07.2023.

Enseignement: La langue corse en danger ? Journal de la Corse. 12.12.2021. Режим доступа: https://www.journaldelacorse.corsica/articles/1201/enseignement-la-langue-corse-en-danger#:~:text=Actuellement%2C%2090%20%25%20des%20%C3%A9l%C3%A8ves%20inscrits,le%20primaire%2C%20arr%C3%AAtent%20le%20corse. Дата обращения: 15.08.2023.

Enseignement du breton. Ouest–France. 28.06.2023. Режим доступа: https://www.ouest-france.fr/bretagne/enseignement-du-breton-letat-menace-par-une-procedure-en-carence-fautive-1ee6a724-15c5-11ee-ae57-25b1d1d54a03 Дата обращения: 12.08.2023.

Le Figaro. 11.10.2011. Режим доступа: https://www.lefigaro.fr/ Дата обращения: 13.08.2023.

Histoire sociale des langues de France (2013). Sous la direction de Georg Kremnitz. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 906 p.

Les langues régionales à la télévision. Режим доступа: https://www.languagesandnumbers.com/articles/fr/langues-regionales-television/ Дата обращения: 12.08.2023.

Les langues régionales en France (2021) Режим доступа: https://avefrance.com/novosti/regionalnye-jazyki-vo-francii-ravnopravie/ Дата обращения: 20.07.2023.

Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000880222 Дата обращения: 20.07.2023.

LOI n° 2021-641 du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043524722 Дата обращения: 13.07.2023.

Loi Deixonne – Loi n°51-46 du 11 janvier 1951 relative à l'enseignement des langues et dialectes locaux. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886638 Дата обращения: 22.07.2023.

Loi Haby – Loi n°75-620 du 11 juillet 1975 relative à l'éducation. Режим доступа: https://www.education.gouv.fr/loi-ndeg75-620-du-11-juillet-1975-relative-l-education-3716 Дата обращения: 22.07.2023.

Loi Toubon – Loi n° 94-665 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française. Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000005616341 Дата обращения: 25.07.2023.

Ministère de la culture de France. Les langues régionales en France métropolitaine. Режим доступа: https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales Дата обращения: 10.07.2023.

Au Pays Basque 43% des élèves sont scolarisés en langue basque. France bleu. 30.08.2023. Режим доступа: https://www.francebleu.fr/infos/education/au-pays-basque-43-des-eleves-sont-scolarises-en-langue-basque-7087280 Дата обращения: 15.08.2023.

Rapport de Bernard Cerquiglini sur les langues de la France. (1999). Режим доступа: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/994000719.pdf Дата обращения: 11.07.2023.

Rapport du Comité consultatif pour la promotion des langues régionales et de la pluralité linguistique interne (2013). Режим доступа: https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Nos-publications/Rapport-du-Comite-consultatif-pour-la-promotion-des-langues-regionales-et-de-la-pluralite-linguistique-interne-2013 Дата обращения: 15.08.2023.

References

Bichurina, N.M. (2012) «Malye romanskie jazyki»: Metalingvisticheskij diskurs i jazykovaja politika Francii: (Na primere oksitanskogo / provansal'skogo i arpitanskogo / savojskogo) ["Small Romance languages": Metalinguistic discourse and language policy of France: (On the example of Occitan/Provencal and Arpitan/Savoy)] // Voprosy jazykoznanija. No. 1. Pp. 123–133. (In Russ.)

Borodina, M.A. (1982) Dialekty ili regional'nye jazyki?: (K probleme jazykovoj situacii v sovremennoj Francii) [Dialects or regional languages?: (On the problem of the language situation in modern France)] // Voprosy jazykoznanija. No. 5. Pp. 29–38. (In Russ)

Vio, A. (2009) Regional'nyj jazyk, govor i dialekt vo Francii: tri svjazannyh ponjatija [Regional language, vernacular and dialect in France: three related concepts] // Psihologicheskie issledovanija. No. 6 (8). Available at: http://psystudy.ru Access date: 12.07.2023. (In Russ.)

Gak, V.G. (1986) Vvedenie vo francuzskuju filologiju [Introduction to French Philology]. M.: Prosveshhenie. 183 p. (In Russ.)

Dauzat, A. (1956) Istoriya francuzskogo yazyka [History of the French language]. M.: Izd–vo inostrannoj literatury. 471 p. (In Russ.)

Kozhemiakina, V. A. (2020) Frantsuzskaia Amerika v proshlom i nastoiashchem: Sotsiolingvisticheskoe issledovanie [French America in the past and present: Sociolinguistic research]. M.: In-t iazykoznaniia RAN. 405 p. (In Russ.)

Kozhemiakina, V. A. (2023) Osobennosti iazykovoi situatsii mnogonatsionalnoi Gviany [Peculiarities of Linguistic Situation of Multinational Guiana] // Nauchnyi dialog. No. 12 (4). Pp. 85–105. (In Russ.)

Jazyki mira. Romanskie jazyki. (2001) [Languages of the world. Romance languages]. M.: Academia. 720 p. (In Russ.)

Dalbera-Stefanaggi, M.-J. (2000) Langue corse : Une approche linguistique. Paris : Klincksieck, 160 p. (In French)

Dauzat, A. (1900) Études linguistiques sur la Basse Auvergne : Morphologie du patois de Vinzelles / Éditions E. Bouillon, coll. Bibliothèque de l'École des hautes études // Sciences philologiques et historiques. No. 126. Paris. 307 p. (In French)

Favereau, F. (2018) Grammaire du breton contempotain. Morlaix : Skol Vreizh. 480 p.

Martel, Ph. (2007) L'école française et l'occitan. Le sourd et le bègue. Montpellier : Presses universitaires de la Méditerranée. 192 p. (In French)

Meglio di, A., Queno, S. (2010) Les choix problématiques de l'enseignement bilingue en Corse // Les Langues Modernes. No. 4. Pp. 2–4. (In French)

Morvan, M. (1997) Les origines linguistiques du basque. Bordeaux : Presses Universitaires de Bordeaux. 284 p. (In French)

Sources

Evropeiskaia KHartiia regionalnykh iazykov ili iazykov menshinstv [European Charter for Regional or Minority Languages] Available at: https://docs.cntd.ru/document/1902299 Access date: 10.07.2023.

Code de l'éducation. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071191/ Access date: 15.07.2023. (In French)

Connaissance et emploi de la langue catalane (2018). Éléments pour un rapport sur la situation de la langue catalane. Available at: https://www.alabaylacferrer.cat/wp- content/uploads/2020/05/Rapport-sur-la-situation-de-la-langue-catalane-v2.pdf Access date: 11.08.2023. (In French)

Constitution française du 4 octobre 1958. Texte intégral en vigueur à jour de la révision constitutionnelle du 23 juillet 2008. Available at: https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur Access date: 14.07.2023. (In French)

L'enseignement de la langue gallèse. (2020). Année scolaire 2019–2020. Institut de la langue gallèse. Observatoire des pratiques linguistiques. Available at: https://www.calameo.com/read/006252242f96a4db91e90 Access date: 20.08.2023. (In French)

Enseignement des langues régionales: un développement très inégal (2020). Available at: https://www.banquedesterritoires.fr/enseignement-des-langues-regionales-un- developpement-tres-inegal Access date: 08.08.2023. (In French)

L'enseignement des langues régionales. Etat des lieux et perspectives. (2021). Available at: https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/document/document/2021/07/rapport_enseignement_des_langues_regionales.pdf Access date: 12.07.2023. (In French)

Enseignement: La langue corse en danger ? Journal de la Corse. (12.12.2021). Available at: https://www.journaldelacorse.corsica/articles/1201/enseignement-la-langue-corse-en-danger#:~:text=Actuellement%2C%2090%20%25%20des%20%C3%A9l%C3%A8ves%20inscrits,le%20primaire%2C%20arr%C3%AAtent%20le%20corse. Access date: 15.08.2023. (In French)

Enseignement du breton. Ouest–France. (28.06.2023). Available at: https://www.ouest-france.fr/bretagne/enseignement-du-breton-letat-menace-par-une-procedure-en-carence-fautive-1ee6a724-15c5-11ee-ae57-25b1d1d54a03 Access date: 12.08.2023. (In French)

Le Figaro (11.10.2011). Available at: https://www.lefigaro.fr/ Access date: 13.08.2023. (In French)

Histoire sociale des langues de France (2013). Sous la direction de Georg Kremnitz. Rennes: Presses Universitaires de Rennes. 906 p. (In French)

Les langues régionales à la télévision. Available at: https://www.languagesandnumbers.com/articles/fr/langues-regionales-television/ Access date: 12.08.2023. (In French)

Les langues régionales en France. (2021) Available at: https://avefrance.com/novosti/regionalnye-jazyki-vo-francii-ravnopravie/ Access date: 20.07.2023. (In French)

Loi n° 82-652 du 29 juillet 1982 sur la communication audiovisuelle. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000880222 Access date: 20.07.2023. (In French)

LOI n° 2021-641 du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043524722 Access date: 13.07.2023. (In French)

Loi Deixonne – Loi n°51-46 du 11 janvier 1951 relative à l'enseignement des langues et dialectes locaux. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886638 Access date: 22.07.2023. (In French)

Loi Haby – Loi n°75-620 du 11 juillet 1975 relative à l'éducation. Available at: https://www.education.gouv.fr/loi-ndeg75-620-du-11-juillet-1975-relative-l-education-3716 Access date: 22.07.2023 (In French)

Loi Toubon – Loi n° 94-665 du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue française. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000005616341 Access date: 25.07.2023. (In French)

Ministère de la culture de France. Les langues régionales en France métropolitaine. Available at: https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales Access date: 10.07.2023. (In French)

Au Pays Basque 43% des élèves sont scolarisés en langue basque. France bleu. (30.08.2023). Available at: https://www.francebleu.fr/infos/education/au-pays-basque-43-des-eleves-sont- scolarises-en-langue-basque-7087280 Access date: 15.08.2023 (In French)

Rapport de Bernard Cerquiglini sur les langues de la France (1999). Available at: https://medias.vie-publique.fr/data_storage_s3/rapport/pdf/994000719.pdf Access date: 11.07.2023. (In French)

Rapport du Comité consultatif pour la promotion des langues régionales et de la pluralité linguistique interne (2013). Available at: https://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Agir-pour-les-langues/Promouvoir-les-langues-de-France/Nos-publications/Rapport-du-Comite-consultatif-pour-la-promotion-des-langues-regionales-et- de-la-pluralite-linguistique-interne-2013 Access date: 15.08.2023. (In French)

Кожемякина Валентина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Россия.
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: socioling@mail.ru

Kozhemyakina Valentina Alekseevna – candidate of philological sciences, associate professor, senior researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: 125009 Russian Federation, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1/1.
Email address: socioling@mail.ru

Для цитирования: *Кожемякина В.А.* Языковая политика Франции в отношении региональных языков // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 53–69. DOI:10.37892/2713-2951-3-15-53-69

For citation: *Kozhemyakina, V.A.* Language policy of France with respect to the regional languages // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 53–69. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-3-15-53-69

The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 18.11.2023;
accepted for publication 29.11.2023

УДК 811.512.111 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-70-79

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Елена А. Кондрашкина
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Статья посвящена языковой политике в системе школьного образования Чувашской Республики. Исследуются изменения в языковой политике за примерно последние сто лет, выделяются направления деятельности и их характеристики. Основной задачей исследования является проанализировать, как влияют на систему образования федеральная и региональная языковые политики, принимая во внимание, что в Чувашии сложилась особая языковая ситуация с преобладанием титульного населения. Отмечается, что практически все чуваши знают и используют русский язык, а чувашский язык не выполняет функции государственного, его авторитет слишком низкий, особенно среди молодого поколения. Федеральная языковая политика и политика республики не всегда сбалансированы, что оказывает негативное влияние на языковую ситуацию в Чувашии. Новизна работы заключается в том, что впервые сопоставляются федеральный и региональный аспекты языковой политики и делаются выводы об их влиянии на систему школьного образования Чувашской Республики. В заключении делается вывод, что на региональном уровне назрела необходимость изменений в языковой политике в части расширения функционирования государственного языка в различных сферах общественной жизни.

***Ключевые слова**: чувашский язык, федеральная языковая политика, региональная языковая политика, законы, система образования*

FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS OF LANGUAGE POLICY IN THE SCHOOL SYSTEM OF CHUVASH REPUBLIC

Elena A. Kondrashkina
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The paper discusses the language policy in the school educational system of the Chuvash Republic. Changes in language policy over approximately the last hundred years are examined, areas of activity and their characteristics are highlighted. The author's key task was to analyze how the federal and regional language policies impact on the educational system, given the fact that a special language situation dominated by the title population has now emerged in the Chuvash Republic. The paper stresses that almost all Chuvash people know and use Russian, and Chuvash does not function as a state language and is less popular than Russian, especially among younger people. The federal and republican language policies are not always balanced, and that imbalance has a negative impact on the language situation in Chuvashia. The novelty of this paper consists in the fact that it compares for the first time the federal and regional aspects of language policy and draws conclusion on their impact on the school educational system in the Chuvash Republic. In conclusion, the author stipulates that at the regional level there is an urgent need for changes in language policy related to the expanding of the functioning of the state language in various spheres of public life.

Keywords: *federal language policy, regional language policy, laws, educational system*

1. Введение

Языковая политика в многонациональной России в разные временные отрезки радикально менялась в зависимости от политических событий, происходивших в стране. «Для языковой политики России характерна изменчивость ориентиров в советское, постсоветское и новое время… В общих чертах в процессах урегулирования языковой жизни страны можно выделить следующие направления: 1) плюрализм или языковой федерализм (1917–1935); 2) развитие национально-русского двуязычия (1935–1958); 3) одноязычие или лингвистическая русификация (1958–1989); 4) языковая демократия (1989–2000); 5) децентрализация (2000–2010); 6) унификация/централизация (2010 – настоящее время)» [Биткеева, 2021: 215]. В соответствии с этими направлениями менялась функциональная нагрузка языков и отношение к ним общества – от языкового строительства в первые послереволюционные годы до почти полного их забвения в конце XX в., когда языки стали использоваться в основном только в семейно-бытовой сфере. Современная языковая политика в РФ базируется на нормах Конституции РФ (1993), на законах «О языках народов РФ (1991) и «О государственном языке» (2005), а воплощается в жизнь через постановления, указы и законы о языках и об образовании в республиках РФ. Соответственно существуют два уровня языковой политики – федеральный и региональный. Региональный уровень адекватен республиканскому, поскольку в республиках титульные языки имеют правовой статус государственных, для которых разрабатываются законы и различные постановления. За исключением шести республик с тремя и более государственными языками (Марий Эл, Мордовия, Дагестан, Крым, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария) остальные 16 республик имеют два государственных языка – русский и национальный, что создает условия для контактного билингвизма, который, однако, не получил широкого распространения в нашей стране, хотя лежит в основе национально-русского двуязычия.

2. Языковая ситуация и языковая политика в Чувашской Республике

Чувашская Республика входит в состав Приволжского федерального округа и граничит с республиками Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Нижегородской и Ульяновской областями. Чуваши – один из крупных народов России. По численности они занимают пятое место после русских, татар, чеченцев и башкир. Чувашская Республика отличается высоким процентом титульного населения и входит по этому показателю в число восьми таких республик РФ. Перепись населения зафиксировала в 2010 г. в Чувашской Республике 814 750 чувашей (67,7 %) и 323 274 русских (26,9 %) [Перепись, 2012: 194]. Кроме того в Чувашии проживают татары,

мордва и другие народы – всего 128 национальностей. Общая численность населения республики, по данным республиканского статистического бюро, составила 1 173 177 человек.

Государственными языками Чувашии являются чувашский и русский языки согласно Конституции 2000 г. и Закону о языках 1990 г. Русским языком владеют 98 % чувашей республики и чувашским – 77,3 %. Считают родным языком русский – 22,6 % [Перепись, 2012: 92, 196, 274].

По мнению чувашских ученых, в Чувашии сложилась особая языковая ситуация, которая отличается тем, что, «хотя представители титульной национальности составляют внушительное большинство в населении республики, значительная ее часть охвачена процессом русификации и не идентифицирует себя как носителей чувашского языка» [Большаков и др., 2022: 130]. Далее они отмечают, что такая русификация не связана с принуждением, она происходит добровольно. Причинами являются низкий статус чувашского языка и неясные перспективы его практического использования.

С чувашским языком произошло то же, что и с другими национальными языками России. В 1920-е годы, годы языкового строительства, чувашский язык был языком обучения повсеместно, как в сельских, так и в городских школах. Исключение составляли районы, в которых большинство населения составляли русские, татары, и мордва. Основу школьного образования в национальных школах составляло изучение различных предметов на чувашском языке. Вплоть до федеральной реформы образования 1958. в Чувашии в сельских школах до 8-го класса обучение шло на чувашском языке.

24 декабря 1958 г. был опубликован закон СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР». Родители получили право выбирать школы для своих детей: национальную или русскую. Как пишет В.М. Алпатов, «все наблюдатели отмечают, что именно после этого количество национальных школ и особенно количество учеников в них резко сократилось» [Алпатов, 2000: 107], хотя существование школ поддерживалось сверху, снизу шло стремление народа к переходу на обучение на русском языке. В ответ на этот закон правительство Чувашии в июле 1960 г. приняло постановление «О переходе к обучению учащихся в V–VIII классах на русском языке и мерах по улучшению изучения русского языка и литературы в чувашских школах» [Бойко и др., 2019: 57]. Этот период, с одной стороны, положительно отразился на изучении русского языка, но сказался отрицательно на роли чувашского языка в самосознании чувашского народа.

25 октября 1991 г. был принят закон «О языках народов РСФСР», в котором русский язык впервые был объявлен государственным, а статья 10 была посвящена изучению и преподаванию языков народов РСФСР [Орешкина, 2016: 835]. В законе говорится, что федеральная власть

должна содействовать изучению и развитию государственных языков республик, но, как считают чувашские авторы, в течение последних 20 лет не было принято ни одного нормативно-правового акта, который бы содействовал реализации этого положения [Большаков и др., 2022: 131]. Что касается республиканских властей, то они, принимая законы, программы по языковым вопросам, часто не могут обеспечить их выполнение из-за недостатка средств, специалистов или по другим причинам.

После принятия в 1990 г. закона «О языках в Чувашской Республике» чувашский язык начали вводить в школьную систему образования. С начала 1990-х годов во всех сельских школах Чувашии в начальных классах преподавание снова велось на чувашском языке. В районах с преобладанием татарского, русского и мордовского населения, а также в городах чувашский язык изучался как предмет (в 1-м классе – 2 часа в неделю, во 2–4-х классах – 3 часа). В старших классах этих школ преподавалась чувашская литература на русском языке [Бойко и др., 2019: 59]. Однако в эти годы в стране начали происходить изменения в правовой и общественной жизни, которые оказали большое влияние на чувашский язык и языковую ситуацию в республике, как и на другие языки в других республиках. Одним из таких изменений можно считать закрытие сельских школ из-за малочисленности учащихся и переход на рыночную экономику, в результате чего сложилось более прагматичное по сравнению с предыдущими десятилетиями отношение к получаемому образованию [Долгова, 2020: 27]. Окончившие школу учащиеся в большинстве случаев уезжают в другие города России для получения высшего образования и наилучшего трудоустройства, т.к. у молодежи сложилось мнение об отсутствии перспектив в Чувашии. Отметим еще, что семья перестает быть проводником родного языка, как это было в предшествующие десятилетия, и школа остается единственным заведением, которое может дать знание родного языка. Хотя необходимо отметить, что при таком количестве часов, отведенных на изучение родного языка, вряд ли можно его выучить. А поскольку изменилась мотивация к изучению родного языка, то нередко язык школы, т.е. русский, становится языком и в домашнем общении. Как пишет Э. Алос-и-Фонт, «множество показателей свидетельствует о быстром переходе чувашских семей к домашнему использованию русского языка» [Алос-и-Фонт, 2017: 46], поэтому он считает одной из важнейших задач Министерства образования Чувашии убеждать родителей и преподавателей, что говорить дома на родном языке необходимо [Алос-и-Фонт, 2017: 50].

В 1993 г. был разработан государственный образовательный стандарт, подтвержденный законодательно в 1998–1999 гг., который «разделил все содержание образования на инвариантный федеральный компонент (75 % учебного времени), вариативный национально-региональный (15 %) и вариативный школьный компонент (10 %)» [Горячева, 2010: 104]. Однако

уже в декабре 2007 г. был принят Федеральный Закон № 309 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта».

Вместо трех компонентов образовательного стандарта вводились федеральные государственные стандарты. Республики теряют право формировать свои региональные компоненты. Отмена регионального компонента сказалась на сокращении часов обучения национальному языку.

Чувашский язык в школьном расписании представлен как «родной» и как «государственный», что характерно для многих национальных языков РФ в школьном образовании. «Родной» – для школьников-чувашей, владеющих хотя бы начальными знаниями родного языка, а «государственный» – для всех остальных. В последние годы здесь отмечается тенденция к сокращению. Так, число учащихся, изучавших чувашский как «родной», уменьшилось с 84,1 % в 2017/2018 уч. году до 54,9 % в 2018/2019 уч. году, а число учащихся, изучавших чувашский язык как «государственный», с 55,1 % до 36,6 % в те же годы [Большаков и др., 2022: 128].

В 2017 г. в Чувашии был проведен опрос населения (606 чел.): две трети респондентов составляли чуваши, менее трети – русские. Среди опрошенных были также татары, мордва, марийцы и др. Некоторые опрошенные считают себя носителями сложной этнической идентичности, т.е. чувашами и русскими одновременно, или марийцами и русскими, марийцами и чувашами, один респондент назвал себя чувашом, русским и татарином. Доля лиц со сложной этнической идентичностью составляла 6,9 %, т. е. 42 человека [Бойко и др., 2018: 32, 33]. От этнической принадлежности зависит и признание родных языков опрошенными, некоторые чуваши называют родными языками чувашский и русский, хотя могут плохо знать или даже совсем не знать чувашского. В таком случае выбор языка определяется не его знанием, а этничностью, т.е. если человек считает, что он чуваш, то его родной язык – чувашский, даже если он им не владеет.

Чувашские ученые считают, что эти данные свидетельствуют о новых явлениях в этнокультурной идентификации жителей Чувашии.

При опросе 2017 г. на вопрос «Что сближает Вас с людьми Вашей национальности?» были даны ответы: «общая земля, территория» – 44,8 %, «национальный (родной) язык» – 70,1 %, «национальные обычаи» – 35,9 %, «историческая судьба, прошлое» – 26,8 %. Такие аспекты, как религия, культура, психология и некоторые другие получили более низкие оценки [Бойко и др.,2018: 33]. Опрос показал, что родной язык является самым валидным показателем. Однако чувашско-русский (национально-русский) билингвизм, как и в большинстве республик РФ, в Чувашии не получил широкого распространения, поскольку чувашский язык, хотя де-юре и

является государственным, де-факто свои функции не реализует. Из-за сложившейся языковой ситуации чувашский язык не имеет авторитета у молодого поколения, которое (особенно в городах и районных центрах) отличается пренебрежительным отношением к языку, культуре, истории, традициям и обрядам, что выражается в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей родного этноса, т.е. в том, что называют «этнонигилизмом» [Никитина и др., 2015: 87]. Такой этнонигилизм можно наблюдать и в других регионах РФ, но чаще всего там, где титульный этнос находится в меньшинстве, а преобладает русское население.

Чтобы родной язык сохранялся, необходима билингвальная система образования, при которой родной язык используется как средство обучения в школе. При этом на родном языке должны преподаваться не только язык и литература, но и другие предметы. Если родной язык используется в системе школьного образования наряду с русским, то знание обоих языков и владение ими улучшается. Такого мнения придерживаются как учителя чувашского языка, так и ученые-лингвисты.

Система школьного образования регулируется в нашей стране как органами федерального уровня, так и регионального. В Чувашской Республике были приняты законы о языках и об образовании. Первый закон о языках был принят в 1990 г. В последующие годы в него вносились изменения по приведению положений закона в соответствие с федеральными, и обновленный закон был принят в 2003 г. Следует отметить, что в Чувашской Республике существуют два района – Алатырский и Порецкий, где абсолютное большинство населения составляют русские, мордва и др., и в законе 1990 г. было сказано, что в этих двух районах в течение последующих 10 лет чувашский язык не должен изучаться в обязательном порядке [Бойко и др. 2019: 58]. С окончанием десятилетнего срока чувашский язык стал постепенно преподаваться и в этих районах. Однако родители школьников из г. Алатырь, например, считают бесполезным изучение чувашского языка в городе, где фактически нет носителей языка и никто не говорит по-чувашски.

Закон об образовании в Чувашии был принят в июле 2013 г., затем в него вносились многочисленные поправки и изменения, последние из которых были от 30 июля 2023 г. Изменения касались основных понятий, предусмотренных в Федеральном законе от декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации». Статья 4 закона Чувашии гарантирует право каждого человека на образование, а в статье 5 говорится, что « в Чувашской Республике обеспечивается создание условий для изучения и преподавания чувашского и русского языков как государственных языков Чувашской Республики, а также создаются условия для изучения и преподавания языков народов Российской Федерации, компактно проживающих в Чувашской

Республике, в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [Закон об образовании, 2013].

Отношение населения к изучению чувашского языка и литературы в республике разное, но обязательное изучение чувашского языка вызывает негативную реакцию у некоторой части населения. В то же время, когда в 2013–2014 гг. Министерство образования решило сократить число уроков чувашского языка и литературы до двух часов в неделю, это вызвало бурный протест [Никитина и др., 2015: 86].

Отдельно хотелось бы остановиться на ЕГЭ, поскольку ряд авторов считают, что одной из причин перехода чувашского населения на русский язык – это сдача ЕГЭ на русском. 5 января 2001 г. Министерство образования России издало приказ «О проведении эксперимента по единому государственному экзамену», а 16 февраля 2001 г. вышло постановление Правительства РФ «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» [Урясов, 2019: 196]. Целью этого нововведения было обеспечить возможность всем выпускникам, где бы они ни проживали, получить высшее образование. Правительство Чувашии решило принять участие в эксперименте и в марте 2001 г. выпустило постановление по проведению ЕГЭ.

В 2016 г. активисты Общероссийского народного фронта на своем сайте опубликовали список девяти регионов страны, в которых русский язык якобы изучается как предмет, а обучение идет на национальном языке. Чувашия попала в этот список. Однако материалы ЕГЭ по русскому языку свидетельствуют о том, что для Чувашии эти обвинения не имеют оснований. Так, в 2015 г. итоги ЕГЭ по русскому языку в Чувашии составляли 69,7, тогда как в целом по России – 66,2, в 2016 г. в Чувашии – 73,9, в России – 68,5, в 2017 году в Чувашии – 68,9, в России – 69,1 [Бойко и др.,2019: 63]. Школы Чувашии ежегодно входят в число лучших школ России.

Новая ситуация в языковой политике в сфере школьного образования началась после выступления В.В. Путина 20 июля 2017 г. на заседании Совета по национальным отношениям в г. Йошкар-Оле, в котором он высказался за добровольное изучение родных языков. Надо отметить, что это выступление было вызвано тем, что в некоторых республиках ввели обязательное изучение своих государственных языков всеми учащимися независимо от национальности, что привело к конфликтам среди населения этих республик и даже публичным выступлениям против нововведения. Сразу же после выступления Президента резко сократился выбор школьников, желающих изучать чувашский язык и как родной, и как государственный. Так, в 2017/2018 уч. г. 84,1 % школьников выбрали изучение чувашского как родного и 14,2 % выбрали русский как родной. А в 2018/2019 уч. г. чувашский как родной захотели изучать 54,9 % учащихся, т.е. на 29,2 % меньше, а русский как родной выбрали 43,5 %, т.е. на 29,3 % больше, чем в предыдущем учебном году. Как государственный чувашский язык в 2017/2018 уч. г.

выбрали 55,1 %, а в следующем – 36,6 % [Бойко и др., 2019: 65]. В августе 2019 г. вышел Федеральный закон № 317, который предоставлял родителям право выбирать родной язык в качестве предмета изучения. Переключение с обязательного изучения языка на добровольное вызвало определенные трудности в организации этого процесса и недовольство той части чувашского общества, которая считает, что чувашский язык окажется в трудном положении, его изучение в школе прекратится, поскольку русский язык выберут для своих детей большинство родителей. Принятие закона № 317 свидетельствует, что федеральные органы в своей языковой политике не всегда учитывают интересы народов, живущих в РФ.

3. Заключение

Государственная языковая политика, проводимая федеральными органами, оказывает существенное воздействие на положение национальных языков в республиках РФ. Фактически от нее зависит языковая ситуация в этих республиках, несмотря на отличие демографических, этнических, культурных и религиозных характеристик населения. Региональная языковая политика могла бы расширить функционирование государственного национального языка и поддержать его развитие, но ограничения, которые диктует федеральный центр, мешают этому. Например, А.Г. Большаков и М.Х. Фарукшин пишут о сложностях при издании школьных учебников на чувашском языке. Министерство просвещения РФ выдает лицензии на печатание учебных материалов. Для получения лицензии, необходимо представить учебник на русском языке и провести общественную экспертизу учебника. Перевод на русский язык нужен также для программ и учебной документации [Большаков и др., 2022:131]. Если бы региональные органы, отвечающие за языковую политику в республике, могли контролировать процессы издания учебников, это ускорило бы их появление в школьном образовании и освободило бы федеральный центр от ряда ненужных контрольных функций. Разбалансированность языковой политики центра и республик наносит вред языковой ситуации в Чувашской и других республиках РФ. Очевидно, настало время пересмотра и перераспределения полномочий в сторону расширения их на региональном уровне.

Литература

Алос-и-Фонт Э. (2017) Школа и язык общения чувашских родителей с детьми // Северо-Восточный гуманитарный вестник. №1 (108). С. 46–51.

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000. М. 2000. 224 с.

Биткеева А.Н. (2021) Языковая политика // Социолингвистика. № 2 (6). С. 213–226.

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. (2018) Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 31–39.

Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г. (2019) Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики: (Конец 1980-х – 2019 гг.) // Вестник антропологии. № 4 (48). С. 56–76.

Большаков А.Г., Фарукшина М Х. (2022) Языковая ситуация в республиках Поволжья и Приуралья: Основные тенденции изменений // Вестник Волжского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 21. № 2. С. 123–135.

Горячева М.А. (2010) Российская Федерация: Функционирование языков в современном образовательном пространстве. М. 271 с.

Долгова А.П. (2020) Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: Взгляд из региона // Родной язык. № 1. С. 25–48.

Закон Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» от 25 ноября 2003 года № 36. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/802015027. Дата обращения: 23.09.2023.

Закон «Об образовании в Чувашской республике» от 30 июля 2013 г. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document /42868844. Дата обращения: 23.09.2023.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 (2012). Т. 4. Кн. 1. М. 2101 с.

Никитина Э.В., Трифонов Г.Ф. (2015) Образование и национальная политика в Чувашии (1960–2014 гг.) // Вестник Университета Российской академии образования. № 1. С. 82–97.

Орешкина М.В. (2016) Языковое законодательство в Российской Федерации // Язык и общество: Энциклопедия. С. 835–846.

Урясов М.Н. (2019) К вопросу о становлении и развитии ЕГЭ в системе образования Чувашской республики // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 195–201.

References

Also-i-Font, E (2017) Shkola i yazyk obshcheniya chuvashskikh roditeley s det'mi [School and language of communication between Chuvash parents and children]. Severo- Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. No. 1 (108). Pp. 46–51. (In Russ.)

Alpatov, V.M. (2000) 150 yazykov i politika [150 languages and politics]. 1917–2000. M. 224 p. (In Russ.)

Bitkeeva, A.N. (2021) Yazykovaya politika [Language policy]. Sotsiolingvistika. No. 2 (6). Pp. 213–226. (In Russ.)

Boyko I. I., Dolgova F. P., Kharitonova V. G. (2018) Etnokul'turnye predpochteniya, rodnye yazyki naseleniya Chuvashii [Ethnocultural preferences, native languages of the population of Chuvashia]. Vestnik Chuvashskogo universiteta. No. 2. Pp. 31–39. (In Russ.)

Boyko, I.I., Dolgova, F.P., Kharitonova, V.G. (2019) Realizatsiya yazykovoy politiki v shkol'nom obrazovanii Chuvashskoy Respubliki (konets 1980-kh – 2019 gg.) [Implementation of language policy in school education of the Chuvash Republic: (Late 1980s - 2019)]. Vestnik antropologii. No. 4 (48). Pp. 56–76. (In Russ.)

Bol'shakov, A.G., Fapukshina, M.Kh. (2022) Yazykovaya situatsiya v respublikakh Povolzh'ya i Priural'ya: Osnovnye tendentsii izmeneny [Language situation in the republics of the Volga region and the Urals: Main trends of change]. Vestnik Volzhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie. Vol. 21. No. 2. Pp. 123–135. (In Russ.)

Goryacheva, M.A. (2010) Rossiyskaya Federatsiya: Funktsionirovanie yazykov v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Russian Federation: The functioning of languages in the modern educational space]. M. 271 p. (In Russ.)

Dolgova, A.P. (2020) Ob izmeneniykh v situatsiykh s rodnymi yazykami v shkolakh chuvashii: Vzglyad iz regiona [On changes in the situation with native languages in schools of Chuvashia: A view from the region]. Rodnoj yazyk. No. 1. Pp. 25–48. (In Russ.)

Zakon Chuvashskoy Respubliki «O yazykakh v Chuvashskoy Respublike» ot 25 noyabrya 2003 goda № 36 [Law of the Chuvash Republic "On languages in the Chuvash Republic" dated November

25, 2003 No. 36]. Available at: https:.docs.cntd.ru/document/802015027. Access date: 23.09.2023. (In Russ.)

Zakon «Ob obrazovanii v Chuvashskoy Respublike» ot 30 iyulya 2013 goda [Law "On Education in the Chuvash Republic" of July 30, 2013]. Available at: https:docs.cntd.ru/document /428688444. (In Russ.)

Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya [Results of the All-Russian Population Census] 2010 (2012) Vol. 4. Book 1. M. 2101 p. (In Russ.)

Nikitina, E.V., Trifonov, G.F. (2015) Obrazovanie i natsional'naya politika v Chuvashii (1960–2014 gg.) [Education and national policy in Chuvashia (1960–2014)]. Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya. No. 1. Pp. 82–97. (In Russ.)

Oreshkina, M.V. (2016) Yazykovoe zakonodatel'stvo v Rossiyskoy Federatsii [Language legislation in the Russian Federation]. Yazyk I obshchestvo. Entsiklopediya. Pp. 835–847. (In Russ.)

Uryasov, M.N. (2019). K voprosu o stanovlenii i razvitii EGE v sisteme obrazovaniya Chuvashskoy respubliki [On the issue of the formation and development of the Unified State Exam in the education system of the Chuvash Republic]. Vestnik Chuvashskogo univtrsiteta. No. 2. Pp. 195–201. (In Russ.)

Кондрашкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым проблемам Института языкознания РАН, Россия.
Адрес:125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер. 1/1.
Эл. адрес: e.kondrashkina@inbox.ru

Kondrashkina Elena Alekseevna – candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Research Center for Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: 125009 Russian Federation, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane. 1/1.
Email address: e.kondrashkina@inbox.ru

Для цитирования: *Кондрашкина Е.А.* Федеральный и региональный аспекты языковой политики в системе школьного образования Чувашской Республики // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 70–79. 10.37892/2713-2951-3-15-70-79

For citation: *Kondrashkina, E.A.* Federal and regional aspects of language policy in the school system of Chuvash Republic // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 70–79. (In Russ.) 10.37892/2713-2951-3-15-70-79

The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 16.10.2023;
accepted for publication 22.11.2023

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК **81’27(=1.571.56-81)** DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-80-97

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Ангелина А. Кузьмина
Научно-исследовательский институт чтения
Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия),
Российская Федерация

В статье рассматривается проблема языковой ситуации у коренных малочисленных народов Севера в современных условиях глобализации. Приведены результаты социолингвистического исследования речевой деятельности на этническом языке среди подростков и взрослого населения, проведенного научно-исследовательским институтом чтения Национальной библиотеки РС (Я). В иисследовании приняли участие долганы, эвены, эвенки, юкагиры, чукчи Якутии. По итогам исследования анализируются степень владения родным языком, причины ее снижения, предлагаются пути выхода из сложившейся ситуации. Среди причин незнания этнического языка респондентами указано отсутствие необходимости говорить на нем каждый день, что связано с утратой традиционного образа жизни у большинства из них. Наиболее высокий уровень владения родным языком наблюдается у эвенов. Это объясняется наличием речевой среды на этническом языке среди взрослого и детского населения. Полученные данные свидетельствуют о том, что низкий уровень знания лингвокультурологических особенностей языка является фактором непонимания и не восприятия текстов устного народного творчества. Чтение, понимание текста и воспроизведение в виде устной или письменной речи являются необходимыми условиями повышения уровня языковой и художественной компетенций. Необходимы дальнейшая поддержка в расширении сферы функционирования родных языков и повышение роли владения языка в проектировании профессиональной карьеры и социального успеха в различных областях жизнедеятельности; увеличение часов преподавания, использование новых методик преподавания в дошкольном и школьном образовании, включающих обучение глубинному пониманию лингвокультурных особенностей языка, с применением новых информационных технологий; создание и распространение мультфильмов, фильмов на родных языках.

Ключевые слова: *языковая ситуация, коренные малочисленные народы Севера, речевая деятельность, респондент, языковая и художественная компетенция*

SOCIOLINGUISTIC ASPECT OF SPEECH ACTIVITY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH (BASED ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

Angelina A. Kuzmina
Institute of Reading at the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia),
Russian Federation

The article deals with the problem of the linguistic situation among the indigenous peoples of the North in the modern conditions of globalization. The results of a sociolinguistic study of speech activity in an ethnic language among adolescents and adults conducted by the Research Institute of Reading of the National Library of the RS (Ya) are presented. Dolgans, Evens, Evenks, Yukagirs, Chukchi of Yakutia took part. According to the results of the study, the degree of proficiency in the native language, the reasons for its decline are analyzed, ways out of the current situation are proposed. Among the reasons for ignorance of the ethnic language, respondents indicated the lack of need to speak it every day, which is associated with the loss of the traditional way of life for most of them. The highest level of native language proficiency is observed among Evens. This is due to the presence of a speech environment in an ethnic language among adults and children. The data obtained indicate that the low level of knowledge of the linguistic and cultural features of the language is a factor of misunderstanding and non-perception of the texts of oral folk art. Reading, understanding of the text and reproduction in the form of oral or written speech are necessary conditions for improving the level of linguistic and artistic competencies. Further support is needed in expanding the sphere of functioning of native languages and increasing the role of language proficiency in designing professional careers and social success in various areas of life; the increase in teaching hours, the use of new teaching methods in preschool and school education, including teaching a deep understanding of the linguistic and cultural features of the language, using new information technologies; the creation and distribution of cartoons, films in native languages.

Keywords: *linguistic situation, indigenous peoples of the North, speech activity, respondent, linguistic and artistic competence*

1. Введение

Чтение, устная и письменная речь – это сложный интеллектуальный психологический процесс, который тесно связан со знанием и пониманием языка. Поэтому исследование этого процесса на этническом языке невозможно вне мониторинга языковой ситуации любой географической территории.

Как мы знаем, Российская Федерация является «одним из многонациональных и полиязычных государств мира, где, по предварительным данным Института языкознания РАН, насчитывается 153 языка, из которых использовались в качестве средства обучения 27 языков (с учетом русского) и изучались как предмет 72 языка» [Иванова, 2021: 9].

С 2013 г. Национальная библиотека РС (Я) проводит мониторинг детского и взрослого чтения в республике, который показывает, что количество читающих на якутском языке и на языках коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) среди детей ежегодно снижается.

Исследованию современного функционирования, состояния и перспектив преподавания языка, комплексных систем мер, направленных на сохранение языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, их этнокультурного и социально-экономическое развития, посвящены труды ряда исследователей, таких как В.А. Роббек [1999], Н.Я. Булатова [2017], А.Л. Арефьев [2014], А.В. Иванова [2021: 9], Н.В. Ткачук [2021], К.Н. Стручков [2011], С.Ю. Трапицын [2022] и др. Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. показали, что в целом по Якутии численность лиц, владеющих родным языком среди коренных малочисленных народов Севера, следующая: эвенским владеют 3368 чел. (родным

признают – 13233), эвенкийским – 2973 (родным признают – 24334), чукотским – 251 (родным признают – 709) и юкагирским – 313 (родным признают – 1510) [Итоги, 2020]. Места компактного проживания КМНС расположены в арктических и северных труднодоступных районах республики Саха (Якутия), где состав населения является смешанным: Абыйский, Аллаиховский, Анабарский национальный (долгано-эвенкийский), Булунский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Жиганский национальный эвенкийский, Кобяйский, Момский, Нижнеколымский, Оленекский эвенкийский национальный, Среднеколымский, Усть-Янский и Эвено-Бытантайский национальный улусы. Сохранение родного языка коренными малочисленными народами Севера нашего государства является актуальным вопросом. Законом РС (Я) «О языках в Республике Саха (Якутия)» установлено, «что эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками» [Закон РС (Я), 1992]. Эвенский, эвенкийский, юкагирский, чукотский языки имеют статус «под угрозой исчезновения», долганский – язык, находящийся «определенно под угрозой» [UNESCO Atlas]. Н.Я. Булатова отмечает: «Пробуждение и всплеск этнических процессов затронул и коренные малочисленные народы Севера. В настоящее время Север представляет собой сложную противоречивую картину как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов, которые в конечном счете привели к упадку духовности нравственных устоев, ценностных ориентаций, к нарушениям этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера» [Булатова, 2017: 5–19].

Целью нашего исследования является выявление социолингвистических факторов функционирования языка коренных малочисленных народов, проживающих в Якутии.

Основными методами являются опрос и социолингвистические наблюдения. В качестве экспертных оценок сочинений детей на родных языках представлены краткие описательные анализы учителей, представителей каждого этноса из числа КМНС. Они были получены путем проведения конкурса сочинений по художественным произведениям и заметок на родных языках. Конкурс позволил охватить значительное число респондентов и оценить культуру чтения, языковую и лингвокультурологическую компетенцию учащихся. Исследование проводилось в три этапа, общее количество участников – 117 респондентов.

2. Исследование языковой компетенции

В первом опросе приняло участие 53 респондента. Из них участвовало женщин – 81,1 %, мужчин – 11,3 %, не указали пол – 7,5 %. Возраст респондентов составляет от 16 до 75 лет. Средний возраст по выборке – 44 года. Преобладают ответы респондентов Кобяйского, Томпонского улусов и г. Якутска (таблица 1).

Таблица 1

Исследование языковой компетенции

Населенный пункт	Частота	Процент
Якутск	13	24,5 %
Томпонский	8	15,1 %
Кобяйский	18	34,0 %
Алданский	2	3,8 %
Анабарский	2	3,8 %
Нерюнгринский	2	3,8 %
Верхнеколымский	2	3,8 %
Другие	6	11,3 %
Итого:	53	100,0 %

Наибольшее количество респондентов по национальному составу состоит из числа эвенов – 54,9 % и эвенков – 25,5 %.

Ответы на вопрос *«Какой язык Вы считаете родным?»* в зависимости от национальности: респонденты саха считают родным языком якутский – 80,0 %, русский – 40,0 %, эвенский – 20,0 %, юкагирский – 20,0 %. Респонденты национальности эвенк: эвенкийский – 76,9 %, якутский – 61,5 %, русский – 23,1 %. Эвены: якутский – 17,9 %, русский – 14,3 %, эвенский – 89,3 %. Следует заметить, что владение не титульным языком зависит от социальной среды. Например, саха, живущий в среде, которая говорит на юкагирском либо на эвенском, говорит на этом языке и наоборот. Поэтому важным аспектом является тот факт, что носителям языка необходимо стремиться создать условия для изучения родного языка.

На вопрос *«Как Вы оцениваете степень владения Вами следующих языков?»* получены такие ответы:

Таблица 2

Уровень владения	Русский язык	Эвенкийский язык	Эвенский язык
«Понимаю, но не говорю и не пишу»	5,6 % эвенов	16,7 % эвенков	23,1 % эвенов
«Читаю, пишу и свободно говорю»	94,4 % эвенов, 100 % эвенков и саха	0,0 %	57,7 % эвенов
«Читаю, но говорю и пишу с затруднениями»	0,0 %	66,7 %	19,2 % эвенов
«Не знаю этот язык»	0,0 %	16,7 %	0,0 %

Степень владения языками

Как видно, наиболее высокий уровень владения родным языком отмечается у эвенов: больше половины опрашиваемых читает, пишет и свободно говорит. Это объясняется наличием речевой среды общения на этническом языке среди взрослого и детского населения, где созданы благоприятные условия для этого.

Ответы на вопрос *«Какими языками Вам бы хотелось, чтобы владели Ваши дети (внуки) в первую очередь?»* отражают, что лидирующими наряду с титульными языками являются неэтнические языки, где на первом месте стоит русский язык, затем якутский и английский языки (таблица 2).

Таблица 3

Выбор языка общения родителями

Язык	Саха	Эвенк	Эвен
Якутский	100,0 %	76,9 %	57,1 %
Русский	100,0 %	61,5 %	78,6 %
Английский	80,0 %	69,2 %	50,0 %
Юкагирский	40,0 %	0,0 %	0,0 %
Эвенкийский	40,0 %	100,0 %	0,0 %
Эвенский	20,0 %	0,0 %	89,3 %
Долганский	20,0 %	7,7 %	0,0 %
Другое	0,0 %	0,0 %	10,7 %

Для выявления причины незнания этнического языка был использован вопрос *«На Ваш взгляд, каковы основные причины незнания родного языка детьми и взрослыми?».* Среди причин указаны недостаточность контентов на родном языке в сети интернет, современной литературы и фильмов; отсутствие необходимости говорить на нем каждый день в связи с утратой традиционного образа жизни и хозяйствования.

Восприятие этнической идентичности выявлено через анализ ответов респондентов на вопрос *«Что роднит Вас с людьми вашей национальности?».* Основными компонентами этнического сознания стали: родной язык – 75 %; традиции и обычаи – 86,5 %; культура – 78,8 %; родная земля – 76,9 %; традиционные занятия – 50,0 %, историческое прошлое – 42,3 %; религия – 21,2 %; общая государственность – 19,2 %, исследовательские интересы – 15,4 %.

Если рассмотреть данный аспект с точки зрения этнической принадлежности, то выявляются следующие показатели (таблица 3).

Таблица 4

Компоненты этнического сознания по мнению родителей

Компоненты	Саха	Эвенк	Эвен
Язык	100,0 %	61,5 %	75,0 %
Традиции и обычаи	100,0 %	84,6 %	85,7 %
Культура	100,0 %	76,9 %	75,0 %
Традиционные занятия	40,0 %	38,5 %	57,1 %
Родная земля	40,0 %	84,6 %	78,6 %
Общая государственность	40,0 %	15,4 %	21,4 %
Религия	20,0 %	23,1 %	14,3 %
Историческое прошлое	20,0 %	53,8 %	46,4 %
Исследовательские интересы	0,0 %	0,0 %	28,6 %

На вопрос *«В какой форме речи Ваши дети испытывают трудность?»* письменную речь выбрали – 65,3 %, устную – 44,9 %, другое – 16,3 %. На вопрос *«Необходимо ли исправлять ошибки в родной речи детей?»* ответ «всегда» выбрали – 57,7 %, «иногда» – 42,3 %. *Вопрос «На каком языке общаетесь с членами семьи?»* выявил, что чаще всего общаются с членами семьи: на якутском языке – 53,5 %, русском – 37,7 %, эвенкийском – 1,9 %, эвенском – 3,6 %, юкагирском – 1,9 %, другое – 1,4 %. При фокусировании ответов респондентов по этническим принадлежностям получаем следующие результаты (таблица 4):

Таблица 5

Язык внутрисемейного общения

Язык	Саха	Эвенк	Эвен
Якутский	80,0 %	92,3 %	53,6 %
Русский	80,0 %	38,5 %	64,3 %
Эвенский	0,0 %	0,0 %	60,7 %
Эвенкийский	0,0 %	7,7 %	0,0 %

Исследование показало следующий факт: языки КМНС вытесняются из семейной коммуникации, где основными языками общения являются русский и якутский. Лишь эвенский язык наиболее достаточно функционирует у носителей внутри семьи. Схожая ситуация отмечена и в других регионах Росссии: «Если национальный язык станет средством общения в семье, то укрепится механизм передачи уникальной традиционной культуры и появится возможность

приостановить процесс утраты национальных языков КМНС в частности и коренных малочисленных народов в целом» [Булатова, 2017: 16].

Читают с ребенком произведения на родном языке 31,4 %, не читают – 35,3 %, иногда – 33,3 %. На вопрос *«Произведения какого жанра предпочитает читать Ваш ребенок?»* получены следующие ответы: сказки – 61,5 %, рассказы – 26,9 %, фольклор – 23,1 %, приключения – 25,0 %, манги – 3,8 %, комиксы – 9,6 %, не знаю – 1,9 %, у меня нет ребенка – 21,2 %, другое – 3,8 %. Рассказывают ребенку сказки, рассказы, произведения устного народного творчества всегда – 19,6 %, иногда – 54,9 %, нет – 25,5 %. Если проследить зависимость от этнической принадлежности, то у эвенков преобладает ответ «нет», у эвенов и саха «иногда», что также является показателем приобщения к национальной культуре.

Для сохранения языков коренных народов Севера, по мнению респондентов, необходимы популяризация языка, ведение традиционного хозяйствования, поддержка семей – носителей языка, дополнение часов из внеурочной деятельности в изучение языка и культуры в школу, направление молодежи в учебные стажировки, умение перенимать язык, опыт хозяйствования, обучение ремеслам у старшего поколения с раннего детства, чтение литературы, издание художественной литературы, учебников для старших классов по родному языку, отправка детей на каникулы в среду общения на родном языке, расширение сферы языкового общения. Есть и развернутые ответы: «Самому народу надо посерьезнее отнестись к сохранению своего родного языка, повернуться к нему лицом. Надо расширить сферу преподавания в учебных заведениях после школы, читать книги на родном языке».

Исследование языковой компетенции респондентов предусматривает совокупность знаний о языке как части культуры. Для качественного социолингвистического исследования была выбрана группа эвенков, состоящая из 17 респондентов. Преобладающее количество по роду занятий состоит из педагогов и школьников (рис. 1).

Рис. 1. Распределение респондентов по роду занятий (в %)

Инструментарием для проведения диагностики сформированности языковой компетенции был использован комплекс культурноориентированных вопросов. На вопрос «*Кто такие Сэвэки*[10] *и Харги?*[11]» были получены следующие ответы: это «боги и лес», «богатыри», «герои сказки», «священные духи». Были получены и наиболее точные и развернутые ответы: это боги братья: «Сэвэки – Верхний мир Угу Буга, Харги – Нижний мир Хэргу Буга», «Сэвэки создатель земли (живет на небе), Харги – его брат, испортил создания Сэвэки, когда тот спал (живет под землей)». Неправильные ответы показывают незнание ответов на данный вопрос и преобладают по количеству (рис. 2).

[10] Вот что исследователи пишут об этих образах: «Сэуки, Сэвуки является верховным божеством, творцом мира и людей, подателем жизни. Сэвэки – один из двух братьев-творцов. Как творец, он использует свет и огонь для творения мира: он отделил свет от тьмы, пустил огонь на воду – образовалась земля. Сэвэки сотворил землю, растительность, зверей, людей. Он хозяин погоды (хода солнца)» [Огонь, вода… , 2016: 30].

[11] «Цикл творения мира заканчивается заветом творца Сэвэки нравственного свода иты людям, часто этиологическая концовка выражена одним из положений иты и завершается созданием трехчастной модели мира – хозяином верхнего мира (Угу буга) становится Сэвэки, на средней земле (Дулин буга) живут люди, со-творец Харги уходит навсегда в нижний мир (Хэргу буга) и становится его хозяином» [*Дьяконова,* 2021: 28–34].

Рис. 2. Ответы на культуроориентированные вопросы

Критерием оценки языковой компетенции как части культуры является знание семантики устаревших слов, фразеологизмов и загадок, происхождения данных лексических единиц, мифологических персонажей, образов, символов, которые нашли отражение в языке. Респондентам предлагалось выбрать правильные значения вышедших из активного употребления, но встречающихся в фольклорных произведениях слов. Так, значение слова *авачи*[12] респондентами обозначено: как «дух огня» – 23,5 %, «дух, хозяин леса» – 35,3 % (правильный ответ), «дух воды» – 11,8 %, не знают – 17,6 %, другое – 11,8 %. Был получен и другой ответ: «Жители Нижнего мира. По-эвенкийски “авахи” – “волшебный”. Люди Нижнего мира по описанию похожи на любого жителя Среднего и Верхнего миров. Но когда их видят жители Среднего мира, то видны как одноногие, однорукие, одноглазые, потому что всегда носят с собой часть своего мира. Видны половинчатыми».

Следующее задание заключалось в выявлении знания названий детских национальных игр. Респондентами был составлен список следующих традиционных игр: *сонари, ловля хариуса (нирукат), ноори, эвенкийский футбол, хуктывун, бег по кочкам, бег стреноженных оленят, прыжки через тыевун, метание маута, прыжки через нарты, маут, норчан, орокор, уняптуна дяякат, тангматкан, бэюктэдерэ, бэйгэмни тадук бэюнил, иргичил тадук орокот, уринчэдерэ, ороруду, орор тадук орочи.* Среди них наиболее часто повторяются названия таких игр, как *ноори, прыжки через нарты, ловля хариуса, метание маута*, что показывает наибольшую распространенность этих народных игр. Не знают национальных игр 41,3 % респондентов. Название игры *«Мультах»* ассоциируется с частью оленьей упряжки (41,2 %) и с украшением

[12] Авачи – дух-хозяин леса [Василевич, 1958: 13].

(5,9 %); правильный ответ выбрали 23,5 %; не знают – 23,5 %. В игре «Мультах» участники игры выстраиваются по кругу. Водящий, лежа в центре круга, держит веревку с камнем или костью на конце. С криком «Мультах!» он начинает крутить веревку с максимальной скоростью. Игроки должны, подпрыгивая, избежать удара камня по ногам [Варламов, 1997: 8]. Из ответов видно, что слово, обозначающее древний обычай *нимат*[13], активно используется, его лексическое значение респондентами объяснено следующим образом: «гостинцы, подарок, угощение» (5,9 %), «дележ добычи» (5,9 %), «доля» (5,9 %), «обмен» (5,9 %), «обычай угощения и деления с другими своей добычей, помощь охотника, рыбака давать часть добычи сородичам» (5,9 %), «одаривание/дележ с добычей» (35,1%), не знают значение слова 29,5 % и понимают как «посвящение» (5,9 %).

Основную мысль сказки *«Лучи Сигундэра»*, текст которой был задан на эвенкийском языке, респонденты определили следующим образом: «добро побеждает зло», «доброта Сигундэра, летом все получают тепло и загар, от этого здоровы», «лесные звери», «в сотворении всего живого» «Сигундэр – это Солнце», «преклонение Солнцу, как дарующему живому жизнь», «про добро» (рис. 3).

Рис. 3. Лучи Сигундэра

[13] Нимат – разделить добычу между всеми жителями селения. 1) доля, пай, дарственный от охоты, промысла, обычно половина шкуры убитого зверя. 2) передача части шкуры убитого зверя охотнику-пайщику или гостю (обряд). 3) охотник-пайщик (в том случае, когда два охотника убили одного зверя) 4) кушанье (традиционное из рубленого вареного медвежьего мяса, проваренного в медвежьем сале) 5) дать что-л. в подарок [ТМС, 1958: 593].

(эвенкийская сказка)

У подножия высоченной горы жила одна старушка со своим внуком. Они были зайцами. Мальчика-зайчонка звали Муннуканом, а его бабушку звали Тухакимнгу. Так они и жили вдвоем. У них были свои олени, летом они доили своих важенок, пили их молоко, когда созревала ягода, они собирали ее и, смешивая ее с молоком, ели. Такое блюдо – монин – бывает очень вкусной и сытной едой. Недалеко от их чума текла рыбная река Бирая. В той реке они вершой ловили рыбу. А когда кончались запасы мяса, забивали оленя, из шкуры шили себе одежду и постель, из его камусов шили себе унты и рукавицы. Старушка Тухакимнгу была искусной мастерицей выделывать шкуры, шить из них одежду. Муннукан же, когда наступало лето, играя, купался в своей реке с прозрачной водой. А вечерами бабушка ему рассказывала сказки, пела песни о том, откуда появились на земле звери, как появилась эта Средняя земля. На расстоянии одной кочевки от них, на берегу озера Гагингра жили соседи, одна семья. Отца их звали Амакандей, имя матери их было Конгнорйкан, у них был сын по имени Хомотыткан, очень красивый и умный. Эти эвенки часто ездили друг другу в гости, если добывали на охоте зверя, то одаривали друг друга, делились лучшими кусками мяса – делали нимат. Мальчики были очень дружны, играли вместе. Однажды бабушка Тухаким нгу рассказала мальчикам сказку о Сигундэре. Тот Сигундэр ежедневно, когда наступал полдень, отдыхал на самой вершине высокой горы, так рассказывала им бабушка. Послушав сказку, мальчики поверили, решив подняться на вершину высокой горы, чтобы увидеть отыхающего Сигундэра. И вот однажды Хомотыткан пришел к своему другу Муннукану в гости, заночевал у него. Они встали рано утром, досыта поели утреннюю еду и отправились к горе, чтобы подняться и увидеть Сигундэра. Очень долго они поднимались и, когда наступил полдень, на вершине горы увидели что-то яркое, краснеющее: не то огонь, не то что другое. А тот огонь, увиденный ими, сказал: «Мальчики, вы куда идете? Как высоко вы поднялись!» – «Мы, мы... пришли посмотреть на Сигундэра. Наша бабушка рассказывала, что Сигундэр останавливается отдыхать на вершине этой горы, когда наступает полдень. Мы очень хотим увидеть его», – сказал Хомотыткан, держа своей лапой переднюю ногу Муннукана, чтобы не очень было страшно, а у самого от страха хвостик дрожал, как осенний листочек.

Старик Сигундэр улыбнулся, будто обнял их своими теплыми лучами, спросил: «У вас, наверняка, у каждого есть имя, как вас зовут? Мое имя – Сигундэр, вы хотели меня увидеть, вот и видите меня. Ну, здравствуйте!» – «Здравствуй, здравствуй, дедушка Сигундэр! А какой ты светлый, какой теплый! Одного из нас зовут Хомотыткан, а второго – Муннукан. Мы живем по соседству, вместе играем, хорошо дружим. Очень любим слушать сказки бабушки Тухакимнгу, из ее рассказа мы узнали о тебе». – «О, вы красивые, милые детки, какие вы рыженькие оба!» – сказал Сигундэр. Мальчики посмотрели друг на друга и, удивляясь, воскликнули: «Это от чего мы так порыжели? Нас теперь никто не узнает, начнут смеяться над нами, говоря: “рыженькие, рыженькие!”». А Сигундэр-солнце тоже не мог понять, отчего это мальчики вдруг порыжели, опечалился, потом, подумав, посоветовал: «Ну что поделаешь? Спуститесь к Бирае, вымойтесь как следует, может, тогда смоется ваш рыжий цвет». – «Ну хорошо! Мы так и сделаем!» – сказав так, мальчики побежали вниз к реке. Прибежав к реке, начали купаться, натирая

друг друга песком. Потом посмотрели друг на друга и убедились, что рыжий налет сошел, они стали, как прежде, самими собой. Обрадовавшись, они побежали домой. Когда они пришли домой, бабушка начала расспрашивать: «Как вы сходили к горе? Что хорошего там увидели? Как поиграли?» Мальчики, стараясь опередить друг друга, начали рассказывать: «Мы поднялись на самую вершину горы. Там мы видели, как отдыхает старик Сигундэр. Он оказался очень добрым стариком, спросил, как нас зовут, тепло обнял нас. Когда он нас обнял, наши шкурки порыжели. Потом мы искупались в Бирае и смыли с себя рыжий цвет». Выслушала их бабушка Тухакимнгу, улыбаясь, и сказала: «До чего же вы еще глупенькие, вы не поняли, отчего порыжели ваши шкурки? Это от лучей Сигундэра ваши шкурки показались рыжими, в этом ничего плохого нет, от лучей Сигундэра все звери становятся только здоровее». С тех пор и до наших дней звери и все живое на земле любят тепло и свет солнца. [Мыреева, Сигундэр, 1992].

Основная мысль сказки связана с поклонением солнцу как светилу, дающему свет и тепло. Символизируется единение всего живого, людей и зверей, – все они тянутся к свету, теплу... В наши суровые морозы и звери, и люди мечтают о солнце, тепле, ждут наступления весны, лета. «В фольклоре и шаманских верованиях тунгусо-маньчжурских народов было распространено представление о двойном образе солнца: старшем солнце Дылача и младшем солнце Сэнгэ (иногда наоборот: старшем Сигундар и младшем Дылача) (эвенки)» [Огонь, вода…, 2016: 37]. Видно, что некоторые респонденты не совсем верно поняли и восприняли глубинный смысл текста. Имеются трудности в понимании текста: «Непонимание смысла одного слова часто ведет к непониманию всего содержания читаемого материала. Таким образом, основная задача в условиях двуязычия заключается в том, чтобы устранить речевые ошибки, связанные с незнанием значений слов, то есть улучшить содержательность мышления и речи учащихся. Слово должно быть тесно связано с понятием, так как без него невозможно сформировать систему знаний и развить логическое мышление. Этим определяется и принцип организации словарной работы. Словарная работа – это целенаправленная педагогическая деятельность, направленная на освоение учеником основных понятий, поэтому данная педагогическая деятельность неотделима от обучения чтению и образования в целом» [Юсупова, 2019: 99]. Необходимо, чтобы в программе школьного обучения любого языка было предусмотрено обучение глубинному пониманию лингвокультурных особенностей языка: «Процесс знакомства и обучения детей необходимо связывать с языковым опытом внутри рода, что будет способствовать осознанному отношению как к языку, так и к этнической культуре в целом. В настоящий момент в среде современных детей, представителей из числа КМНС, присутствует факт выбора языка не по национальной принадлежности, виной тому незнание родного (материнского) языка» [Ткачук, 2020:138–149].

Для оценивания художественной компетенции и творческого потенциала начинающих авторов, содействия развитию профессиональных навыков и повышения уровня сочинения, культуры чтения на родных языках как условия сохранения культурного наследия Якутии был

проведен конкурс сочинений художественных произведений и заметок на языках КМНС. Основными направлениями произведений были: поучительные сказки или рассказы по мотивам народных пословиц, поговорок, мифов или преданий; рассказы в жанре «фэнтези», мистические сюжеты; сказки и рассказы о жизни предков. Работали эксперты по каждому языку и по итогам конкурса дали практические советы по писательскому мастерству и обогащению словарного запаса. Из 108 работ 47 работ написаны детьми долган, чукчей, эвенков, эвенов и юкагиров на их родных языках, а остальные работы были на якутском языке. Приводим анализ эксперта по эвенкийскому языку К.И. Макаровой: «В своих рассказах дети пишут о себе, своих родителях, бабушках и дедушках. Хорошо, что они запечатлевают, как проходит жизнь старшего поколения в тайге. Их дедушки и бабушки – последнее поколение, жизнь которых прошла в советское время. Считаю, что сочинения детей соответствуют действительности. Что они видели, наблюдали в тайге, о том они и пишут. По работам детей чувствуется, что они не в совершенстве владеют языком: язык изучают в школе. Но, поскольку они каждое лето бывают в тайге у родителей, им язык знаком, они его понимают, но затрудняются применять сложные языковые конструкции и некоторые художественные приемы» [Кузьмина, 2023: 99]. В анализе сочинений на долганском языке экспертами отмечено следующее: «В анализируемых сочинениях допущены негрубые орфографические ошибки в написании слов. Ошибки, нарушающие лексические нормы языка, отсутствуют: это говорит о том, что ребята уделяют внимание подбираемым словам в тексте, используют только те лексемы, значения которых им известны. При смежности двух языков данный факт играет немаловажную роль в освоении родного языка. Однако в одной из работ была допущена грубая ошибка в использовании звука/буквы *ҕ* – в долганском языке отсутствует данная буква, оно произносится через увулярный придыхательный *г* звук. Отрадно, что конкурсанты используют и простые, и сложные предложения с использованием причастных, деепричастных оборотов. В двух работах соблюдается порядок слов в долганских предложениях, это прослеживается в предложениях с прямой речью и причастными, деепричастными оборотами» [Кузьмина, 2023: 64]. В сочинениях на эвенском языке: «Выдержано жанровое своеобразие и в легендах с ее объяснительной и нравоучительной функциями. Здесь юными писателями показана тесная связь эвенского человека с природой, с духом земли. Возможность “выживания” в суровых условиях Севера, будучи в ладу с окружающим миром, а также с другими людьми. В анализируемых сочинениях было не так много ошибок. *Речевые*: употребление слова в несвойственном ему значении *(послелог “долин” – “внутри” в значении “элгэлин” – “между”). Синтаксические*: нарушение структуры сочетания слов, порядок слов в предложении» [Кузьмина, 2023: 79].

Следует отметить, что в сказке Алины Бастыровой, ученицы 11-го класса ГБОУ РС(Я) «Экспериментальная школа-интернат Арктика» г. Нерюнгри, присутствует распространенный среди народов Центральной Азии и Сибири мотив птиц-девиц. Так, А.А. Бурыкин рассмотрел «калмыцкие, тувинские, бурятские, долганские, якутские, кетские, хантыйские, мансийские, эвенкийские, эвенские, орочские, нанайские, юкагирские и чукотские тексты, содержащие мотив лебедей, превращающихся в девушек, у одной из которых юноша крадет оперение, и девушка не может вернуть себе облик птицы. Обычно этот мотив связан с добыванием жены героем или одним из братьев. Поиски улетевшей девушки-лебедя героем-юношей осуществляются в разных сферах нарративного пространства...» [Бурыкин, 2020: 5–13]. Далее автор статьи приходит к выводу: «Наиболее архаичными формами повествований выглядят эвенкийский рассказ (начальная точка полетов девушек птиц, один из самых интересных для анализа текстов), а также кетский и долганский рассказы. Сюда же можно отнести нивхскую сказку о девочке, обижаемой мачехой и улетевшей с лебедями» [Там же]. Тот факт, что пером сочинительского мастерства юная сказочница придала архаичному мотиву новое дыхание, является продуктом созидательного чтения, глубокого понимания лингвокультурологических параметров текста устного народного творчества и переосмысления кодов культуры. Хотя сказка кажется незавершенной: богатырь должен был бы жениться на красавице девушке-лебеди – этого не происходит, как в традиционных сказках, но завуалированно подразумевается. Здесь важно подчеркнуть, что чтение, понимание текста и воспроизведение в виде устной или письменной речи являются необходимыми условиями повышения уровня языковой и художественной компетенций. В сказке употреблены олицетворения: *сигун бурудерэкин* ‘когда солнце падало’, *дэгил эмэвкил бичэл* ‘приходили птицы’, *нуӈартын икэдевкил, сэгэдевкил* ‘они плясали и пели’, *гагил тэгэврэ* ‘лебеди посадили’, *уркэвэ ниглэдечэтын* ‘дверь хотели открыть’, *сониӈ гэлун бэйӈэнун ӈорчамачилла* ‘богатырь с дикими зверями стали бороться’. А также присутствуют эпитеты: *Дулин Буга* ‘средний мир’, *нимӈакады агиду* ‘в сказочном лесу’. Все это показывает, что у данной ученицы формируются творческие навыки к писательству, владение знаниями о традиционной картине мира родного народа.

3. Выводы

Развитие культуры чтения с детства – это важный аспект становления коммуникативной речевой познавательной деятельности, направленной на восприятие и воспроизведение прочитанного текста. Начинается оно с самого раннего возраста, когда мы учим ребенка слушать чтение произведения, воспринимать, понимать и осмысливать прослушанный текст. После

этого, как правило, необходимо дать возможность детям пересказать, обсудить содержание, поскольку при этом аккумулируется речемыслительная деятельность.

Проведенное социолингвистическое исследование с помощью различных форм и методов показывает, с одной стороны, глубокую проблему незнания родного языка, низкий уровень владения титульными языками у КМНС. А с другой – тенденцию продуктивного обучения и изучения родных языков в некоторых школах и местах компактного проживания за счет создания устойчивого поля функционирования родного языка. Однако это также показывает проблемы, связанные с невозможностью качественного образования на родном языке. Как указали сами носители языка, необходимы дальнейшая поддержка в расширении этой сферы и повышение роли владения языкои в проектировании профессиональной карьеры и социального успеха в различных областях жизнедеятельности; усовершенствование системы мер со стороны государства в плане поддержки занятия традиционным хозяйством, развития инфраструктуры, социального положения, сохранения национальной культуры и языка; увеличения часов преподавания, новых методик преподавания в дошкольном и школьном образовании, включающих обучение глубинному пониманию лингвокультурных особенностей языка, с применением новых информационных технологий; создание и распространение мультфильмов, фильмов, оснащение новыми учебными и литературными изданиями, и главное, самим осознать будущее родного народа и укрепить институты семьи, где происходит приобщение к этнокультурным знаниям.

Таким образом, получение целостной картины функционального состояния языков коренных малочисленных народов Якутии позволил увидеть языковую ситуацию и сделать выводы для дальнейшей работы по популяризации речевой деятельности на родных языках КМНС.

Литература

Арефьев А.Л. (2014) Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: История и современность. М.: ЦСПиМ. 488 с.

Булатова Н.Я. (2017) Языковые процессы в эпоху общественных трансформаций: (На материале эвенкийского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. № 3 (2). С. 5–19.

Бурыкин А.А. (2020) Лебеди и журавли в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов азии // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. № 3 (19). С. 5–13.

Варламов А.Н. (1997) Традиционные игры и состязания эвенков. Якутск: Северовед. 12 с.

Василевич Г.М. (1958) Эвенкийско-русский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальн. словарей. 802 с.

Дьяконова М.П. (2021) Уфологическая версия происхождения Земли в эвенкийском фольклоре // Евразийство и мир. № 1. С. 28–34.

Иванова А.В. (2021) Речевой портрет коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в билингвальном контексте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. №2 (32). С. 9–22.

Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Режим доступа: https://sakha.gks.ru/folder/179476 Дата обращения: 27.02.2023.

Капица С.П. (2009) Россию превращают в страну дураков // Аргументы и Факты. № 37. Режим доступа: http://www.aif.ru/society/13372 Дата обращения: 27.02.2023.

Кузьмина А.А. (1992) Сочиняю на родном языке. Якутск: Изд-во ИЦ НБ РС(Я). 144 с.

Мыреева А.Н. (1992) Лучи Сигундэра. Якутск: Розовая чайка. 49 с.

Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах: Отношения человека и природы в Байкальской Сибири (2016) / Отв. ред. В.Н. Давыдов, В.В. Симонова, Т.Ю. Сем, Д. Брандишаускас]. СПб.: МАЭ РАН. 196 с.

О языках в Республике Саха (Якутия). Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 г. N 1170-XII. Режим доступа: https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-sahajakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija Дата обращения: 27.02.2023.

Роббек В.А. (1999) Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) и социолингвистические проблемы языков малочисленных народов Севера. Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН. 53 с.

Стручков К.Н. (2011) Социолингвистические факторы языковой картины мира эвенков в РС(Я) // Вестник ЧитГУ. Чита. № 2 (69). С. 38–44.

ТМС 1 (1975)– Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука. Т. 1. 672 с.

Трапицын С.Ю., Агапова Е.Н., Граничина О.А., Жарова М.В. (2022) Образование в области родных языков как фактор формирования благополучия и качества жизни детей и молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ // Арктика и Север. № 47. С. 236–259.

Ткачук Н.В. (2020) Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: Социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // Социальная компетентность. Т. 5. № 1. С. 138–149.

Юсупова З.М. (2019) Текст как источник формирования системных знаний в словарно-фразеологическом составе языка в условиях двуязычия // Педагогический журнал Башкортостана. №3 (82). 99 с.

UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger. Режим доступа: http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap.htm Дата обращения: 27.02.2023.

References

Arefyev, A.L. (2014) Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: Istoriya i sovremennost' [The Languages of the Indigenous Peoples of the North, Sibeia and the Far East in the Education System: History and Modernity]. M.: CSPiM Publ. 488 p. (In Russ.)

Bulatova, N.Ja. (2017) Jazykovye processy v jepohu obshhestvennyh transformacij: (Na materiale jevenkijskogo jazyka) [Language processes in the era of social transformations (based on the material of the Evenk language)] // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]. No. 3 (2). Pp. 5–19. (In Russ.)

Burykin, A.A. (2020) Lebedi i zhuravli v fol'klore kalmykov, drugikh mongoloyazychnykh narodov i narodov azii [Swans and cranes in the folklore of the Kalmyks, other Mongolian-speaking peoples and peoples of Asia] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova [Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov: Epic Studies Series]. No. 3 (19). Pp. 5–13. (In Russ.)

Vasilevich, G.M. (1958) Jevenkijsko-russkij slovar' [Evenk-Russian dictionary]. M.: Publ. House of Foreign and national. dictionaries. 802 p. (In Russ.)

D'jakonova, M.P. (2021) Ufologicheskaja versija proishozhdenija Zemli v jevenkijskom fol'klore [The ufological version of the origin of the Earth in the Evenk folklore] // Evrazijstvo i mir [Eurasianism and the World]. No. 1. Pp. 28–34. (In Russ.)

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g [Results of the All-Russian Population Census of 2010]. URL: https://sakha.gks.ru/folder/39644 (accessed: 19.11.2021). (In Russ.)

Ivanova, A.V. (2021) Rechevoy portret korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v bilingval'nom kontekste [Speech portrait of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in a bilingual context] // Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. No. 2 (32). Pp. 9–22. (In Russ.)

Kuz'mina, A.A. (2023) Sochinjaju na rodnom jazyke [I compose in my native language]. Yakutsk: Publ. house of IC NB RS(Ya). 144 p. (In Russ.)

Mjagkova, E.Ju. (2018) Navyk chtenija i problemy ponimanija teksta [Reading skill and text comprehension problems] // Jazykovoe bytie cheloveka i jetnosa [Linguistic existence of a person and an ethnic group]. Pp. 83–94. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/navyk-chteniya-iproblemy-ponimaniya-teksta (accessed: 22.01.2023). (In Russ.)

Myreeva, A.N. (1992) Luchi Sigundjera [Sigundar 's Rays]. Yakutsk: Pink Seagull. 49 p. (In Russ.)

Ogon', voda, veter i kamen' v jevenkijskih landshaftah: Otnoshenija cheloveka i prirody v Bajkal'skoj Sibiri (2016) [Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes: The relationship between man and nature in Baikal Siberia] / Ed. by V.N. Davydov, V.V. Simonova , T.Ju. Sem, D. Brandishauskas]. SPb.: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ. 196 p. (In Russ.)

O yazykah v Respublike Saha (Yakutiya). Zakon Respubliki Saha (Yakutiya) ot 16 oktyabrya 1992 g. № 1170-XII. Available at: https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-sahajakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija (accessed: 19.01.2023). (In Russ.)

Robbek, V.A. (1999) Yazykovaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya) i sotsiolingvisticheskie problemy yazykov malochislennykh narodov Severa [The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia) and sociolinguistic problems of the languages of the small peoples of the North Yakutsk]. Yakutsk: Publ. House of IPMNS SB RAS. 53 p. (In Russ.)

Struchkov, K.N. (2011) Sociolinguistic factors of the language picture of the world of the Evenks in the RS (Ya) [Sociolinguistic factors of the language picture of the world of the Evenks of the RS (ya)] // Vestnik ChitGU [Bulletin of the CHITSU]. Chita. No. 2 (69). Pp. 38–44. (In Russ.)

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov (1975) Materialy k jetimologicheskomu slovarju [Comparative Dictionary of the Tungusic-Manchu languages: Materials for the Etymological Dictionary]: In 2 vols. I / Ed. V.I. Tsintsius. L.: Nauka. 672 p. (In Russ.)

Trapitsyn, S.Yu., Agapova, E.N., Granichina, O.A., Zharova, M.V. (2022) Obrazovanie v oblasti rodnykh yazykov kak faktor formirovaniya blagopoluchiya i kachestva zhizni detey i molodezhi korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego vostoka RF [Education in the field of native languages as a factor in the formation of well-being and quality of life of children and youth of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation] // Arktika i Sever [The Arctic and the North]. No. 47. Pp. 236–259. (In Russ.)

Varlamov, A.N. (1997) Tradicimonnye igry i sostjazanija jevenkov [Traditional games and competitions of the Evenks]. Yakutsk: Severoved. 12 p. (In Russ.)

Кузьмина Ангелина Афанасьевна – кандидат филологических наук, сотрудник Научно-исследовательского института чтения Национальной библиотеки РС (Я), Россия.
Адрес: 677027, Российская Федерация, Якутск, проспект Ленина, 40.
Эл. адрес: aa.kuzmina@nlrs.ru

Kuzmina Angelina Afanasyevna – Candidate of philological sciences, researcher at the Research Institute of Reading of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), Russia.
Address: 677027, Russian Federation, Yakutsk, Lenin Avenue, 40.
Email address: aa.kuzmina@nlrs.ru

Для цитирования: *Кузьмина А.А.* Социолингвистический аспект речевой деятельности коренных малочисленных народов Севера: (На материалах Республики Саха (Якутия)) // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 80–97. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-80-97

For citation: *Kuzmina, A.A.* Sociolinguistic aspect of speech activity of the indigenous peoples of the north: (Based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)) // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 80–97. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-80-97

The article was submitted 11.07.2023;
approved after reviewing 25.10.2023;
accepted for publication 15.11.2023

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-98-124

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В СООБЩЕСТВЕ РЕГИОНА ЧАОШАНЬ: ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Чжан Цибинь
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация

Чаошань, расположенный на восточном побережье провинции Гуандун на юге Китая, представляет собой регион с культурными и языковыми особенностями. Данное исследование посвящено изучению языковой ситуации в городе Шаньтоу региона Чаошань. В нем рассматриваются такие ключевые социолингвистические вопросы, как языковая политика, отношение к языку, самоидентификация и взаимопонятность между разновидностями чаошаньского диалекта. Предыдущие исследования в основном были посвящены языковому сдвигу и сохранению языка, но данное исследование в большей степени изучает социолингвистические особенности внутри субсообществ и проблемы взаимопонятности [Lin, 1994, 2005, 2017; F. Chen, 2017; H. Chen., 2020; Huang, Fang, 2021]. Результаты, полученные от 142 участников, свидетельствуют о значительных различиях в языковой практике, отношении к языку и самоидентификации носителей в трех субсообществах. Районы Хаоцзян, Чаоян и Чаонань, составляющие южное субсообщество и его диалект, отличаются от двух других – центрального и северного, в первую очередь, языковой практикой, языковыми отношениями и самоидентификацией носителей. Исследование также дает представление о сложности языковой ситуации в регионе и дает оценку взаимопонятности между тремя разновидностями диалекта Чаошань.

Ключевые слова: *Китай, китайский язык, чаошаньский диалект, регион Чаошань, языковая ситуация, языковой сдвиг, языковая политика, языковые установки*

LANGUAGE SITUATION IN THE CHAOSHAN COMMUNITY: A PILOT STUDY

Zhang Qibin
National Research University Higher School of Economics,
Russian Federation

Chaoshan, located on the east coast of Guangdong Province in South China, is a region with profound cultural and linguistic distinctiveness. This pilot study investigates the language situation in the Chaoshan region, focusing on the city of Shantou. It addresses key sociolinguistic issues such as language policy, attitude, identity, and mutual intelligibility among varieties of Teochew. Prior research mainly concentrated on language shift and maintenance, but this study delves deeper to explore sociolinguistic peculiarities within sub-communities and mutual intelligibility issues [Lin, 1994, 2005, 2017; F. Chen, 2017; H. Chen, 2020; Huang & Fang, 2021]. Results from 142 participants highlight significant intra-community differences in language practices, attitude, and identity among the three sub-communities. The South Shore sub-community - Haojiang, Chaoyang and Chaonan Districts and its variety stand out in interactions with other sub-communities: Downtown and Chenghai, primarily in language practices, attitudes and identity. The study also provides insights into the mutual intelligibility among three Teochew varieties, revealing the complexity of the language situation.

Keywords: *China, Chinese language, Chaoshan dialect, Chaoshan region, language situation, language shift, language policy, language attitude*

1. Introduction

According to Ferguson [1996], the term language situation is a collection of language varieties and the ways wherein they are acquired, used, and employed among diverse linguistic communities in a specific area. Chaoshan[14], located on the east coast of Guangdong in South China, is a region with profound cultural and linguistic distinctiveness and thus a good case in point. Prior sociolinguistic research examined its language shift resulting from state language policies, encompassing crucial facets such as language practices, proficiency, attitude, and identity (see: [Lin, 1994, 2005, 2017; F. Chen, 2017; H. Chen, 2020; Huangб Fang, 2021; Liuб Fang, 2022]). This study addresses the multifaceted language situation of Chaoshan in an intra-community context, by exploring sub-communities and the mutual intelligibility among their varieties, which were previously overlooked. The research objectives are formulated as follows: (1) mutual intelligibility of the sub-communities' Teochew varieties; (2) language practices of the sub-communities, their interactions and influencing factors; (3) individual language attitudes toward different dialectal varieties, including opinions on prestige varieties and stereotypes, and (4) identities of members of sub-communities.

The paper is structured as follows: the first two chapters explore theoretical concepts, including language situation, shift and maintenance, policy, attitude, and identity, while providing necessary contexts for understanding the language situation. Chapter three introduces the data collection method, and Chapter four summarizes the collected data and delves into data analysis, covering social factors, linguistic details, mutual intelligibility, language use, attitude, and participants' identities, highlighting interactions among sub-communities. The last chapter draws conclusions on the language situation based on the data analysis, addressing study limitations and offering insights for prospective investigations.

2. Conceptual framework and research background

2. 1. Conceptual framework

Language situation pertains to language maintenance and language shift, as defined by Fishman [1964], concerned with the interplay between language change or stability and ongoing psychological, social, and cultural processes when linguistically diverse populations interact. Given that language shift is both a process and an outcome, and influenced by factors such as language attitude and policy; these concepts will be examined in the current study (see: [Pauwels, 2016]). Spolsky [2004] outlined a three-part framework for understanding a speech community's language policy, encompassing language

[14] The region is home to tens of millions of Teochew people, who are a small branch of the Han nationality influenced by traditional Chinese culture, and their culture also bears many unique local features [Cheng, 1997]. Their mother tongue - Teochew/Teo-Swa/Chaoshan Min is a dialect of the Southern Min languages.

practices, language beliefs or ideologies, and language management. Language attitude shares commonalities with language beliefs and ideologies within the context of language policy. Agheyisi and Fishman [1970] categorized past studies on language attitude into three major groups: the first group evaluates languages, the second involves community-wide stereotypes regarding particular languages and their speakers, and the third pertains to various language behaviors. The trio of elements is denoted as the affective, cognitive, and behavioral facets [Llamas et al., 2007]. Prestige is a persistent element in language attitude research; it denotes the societal worth or standing linked to a given language, dialect, or linguistic variant in a community [Meyerhoff, 2006]. Lastly, identity is indispensable in language situation research [Bucholtz, Hall, 2005].

3. 2. Research background

2. 2. 1. An overview of Chaoshan[15]

There are two stances regarding the composition of Chaoshan[16]. From a traditional standpoint, Chaoshan comprises three cities: Shantou[17], Chaozhou, and Jieyang, while a broader perspective includes Shanwei or Swabue, forming the Greater Chaoshan Area. However, Shanwei has distinct cultural and linguistic differences and was historically governed by neighboring divisions. Therefore, this study adopts the traditional definition of Chaoshan.

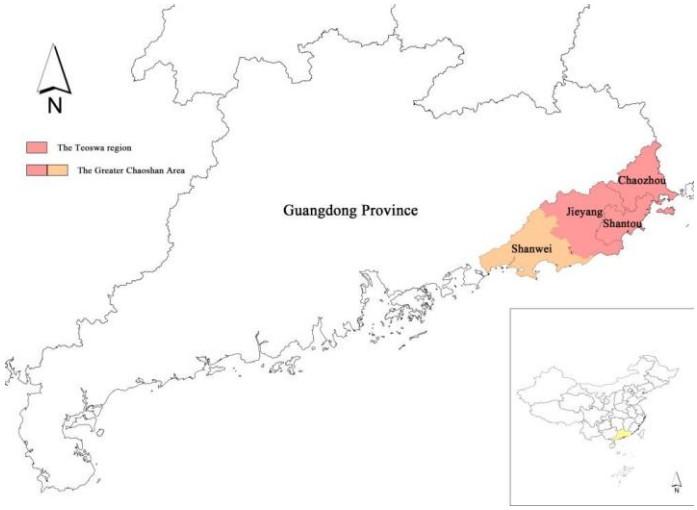

Fig. 1. Chaoshan and the Greater Chaoshan Area in Eastern Guangdong

(Fig. 1, 2, 3, and 5 were generated from data by Xu (2023) and modified by author)

[15] 'Chaoshan' is the Pinyin romanization and 'Teoswa' is the romanization based on the pronunciation of the local dialect. Same with 'Teochew', 'Swatow', 'Kityang', and so forth. In this study, certain names follow this romanization tradition to show regard and appreciation toward the land, its people, culture, and language.

[16] So far, compatriots from Hong Kong, Macao, and Taiwan and overseas Chinese still call Teoswa/Chaoshan Region Teochew/Chaozhou. Now it also refers to the city of Teochew or Chaozhou.

[17] Shantou, also known as Swatow, is a prefecture-level city on the eastern coast of Guangdong Province. Swatow borders Teochew to the north, Kityang to the west. Swatow was originally a small fishing village subordinate to the County of Chenghai in Teochew. Swatow has been well known for being one of the earliest Special Economic Zones in China since 1981.

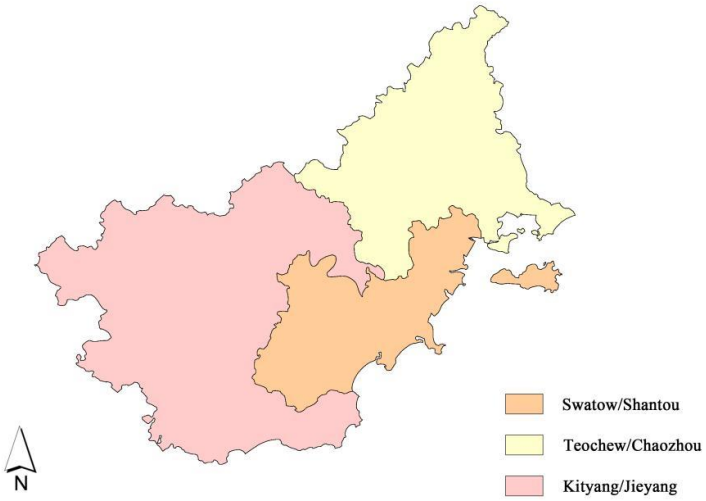

Fig. 2. Three cities of Chaoshan

Fig. 3. Shantou

2. 2. 2. Sub-classification of the Teochew dialect

Teochew[18] is a dialect of the Southern Min languages spoken by the Teochew people in the region and other diasporas outside Mainland China (see Fig. 4). Scholars proposed different sub-classification methods for Teochew. Y. Li's trichotomy [1986] includes Downtown and Chenghai (hereafter: North Shore; see Fig. 5) into the "first dialect area" and Haojiang, Chaoyang and Chaonan

[18] Teochew preserves many similarities to Old Chinese in its pronunciation and vocabulary that have been lost in most of the other Sinitic languages. As such, Teochew is considered to be one of the more conservative Chinese languages and its written language only exists in classical literature [Lin, 2017]. Despite efforts in the modern orthography of Teochew, today very few people are able to write Teochew and it is by large extent a spoken language.

(hereafter: South Shore) into the "third dialect area"[19]. The trichotomy is similar to X. Li's [1994], which puts varieties spoken in the North Shore into "Shantou cluster", and the others into "Chaopu cluster". Lin [1997] introduced the urban vernacular of Shantou (Downtown variety), which is widely recognized as standard Teochew. The Downtown variety is the language contact product of different Teochew varieties in Downtown Shantou and it lost salient features of other Teochew varieties and became a somewhat neutral variety [Lin, 2015]. This means that the Downtown variety is different from the variety spoken in Chenghai despite proximity.

Therefore, in light of scholarly consensus (see: [Y. Li, 1986; X. Li, 1994; Lin, 1997; Shao, Gan, 2007; Pan, Zheng, 2010; Lin 2015], the Teochew varieties spoken in Jinping, Longhu, and Chenghai districts exhibit significant phonological, tonal, and lexical differences from varieties in Haojiang, Chaoyang, and Chaonan. In this study, Teochew varieties in Shantou (see Fig. 5) are thus classified into the North Shore varieties (NSV: Downtown and Chenghai) and the South Shore varieties (SSV: Chaoyang, Chaonan, and Haojiang). Although maintaining good mutual intelligibility with the Downtown variety (DTV), the distinctiveness of the Chenghai variety (CHV) demands examination along with DTV and SSV.

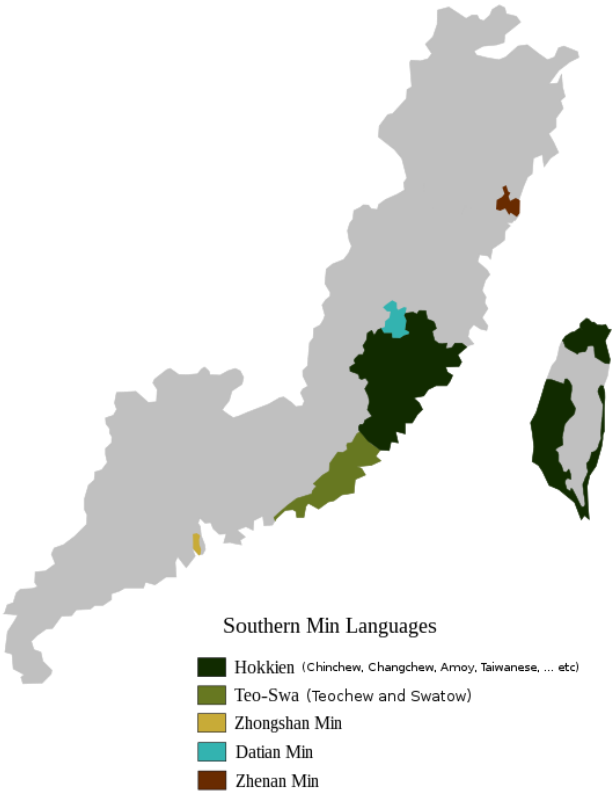

Fig. 4. Varieties of Southern Min languages [Luuva, 2020]

[19] The "second dialect area" mainly comprises the city Jieyang/Kityang, which is not in the scope of investigation in this paper.

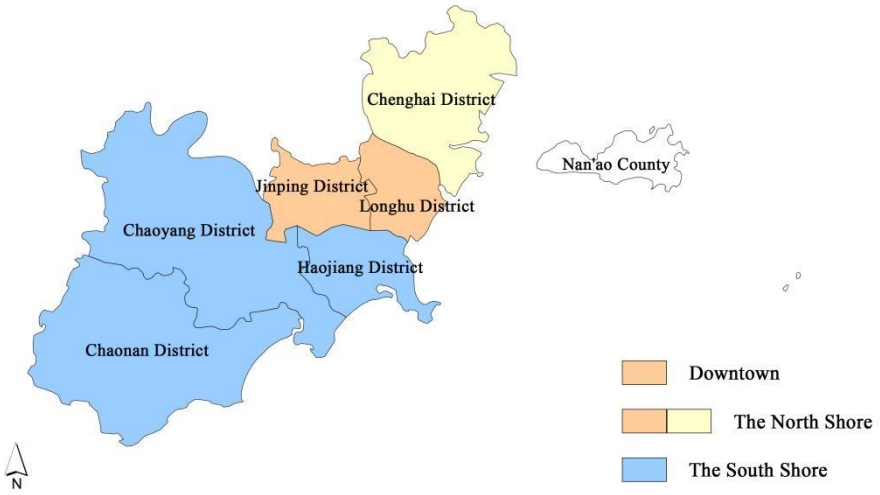

Fig. 5. Sub-classification of Teochew varieties spoken in Shantou in this study (excluding Nan'ao County[20])

2. 2. 3. Previous research on the language situation

Research on Chaoshan's language situation dates back to the 1990s. Since China's economic reform, the region had witnessed the popularization of Cantonese and Putonghua[21] (hereafter: PTH), and marginal local dialects homogenized [Lin, 1994]. Lin [2005] attributed the early language shift to sociolinguistic and extralinguistic factors such as language policy, language attitude, Cantonese culture contact, and population diversification. His prediction of the language shift, PTH as the high variety and Teochew as the low [Ibid.], was validated in later research on language practices, language proficiency, language attitude, and identity. Firstly, scholars agreed on the Teochew proficiency decline of the young, including speaking [F. Chen, 2017] and cultural competence [Lin, 2017]. Despite the proficiency decline in younger generations, some scholars claimed that the younger generations still had a fairly good command of Teochew, and were able to communicate in Teochew fluently. H. Chen [2020] focused her sample on preschoolers and pupils; the latter practiced more Teochew and PTH code-switching than kindergartners did. Moreover, pupils in rural areas spoke better Teochew than those in towns. Other scholars were concerned with family language policy, Teochew was used for communication with parents and grandparents since these generations usually do not have a good enough command of PTH and Teochew was the language they used to raise their offspring. Huang and Fang [2021] showed that parents' Teochew proficiency was the key factor influencing children's

[20] The Nan'ao variety is excluded due to its distinct linguistic background.
[21] Putonghua comes from the Chinese word 普通话 (Pǔtōnghuà in pinyin), which means "common tongue". Putonghua is the national language of the People's Republic of China and is used in schools and workplaces throughout the country. It is commonly referred to as Standard Mandarin.

language planning in the family domain, and parents with higher levels of education were more positive toward multilingualism. Their participants believed that the language symbolizes their Teochew identity and felt a strong connection to the language and a sense of solidarity with people who spoke the same language. Liu and Fang [2022] chose young adults as their sample and discovered that those who had higher Teochew proficiency had more positive language attitudes. The use of PTH among young adults from different sub-communities was attributed to communication barriers caused by their different native Teochew varieties. Workplace was a domain where PTH was more often used for formality reported by the participants.

3. Methodology and data

This research utilizes a survey that is divided into four sections: (1) General information containing social variables and linguistic details; (2) Mutual intelligibility of Teochew varieties; (3) Language attitude, and (4) Language practices of the sub-communities. The adaptation of the second section is inspired by Haugen [1966] and Gooskens [2013]. The structure of the language attitude section aligns with three components of attitude as outlined by Llamas et al. [2007]; the investigation of prestige and identity are also included. Spolsky [2007] and prior studies form a theoretical basis for the last section—language practices. The methodology and framework employed in this study align with those used in analogous empirical investigations conducted in culturally, linguistically, and geographically diverse societies [Kansakar et al., 2011; Dweik, Al-Obaidi, 2014; Dweik, Qawar, 2015]. The survey was designed and distributed on an online platform *Wenjuanxing*[22].

Given the nature of the pilot study, participants were recruited from Shantou, excluding Nan'ao County, with their Teochew categorized into three variety groups: DTV, CHV, and SSV, as outlined in the preceding chapter[23]. The study targeted individuals aged 18 to 60 and they met the following criteria: (1) speak Teochew as L1 and identify as Teochew people; (2) capable of distinguishing among the three varieties. Ultimately, 142 out of 182 questionnaires are valid. It is essential to emphasize that the findings presented in this study may not be universally applicable to the entire population; instead, this research represents a limited subset of Teochew speakers in the region. Stringent research ethics were observed throughout the study.

[22] Wenjuanxing is an online platform. It helps with scholarly online questionnaires, surveys and data analysis. https://www.wjx.cn
[23] DTV: Downtown Variety; CHV: Chenghai Variety; SSV: South Shore Variety

4. Analysis and interpretation

4. 1. Social variables and linguistic information

The survey showed a relatively balanced distribution between male and female participants (see Table 1). A significant majority (74 %) of the participants belonged to the younger generations, with over half born in the 90s and nearly one-fifth born between 2000 to 2005. Among the older generations, a portion (5 %) was born in the mid and late 60s, while others (15%) were born in the 70s. A smaller proportion of the total population, born in the 80s, constituted the middle generation. The data reveals that a larger percentage of participants were from urban areas, in contrast to those from rural areas.

Concerning the participants' place of origin, a majority were from Downtown, covering two districts of Longhu and Jinping, while 16 % of the participants were from the South Shore districts of Haojiang, Chaoyang and Chaonan (see Table 2). The smallest cohort comprised participants from Chenghai. Participants were prompted to specify the group with which they identify, with three-quarters identifying as Downtown people, 18 % as South Shore people, and 7 % as Chenghai people. It is crucial to acknowledge that participants' places of origin did not consistently align with their asserted identities, as individuals may grow up in one area but identify with another community for various reasons. In this study, the classification of participants into three distinct groups—Downtown, Chenghai, and the South Shore—was based on their self-identification, as it held greater significance than their places of origin.

Table 1

Social variables of the participants

Social variables of participants				
			Number	Percentage
Sex:	Male		75	53%
	Female		67	47%
	Total		142	100%
Generation:	1964-1979	'Old'	29	20%
	1980-1989	'Middle'	8	6%
	1990-1999	'Young'	78	55%
	2000-2005		27	19%
	Total		142	100%
Settled in:	Urban		103	73%
	Rural		39	27%
	Total		142	100%

Table 2

Places of origin and self-identification of the participants

			Number	Percentage	
Place of origin:	Jinping	Downtown	73	52%	78%
	Longhu		37	26%	
	Chenghai	Chenghai	9	6%	6%
	Chaoyang	The South Shore	11	8%	16%
	Chaonan		9	6%	
	Haojiang		3	2%	
	Total		142	100%	
Identify as a member of:	Jinping Longhu	Downtown people	107		75%
	Chenghai	Chenghai people	10		7%
	Chaoyang Chaonan Haojiang	The South Shore people	25		18%
	Total		142		100%

As depicted in Fig. 6, 91 participants (64 %) asserted that they exclusively speak one Teochew variety. These are monodialectal speakers. On the other hand, 51 people (36 %) reported speaking two or more varieties, they are multidialectal speakers. These results indicate that speaking more than one Teochew variety is not an uncommon practice in Shantou.

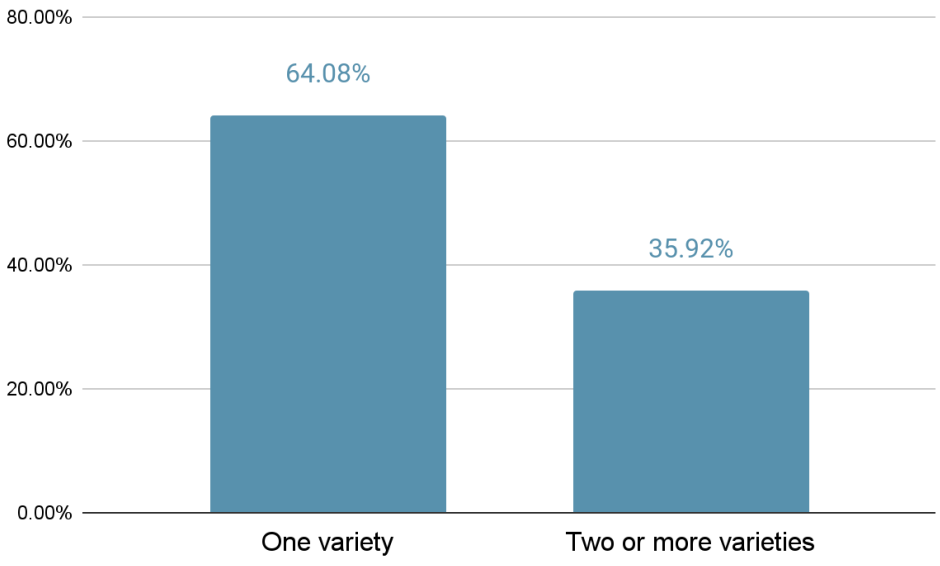

Fig.6. Percentages of monodialectal and multidialectal participants

The majority of participants (75 %) primarily spoke DTV, followed by SSV and CHV speakers (see Table 3). However, there is a notable incongruity between the Teochew variety that participants use most frequently and their self-claimed identities, regardless of the fact that they are monodialectal or multidialectal. Participant 59-D[24], a monodialectal speaker, is a good example. He identifies as a downtown urbanite but predominantly speaks CHV, not DTV. Similarly, participants 124-D and 177-C speak mainly SSV and DTV, respectively, instead of aligning with their identified varieties, which are DTV and CHV. This discrepancy is more prevalent among multidialectal speakers: 123-S, 159-S, and 156-C predominantly speak DTV; 31-D and 176-D predominantly speak CHV. However, this may not be a common phenomenon since there are only 8 participants of this kind, representing roughly 5 % of the participants.

Table 3

Participants' major varieties of Teochew

Proportions of the three varieties of Teochew:			
DTV	Jinping - 68	107	75%
	Longhu - 39		
CHV	Chenghai - 11	11	8%
SSV	Chaoyang - 13	24	17%
	Chaonan - 7		
	Haojiang - 4		
Total	142	142	100%

As indicated in Table 4, in addition to DTV, there are more multidialectal Downtown participants who speak SSV than those who speak CHV. Nearly one-third of the multidialectal Downtown participants can use both CHV and SSV. Conversely, multidialectal participants from Chenghai and the South Shore are all capable of speaking DTV. Some of them even speak DTV along with another distinct variety (CHV or SSV), but none exclusively speaks the different variety without being able to speak DTV. Therefore, it can be inferred from this phenomenon that DTV plays a crucial role as a bridging Teochew variety in Shantou, connecting speakers from various sub-communities.

[24] '59' denotes the number originally assigned to a participant, the 'D' after indicates that this participant identifies as a member of the Downtown Swatow community. If 'C', Chenghai, and 'S', the South Shore.

Table 4

Varieties of Teochew spoken by multidialectal participants

Identify as:	Speaking X additionally	Number	Percentage	Total
Downtown people	CHV	5	14%	35
	SSV	19	54%	
	CHV and SSV	11	32%	
Chenghai people	DTV	3	75%	4
	SSV	-	-	
	DTV and SSV	1	25%	
The South Shore people	DTV	10	83%	12
	CHV	-	-	
	DTV and CHV	2	17%	
Total				51

Fig. 7 illustrates that a larger proportion of participants exhibited proficiency in Teochew compared to those with less expertise. Approximately 41 % of participants demonstrated the ability to engage in discussions on specialized and sophisticated topics in Teochew, with one-third expressing fluency in understanding and speaking the language. However, some participants expressed less confidence in their Teochew skills: 16.2 % mentioned, 'I usually do not have trouble with Teochew,' roughly 8 % acknowledged occasional difficulties, and only one participant reported often having trouble with Teochew. On the other hand, the majority of participants displayed high proficiency in PTH (see Fig. 8). About 73 % claimed to be bilingual in both Teochew and PTH. Over one-fifth rarely experienced difficulties in understanding and speaking PTH with a mild accent. Only a few encountered challenges with PTH.

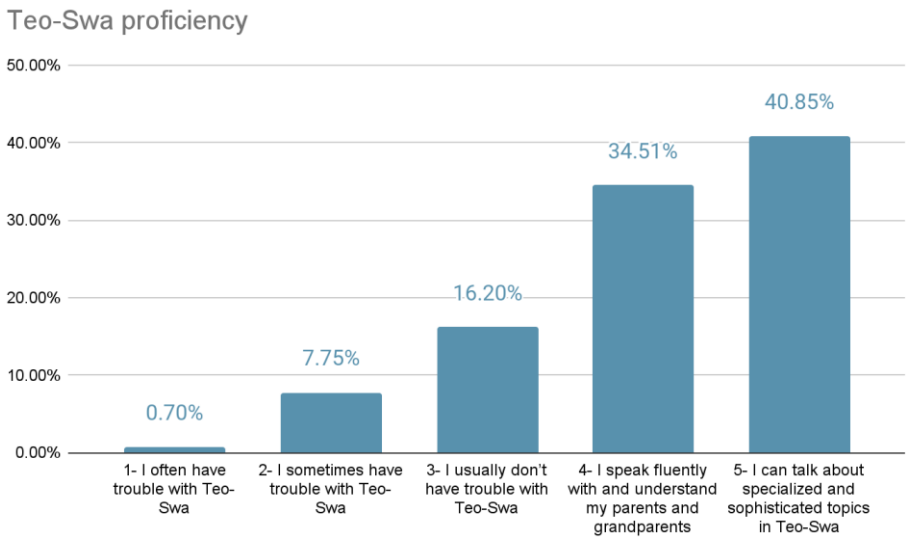

Fig. 7. Participants' Teochew proficiency

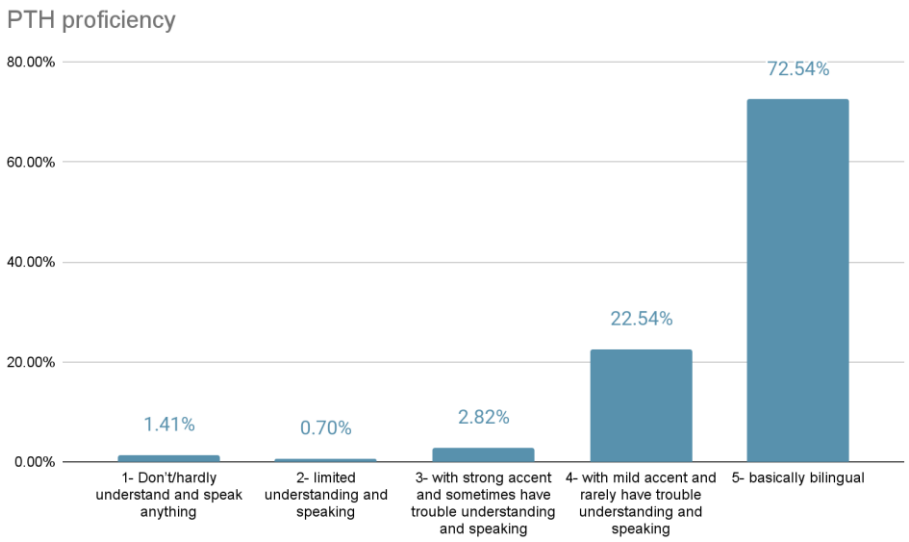

Fig. 8. Participants' PTH proficiency

4. 2. Mutual intelligibility of three Teochew varieties

According to Table 5, DTV and CHV participants exhibited a strong mutual understanding, but it was relatively more challenging for them, particularly CHV participants, to comprehend SSV participants. SSV participants had a relatively better understanding of DTV than CHV. DTV appeared to be more easily understood for both CHV and SSV participants during first encounters, whereas SSV were more challenging for the others to understand. Participants also expressed their current perceived level of understanding of the different Teochew varieties. Generally, DTV participants understood CHV much better than SSV. Only a tiny fraction of DTV participants understood less than 60% of CHV speech, while nearly one-quarter of them struggled with SSV speech. Regarding SSV participants, almost one-fifth of them encountered difficulty understanding CHV participants, but less than 10% faced challenges with DTV. Finally, all CHV participants had a strong comprehension of DTV, but nearly two-fifths found it challenging to understand SSV.

Table 5

Mutual intelligibility among DTV, CHV and SSV during first encounters

	Participants and different varieties					
How well participants understand other varieties	Downtown people		Chenghai people		The South Shore people	
	CHV	SSV	DTV	SSV	DTV	CHV
1 - not at all	1 (1%)	0	0	0	1 (4%)	2 (8%)
2 - with great difficulty	0	6 (6%)	0	2 (20%)	0	0
3 - had to listen intently	6 (6%)	27 (25%)	0	4 (40%)	4 (16%)	4 (16%)
4 - all but a few words	36 (33%)	41 (38%)	3 (30%)	4 (40%)	6 (24%)	11 (44%)
5 - understood everything	64 (60%)	33 (31%)	7 (70%)	0	14 (56%)	8 (32%)
Total	107	107	10	10	25	25

An interesting observation was revealed by Table 6: Downtown and Chenghai participants expressed a perception that their Teochew varieties were easier to be understood by one another than by SSV participants. Conversely, SSV participants appeared to recognize the difficulty their Teochew varieties might present for both DTV and CHV participants. The data provides insight into the levels of mutual intelligibility among these Teochew varieties. CHV and SSV are located near the two different extremes of the dialect continuum, while DTV is in the middle with a slight inclination to the end where CHV is located. DTV speakers have better understanding of CHV than SSV; for CHV speakers, DTV is easier to understand than SSV. Ultimately, SSV speakers comprehend DTV better than CHV. Both CHV and SSV speakers would encounter greater difficulty in understanding one another compared to comprehending DTV speakers.

Table 6

Perceived levels of understanding one believes they receive from others

	Participants and different varieties					
How well participants believe they were understood by others	Downtown people		Chenghai people		The South Shore people	
	CHV	SSV	DTV	SSV	DTV	CHV
1 - not at all	0	0	0	0	0	0
2 - with great difficulty	0	3 (3%)	0	1 (10%)	1 (4%)	1 (4%)
3 - had to listen intently	5 (5%)	19 (18%)	0	3 (30%)	5 (20%)	5 (20%)
4 - all but a few words	39 (36%)	44 (41%)	3 (30%)	6 (60%)	10 (40%)	11 (44%)
5 - understood everything	63 (59%)	41 (38%)	7 (70%)	0	9 (36%)	8 (32%)
Total	107	107	10	10	25	25

4. 3. Language practices of the Teochew sub-communities

All participants communicated more frequently with individuals who spoke the same Teochew variety at home and in their daily lives compared to school and workplace domains. When interacting with those speaking different Teochew varieties, the use of Teochew was more evenly distributed across all domains. In particular, it is worth noting that, in school and workplace domains, the percentages of Teochew speech when participants spoke with different varieties speakers showed comparable importance with those in other domains. A number of Downtown participants reported regular encounters with individuals speaking different Teochew varieties, especially during interactions with relatives and in marketplace environments (see Table 7).

Table 7

Domains wherein Teochew is spoken with individuals who speak the same and different varieties[25]

	Participants of					
Domains/Occasions	Downtown		Chenghai		The South Shore	
	Same V	Different V	Same V	Different V	Same V	Different V
At home	88 (82%)	37 (35%)	9 (90%)	3 (30%)	21 (84%)	10 (40%)
School	48 (45%)	33 (31%)	5 (50%)	4 (40%)	13 (52%)	10 (40%)
Workplace	49 (46%)	49 (46%)	4 (40%)	4 (40%)	6 (24%)	10 (40%)
Daily life	78 (73%)	66 (62%)	7 (70%)	8 (80%)	16 (64%)	13 (52%)
Additionally mentioned by participants						
Relatives		1				
Marketplace		1				
As long as one is Teochew	1					
Does not matter where	1	1				

Table 8

Language choices of the sub-communities

When participants interacting with	Participants of			Choices
	Downtown	Chenghai	The South Shore	
DTV speakers	-	8 (80%)	9 (36%)	Mostly Teochew
	-	1 (10%)	4 (16%)	Mostly PTH
	-	1 (10%)	12 (48%)	Mixing
CHV speakers	76 (71%)	-	9 (36%)	Mostly Teochew
	5 (5%)	-	6 (24%)	Mostly PTH
	26 (24%)	-	10 (40%)	Mixing
SSV speakers	54 (51%)	2 (20%)	-	Mostly Teochew
	11 (10%)	4 (40%)	-	Mainly PTH
	42 (39%)	4 (40%)	-	Mixing

[25] 'V' stands for 'Varieties of Teochew'.

Concerning language choices, the participants were presented with three options when communicating with individuals who speak different Teochew varieties: primarily in Teochew, primarily in PTH, or a combination of both. The predominant language choice among all participants was the use of Teochew, with language mixing of Teochew and PTH being the subsequent choice. The preference for communication primarily in PTH was almost universally low across all groups, except when CHV participants interacted with SSV participants. It is noteworthy that when interacting with SSV participants, both DTV and CHV groups experienced a visible decline in individuals who chose to primarily communicate in Teochew. SSV participants leaned toward language mixing when communicating with other groups, and there was no discernible difference in their language choice patterns when interacting with speakers of DTV and CHV.

Overall, participants chose to communicate in Teochew because they perceived it as a natural choice that fosters a sense of connection. Remarkably, a higher proportion of SSV participants articulated that, when engaging in conversation with CHV speakers in Teochew, their intentions leaned toward seeking entertainment. Certain participants voluntarily emphasized the significance of adhering to Teochew to preserve both the language and culture. However, a number of participants opted to switch to PTH when conversing with individuals who speak different varieties, primarily due to discomfort stemming from diverse accents and communication barriers. Other motives, including an affection for the language and considerations of prestige had only a marginal impact.

The primary motivations for mixing Teochew and PTH were to navigate communication barriers and address the challenge of articulating specific concepts in Teochew. The practice of language mixing has become commonplace among certain participants.

4. 4. Language attitude and identity of the Teochew sub-communities

4. 4. 1. The affective facet

As observed in Table 9, it is evident that, in general, all three groups exhibited a preference for their respective Teochew variety over others, placing it in the top position. A high proportion of DTV and CHV participants considered SSV as their least preferred variety. For SSV participants, 40 % of them manifested a predilection for alternative varieties, diverging from an inclination toward their own.

Table 9

Participants' fondness toward the three varieties[26]

	Participants of		
Fondness ranking	Downtown	Chenghai	The South Shore
DTV>CHV>SSV	73 (68%)	1 (10%)	3 (12%)
DTV>SSV>CHV	21 (19%)	0	6 (24%)
CHV>DTV>SSV	5 (5%)	9 (90%)	1 (4%)
CHV>SSV>DTV	4 (4%)	0	0
SSV>DTV>CHV	1 (1%)	0	10 (40%)
SSV>CHV>DTV	3 (3%)	0	5 (20%)
Total	107	10	25

4. 4. 2. The cognitive facet

Regarding prestige (see Fig. 9), more than half of the DTV participants concurred that their variety was prestigious, while a comparable proportion of CHV participants expressed precisely the opposite viewpoint. For SSV participants, they had a rather evenly distributed spectrum of opinions concerning prestige. The data imply that CHV might represent a more substantial potential challenge to the prestigious status of DTV compared to the South Shore varieties.

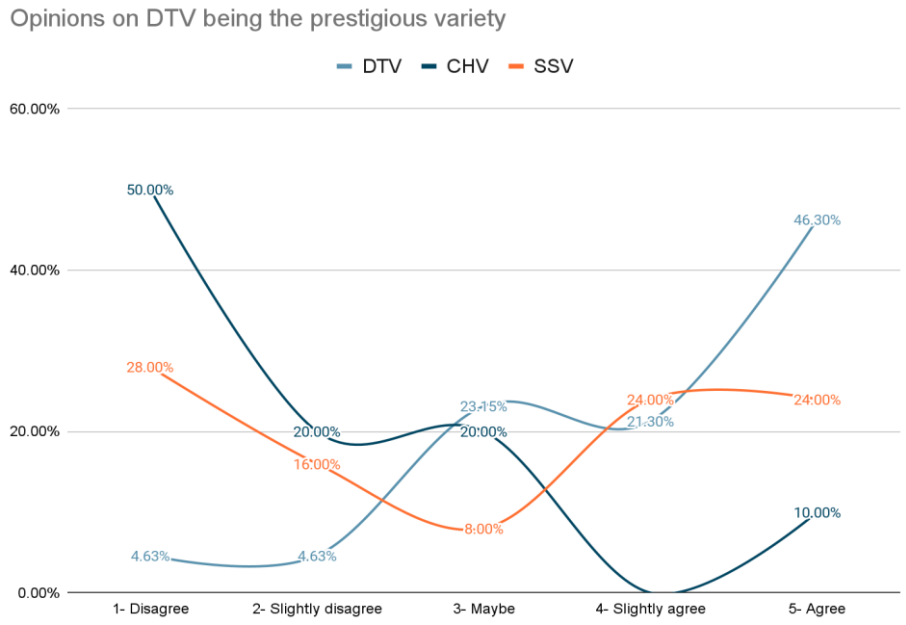

Fig. 9. DTV's prestigious status according to the participants

[26] For example, 'DTV>CHV>SSV' indicates that one prefers DTV over CHV and SSV; SSV is the least favored of the three.

Participants who disagreed with DTV as the prestigious Teochew variety were requested to provide their own responses. The Fucheng[27] variety was mentioned and regarded by some participants to be of high prestige. Participants of CHV and SSV expressed more assertively that their respective varieties should be deemed prestigious; in particular, some contended that SSV held influence, considering the substantial number of its speakers. However, some of DTV participants rejected the concept of prestige, advocating for the equal status and rights of all Teochew varieties.

Table 10

Participants' attitudes toward the three varieties

Participants of	Varieties	1 - negative	2 - Slightly negative	3 - neutral	4 - Slightly positive	5- positive
Downtown	CHV	2 (2%)	3 (3%)	62 (59%)	10 (10%)	27 (26%)
	SSV	2 (2%)	17 (16%)	59 (55%)	9 (8%)	20 (19%)
Chenghai	DTV	0	0	8 (80%)	0	2 (20%)
	SSV	0	4 (40%)	4 (40%)	1 (10%)	1 (10%)
The South Shore	DTV	0	1 (4%)	12 (48%)	4 (16%)	8 (32%)
	CHV	1 (4%)	1 (4%)	15 (60%)	1 (4%)	7 (28%)

Overall, participants held neutral to positive impressions when exposed to different Teochew varieties. In contrast, for sub-communities of Downtown and Chenghai, the data reveal a discernible aversion toward SSV. In addition, using DTV may serve as a viable strategy to prevent eliciting a negative impression from other groups, as DTV received the least negative opinions from other sub-communities. The attitudes of South Shore participants toward DTV and CHV do not show noticeable divergence.

Participants were then prompted to provide stereotyped opinions of the three Teochew varieties and members of other sub-communities (refer to Table 11).

[27] The variety spoken in the city of Chaozhou/Teochew.

Table 11

Participants' opinions and stereotypes[28]

Participants of	Toward others	Stereotypes
Downtown	Chenghai	Gentle, soft-spoken, interesting, cute, mean Soft, high-pitched, pleasant to hear
	The South Shore	Aggressive, harsh, uncouth, loud, rustic, straightforward, rich Falling tone, hard to understand, unpleasant to hear
Chenghai	Downtown	Hooligan, pretentious, snobbish
	The South Shore	Aggressive, countrified, rustic Hard to understand,
The South Shore	Downtown	Energetic, amiable, gentle, urban, friendly Pleasant to hear
	Chenghai	Cute, gentle, Soft, high-pitched

Chenghai individuals were commonly described as 'cute,' 'gentle,' 'interesting,' and 'soft-spoken,' attributed to the perception that CHV is 'high-pitched,' 'soft,' and 'pleasant to hear.' Nevertheless, certain Downtown participants perceived Chenghai people as 'mean.' 'Loud', 'straightforward', 'rustic', 'uncouth', and 'aggressive' are stereotypes of the South Shore people, according to participants from other sub-communities. A notable characteristic of SSV is an abundance of falling intonations, which other participants find it challenging to grasp, describing it as 'weird' and 'unpleasant to hear.' 'Pretentious,' 'snobbish', and 'hooligan' are stereotypes of Downtown individuals perceived by Chenghai people, while according to the South Shore participants, Downtown people are 'urban,' 'gentle,' 'amiable,' and 'energetic.' In summary, Chenghai individuals are associated with largely positive stereotypes, while those of the South Shore people tend to be predominantly negative. On the other hand, participants from Chenghai predominantly offered negative stereotypes of others, whereas those from the South Shore participants typically portrayed individuals in a positive light. Perceptions of Downtown individuals are generally well-balanced, with more negative stereotypes originating from Chenghai participants, while those from the South Shore participants being more favorable.

[28] Words highlighted in red have negative connotations under the original contexts of participants' answers.

4. 4. 3. The behavioral facet

Overall, the prevailing consensus among participants indicates an agreement that Teochew people, sharing a common identity, should predominantly engage in communication with one another using Teochew rather than resorting to PTH. Participants of Downtown and the South Shore demonstrated a marginally stronger inclination toward using Teochew among the Teochew community in comparison to their Chenghai counterparts.

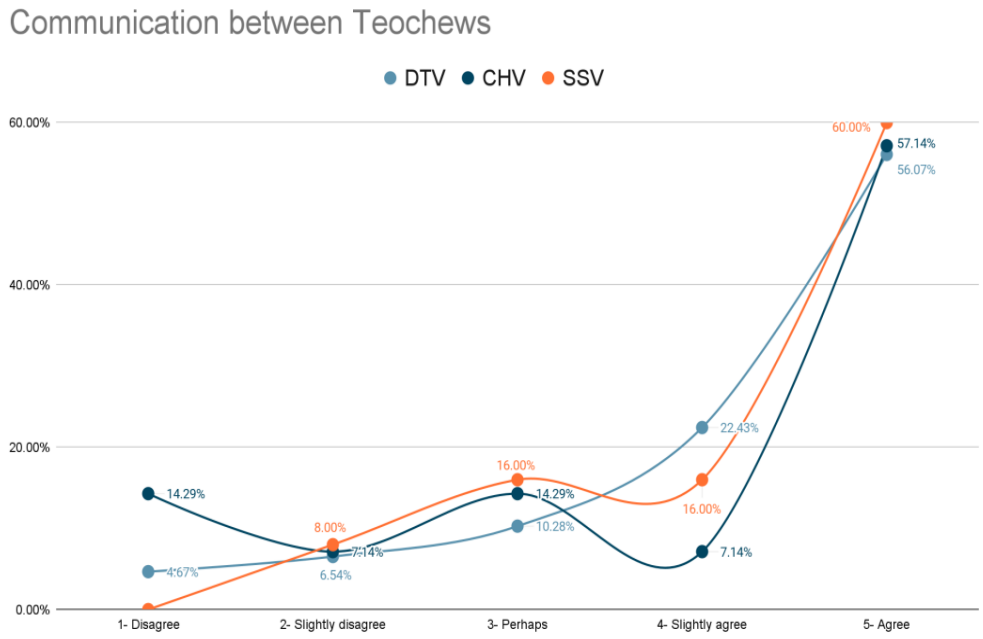

Fig. 10. Opinions on communication primarily in Teochew among Teochew people

Concerning communication among sub-communities, the predominant consensus among participants was to use Teochew; however, the number of DTV and CHV participants holding this opinion witnessed a decline when the need of conversing with SSV speakers emerged. A major proportion of SSV participants held favorable views on sub-communities communication in Teochew, and no noticeable distinction in their attitudes toward communication in Teochew with DTV and CHV speakers was found.

Table 12

Opinions on communication primarily in Teochew among sub-communities

Participants	With sub-communities of	1 - disagree	2 - Slightly disagree	3 - neutral	4 - Slightly agree	5 - agree
Downtown	CHV	7 (7%)	6 (6%)	10 (9%)	22 (20%)	62 (58%)
	SSV	7 (7%)	12 (11%)	15 (14%)	18 (17%)	55 (51%)
Chenghai	DTV	1 (10%)	0	2 (20%)	0	7 (70%)
	SSV	1 (10%)	1 (10%)	5 (50%)	0	3 (30%)
The South Shore	DTV	1 (4%)	1 (4%)	4 (16%)	2 (8%)	17 (68%)
	CHV	1 (4%)	1 (4%)	3 (12%)	2 (8%)	18 (72%)

4. 4. 4. The identity facet

The overwhelming majority of the participants (82.9 %) concurred that the Teochew language served as a symbol of Teochew people, while a smaller percentage (9.6 %) expressed a mild agreement. However, participants held varied viewpoints on whether their sub-community identity should be prioritized over the shared Teochew identity (see Fig. 11). Participants of the South Shore and Downtown exhibited a greater inclination to assert their sub-community identity compared to those of Chenghai.

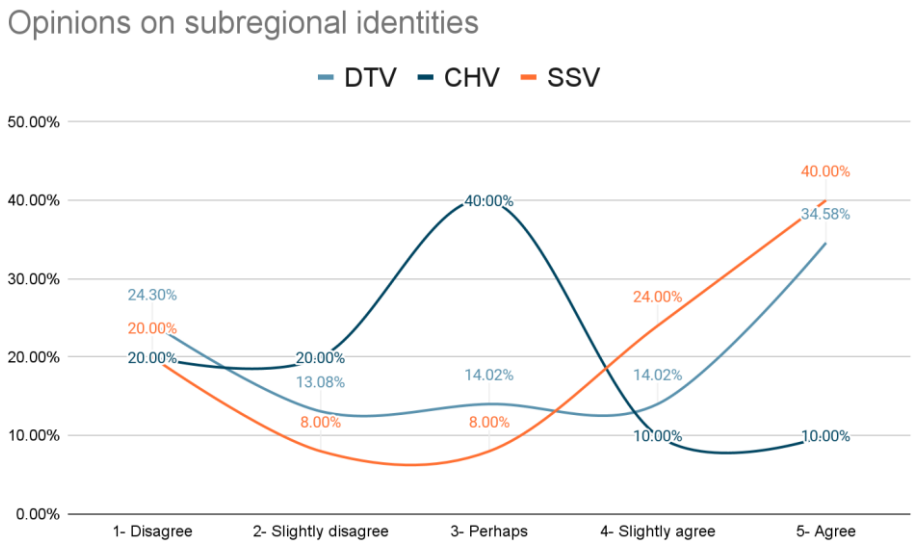

Fig. 11. Participants' opinions on sub-community identity more important than the common Teochew identity

5. Discussion and conclusion

With a particular focus on the city Shantou, the pilot study is devoted to an investigation of the language situation of Chaoshan within the context of sub-communities dynamics. The mutual intelligibility of the three varieties of Teochew, language attitude, language practices, and identity are the main subjects of the study.

Several preliminary issues and findings deserve attention. First of all, the data clearly indicates that the places of origin of the participants do not consistently align with their asserted identities; individuals might have grown up or spent the majority of their childhood in one location but identified as loyal members of another sub-community. Moreover, multidialectal speakers constitute a population that cannot be overlooked particularly in the urban setting of Shantou, if not the entire region. Discrepancies exist between the variety that participants predominantly use and their self-asserted identities, regardless of whether they are monodialectal or multidialectal. Last but not least, the data has highlighted signs of potential conflicts between the sub-communities, particularly the North Shore (Downtown and Chenghai) and South Shore, with the latter being in a disadvantaged position. These issues and findings unveil the intricacies of the language situation in Chaoshan; however, they also offer insights that could inform future research endeavors.

5. 1. Language practices

Among all participants, their language practices predominantly involve Teochew, with the subsequent occurrence of language mixing of Teochew and PTH. Engaging in PTH-only sub-communities communication is notably infrequent in the community. When communicating with SSV speakers, both DTV and CHV sub-communities experience a significant decline in individuals who opt to primarily communicate in Teochew.

Regarding participants' motives for language choices, individuals exhibit a preference for communication in Teochew due to its inherent naturalness and its capacity to foster a sense of connection among community members. Those who resort to PTH communication often cite discomfort with unfamiliar Teochew varieties, encountered communication barriers, and an inability to articulate specific ideas effectively in Teochew.

Domain-wise, the use of Teochew is more prevalent in family and daily life domains compared to its application in school and workplace settings for communication among same Teochew variety speakers. In contrast, communication between sub-communities exhibits a more balanced distribution across the various domains explored in the study.

5. 2. Language attitude and identity

For the affective aspect of language attitude, overall, each of the three sub-communities tends to prioritize their respective variety over the other Teochew varieties. Among them, SSV is commonly regarded by the other groups as the least favored variety.

Regarding the cognitive aspect of language attitude, firstly, Downtown participants predominantly concur that their variety is the prestigious variety of Teochew, a standpoint that faces significant disagreement from the majority of Chenghai participants. Certain members of Chenghai and the South Shore sub-communities attribute prestige to their respective varieties. Additionally, there is acknowledgment of the Fucheng variety as prestigious among some participants. Generally, participants harbor neutral or positive impressions of the Teochew varieties. Nevertheless, a discernible aversion toward SSV speech is evident in the data. Individuals may adopt DTV strategically to mitigate the risk of forming negative impressions among members of other sub-communities. Stereotypes about Chenghai members tend to be predominantly positive, while those about the South Shore population often lean toward negative perceptions. Impressions of Downtown individuals are more evenly distributed, with Chenghai participants expressing more negative stereotypes of them and the South Shore offering more positive views.

Last but not least, for the behavioral facet, overall, the overwhelming majority of participants concur that Teochew people should primarily communicate with one another in Teochew rather than in Standard Mandarin. This is also the case for communication among sub-communities. It is noteworthy, however, that fewer participants of DTV and CHV prefer exclusive Teochew conversations when interacting with speakers of SSV. Moreover, most participants have marked the significance of preserving the dialect by promoting the increased use of Teochew.

It can be asserted that the Teochew language is seen by the people as a symbol of their Teochew identity, which is in accordance with prior research [Huang, Fang, 2021]. Certain members of the sub-communities do exhibit a stronger sub-regional identification than that of the all-embracing Teochew identity. Among the three sub-communities, members of the South Shore display the highest eagerness in asserting their own sub-regional identity.

5. 3. Mutual intelligibility of DTV, CHV, and SSV

Primarily, DTV and CHV exhibit a high degree of mutual intelligibility; but their speakers face increased difficulty in understanding SSV, and this is the case particularly for CHV participants. SSV participants demonstrate a slightly better understanding of DTV compared to CHV. DTV appears to be more easily understood by speakers of CHV and SSV upon first encounters, while SSV proves to be the more challenging for the others to comprehend. Overall, DTV participants better comprehend CHV than

SSV, CHV understand DTV better than SSV, and, SSV speakers understand DTV better than CHV participants. There is a greater challenge for speakers of CHV and SSV to understand each other compared to their understanding of DTV. It can be inferred from the data the degrees of mutual intelligibility among these three varieties. CHV and SSV are close to the two opposite extremes of the dialect continuum, while DTV is situated in the middle, leaning slightly toward where CHV is located.

6. Implications and limitations

This study does not aspire to provide a comprehensive sociolinguistic description of the entire Chaoshan region and is subject to certain limitations. Primarily, the data were collected from specific participants from the major city of Chaoshan: Shantou, and the proportion of participants studied is sub-optimal. Secondly, participants' age range could be expanded to cover individuals over the age of 60 as well as teenagers and children. Moreover, the presence of monodialectal and multidialectal populations complicates and poses challenges to the sociolinguistic research in the region. Ultimately, the data illustrates that individuals from the South Shore, or SSV participants, are prone to encountering less amicable judgments and, at times, subtle forms of discrimination from other sub-communities. The intriguing nature of these phenomena extends to the perspectives held by both the South Shore population and their counterparts of other sub-communities.

It is advisable to conduct future research which includes a broader geographical as well as age range to delve into nuances and either corroborate or challenge the existing findings. Examining the population that speaks multiple Teochew varieties and addressing disadvantaged or targeted sub-communities will provide valuable perspectives for a comprehensive examination of Chaoshan's language situation.

Literature

Agheyisi, R., Fishman, J.A. (1970) Language attitude studies: A brief survey of methodological approaches // Anthropological Linguistics. No. 12 (5). Pp. 137–157.

Bucholtz, M., Hall, K. (2005) Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach // Discourse Studies. No. 7 (4–5). Pp. 585–614.

Chen, F. (2017) Yuedong Minyu qu qingshaonian fangyan nengli diaocha // L. Lin (Eds.), Di shisi jie Min fangyan xueshu lunwen ji.

Chen, H. (2020) Shantou shi shaoer Chaoshan fangyan shiyong xianzhuang diaocha yanjiu. DOI: 10.27424/d.cnki.gxmdu.2020.001675

Cheng, C. (1997) Chaozhou people and Chaozhou culture // American Journal of Chinese Studies. No. 4 (1). Pp. 101–120.

Dweik, B.S., Al-Obaidi, T.A. (2014) Language contact, use and attitudes among the Chaldo-Assyrians of Baghdad, Iraq: A sociolinguistic study // Journal of Advances in Linguistics. No. 3(3). Pp. 219–232.

Dweik, B., Qawar, H. (2015) Language choice and language attitudes in a multilingual Arab Canadian community: Quebec– Canada: A sociolinguistic study // British Journal of English Linguistics. No. 3 (1). Pp. 1–12.

Ferguson, C.A. (1996) Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society. 1959–1994. Oxford University Press.

Fishman, J.A. (1964) Language maintenance and language shift as a field of inquiry: A definition of the field and suggestions for its further development // Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences. No. 2 (9). Pp. 32–70. DOI: 10.1515/ling.1964.2.9.32

Gooskens, C. (2013) Experimental methods for measuring intelligibility of closely related language varieties // The Oxford handbook of sociolinguistics. Pp. 195–213. DOI: 10.1093/ Oxfordhb/9780199744084.013.0010

Haugen, E.I. (1966) Semicommunication: The language gap in Scandinavia // Sociological Inquiry. No. 36 (2). Pp. 280–297.

Huang, Y., Fang, F. (2021) 'I feel a sense of solidarity when speaking Teochew': Unpacking family language planning and sustainable development of Teochew from a multilingual perspective // Journal of Multilingual and Multicultural Development. DOI: 10.1080 /01434632.2021.1974460

Kansakar, T.R., Yadava, Y.P., Chalise, K.P., Prasain, B., Dhakal, D.N., Paudel, K. (2011) A sociolinguistic study of the Baram language // Himalayan Linguistics. No. 10 (1). Pp. 186–225.

Li, X. (1994) Guangdong de fangyan. Guangdong People's Publishing House.

Li, Y. (1986) Chaozhou fangyan yuyin de neibu chabie // Journal of Xiangtan University (Philosophy and Social Sciences). No. 2. Pp. 93–97.

Lin, L. (1994) Shantou hua shou Yueyu de yingxiang jiqi quxiang // Academic Research. No. 6. Pp. 136–139.

Lin, L. (1997) Shantou shi hua zoulun // Shantou University Journal (Humanities Bimonthly). No. 13 (1). Pp. 88–94.

Lin, L. (2005) Yuedong Minyu qu yuyan shenghuo de bianhua ji quxiang // Journal of Guangdong Polytechnic Normal University. No. 1. Pp. 74–78.

Lin, L. (2015) Chaoshan fangyan lishi yanjiu. Jinan University Press.

Lin, L. (2017) 'Chaoren wenhua' yu 'Chaoren' de shenfenrentong // Journal of Hanshan Normal University. No. 38 (1). Pp. 10–19.

Liu, Y., Fang, F. (2022) Chaoshan nianqingren dui Chaoshan fangyan de shiyong, taidu he shenfenrentong yanjiu // Shantou University Journal (humanities & Social Sciences Monthly). No. 38 (2). Pp. 36–45.

Llamas, C., Mullany, L., & Stockwell, P. (Eds.). (2006) The Routledge companion to sociolinguistics. Routledge.

Luuva (2020) Rough division map of Southern Min languages [Infographic]. Wikimedia Commons. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Southern_Min#/media/File:Banlamgu.svg Access date: 20.11.2023

Meyerhoff, M. (2006) Introducing sociolinguistics (1st ed.). Routledge. DOI: 10.4324/9780203966709

Pan, J., Zheng, S. (2010) Yuedong Minnanyu de fenbu ji fangyanpian de huafen // Journal of Taiwanese Languages and Literature. No. 5 (1). Pp. 145–165.

Pauwels, A. (2016) Language maintenance and shift: (Key topics in sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press.

Shao, H., Gan, Y. (2007) Guangdong fangyan yu wenhua tanlun. Sun Yat-sen University Press.

Spolsky, B. (2004) Language policy. Cambridge University Press.

Spolsky, B. (2007) Towards a theory of language policy // Working Papers In Educational Linguistics (Wpel). No. 22 (1), 1.

Xu, X. (2023) Zhongguo duo niandu di shi xingzheng quhua bianjie shuju. Resource and Environmental Science Data Registration and Publishing System.

References

Agheyisi, R., Fishman, J.A. (1970) Language attitude studies: A brief survey of methodological approaches. Anthropological Linguistics. No. 12 (5). Pp. 137–157.

Bucholtz, M., Hall, K. (2005) Identity and interaction: A sociocultural linguistic approach. Discourse Studies. No. 7 (4–5). Pp. 585–614.

Chen, F. (2017) Yuedong Minyu qu qingshaonian fangyan nengli diaocha [A survey on the dialect proficiency of adolescents in the Min-speaking region of eastern Guangdong]. L. Lin (Eds.), Di shisi jie Min fangyan xueshu lunwen ji [The 14th Min Dialect Academic Proceedings]. (In Chin.)

Chen, H. (2020) Shantou shi shaoer Chaoshan fangyan shiyong xianzhuang diaocha yanjiu [An investigation and study on the status quo of Chaoshan dialect usage among children in Shantou city]. [Unpublished master's thesis, Amoy University]. DOI: 10.27424/ d.cnki.gxmdu.2020.001675 (In Chin.)

Cheng, C. (1997) Chaozhou people and Chaozhou culture. American Journal of Chinese Studies. No. 4 (1). Pp. 101–120.

Dweik, B.S., Al-Obaidi, T.A. (2014) Language contact, use and attitudes among the Chaldo-ssyrians of Baghdad, Iraq: A sociolinguistic study. Journal of Advances in Linguistics. No. 3(3). Pp. 219–232.

Dweik, B., Qawar, H. (2015) Language choice and language attitudes in a multilingual Arab Canadian community: Quebec– Canada: A sociolinguistic study. British Journal of English Linguistics. No. 3 (1). Pp. 1–12.

Ferguson, C.A. (1996) Sociolinguistic perspectives: Papers on language in society. 1959–1994. Oxford University Press.

Fishman, J.A. (1964) Language maintenance and language shift as a field of inquiry: A definition of the field and suggestions for its further development. Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences. No. 2 (9). Pp. 32–70. DOI: 10.1515/ling.1964.2.9.32

Gooskens, C. (2013) Experimental methods for measuring intelligibility of closely related language varieties. The Oxford handbook of sociolinguistics. Pp. 195–213. DOI: 10.1093/ Oxfordhb/9780199744084.013.0010

Haugen, E.I. (1966) Semicommunication: The language gap in Scandinavia. Sociological Inquiry. No. 36 (2). Pp. 280–297.

Huang, Y., Fang, F. (2021) 'I feel a sense of solidarity when speaking Teochew': Unpacking family language planning and sustainable development of Teochew from a multilingual perspective. Journal of Multilingual and Multicultural Development. DOI: 10.1080/ 01434632.2021.1974460 (In Chin.)

Kansakar, T.R., Yadava, Y.P., Chalise, K.P., Prasain, B., Dhakal, D.N., Paudel, K. (2011) A sociolinguistic study of the Baram language. Himalayan Linguistics. No. 10 (1). Pp. 186–225.

Li, X. (1994) Guangdong de fangyan [Dialects of Guangdong]. Guangdong People's Publishing House. (In Chin.)

Li, Y. (1986) Chaozhou fangyan yuyin de neibu chabie [Internal differences in the phonology of the Chaozhou dialect]. Journal of Xiangtan University (Philosophy and Social Sciences). No. 2. Pp. 93–97. (In Chin.)

Lin, L. (1994) Shantou hua shou Yueyu de yingxiang jiqi quxiang [The influence of Cantonese on Shantou dialect and its tendency]. Academic Research. No. 6. Pp. 136–139. (In Chin.)

Lin, L. (1997) Shantou shi hua zoulun [Thoughts on Shantou City vernacular of Chaozhou-Shantou subdialect of Southern Fujian dialect]. Shantou University Journal (Humanities Bimonthly). No. 13 (1). Pp. 88–94. (In Chin.)

Lin, L. (2005) Yuedong Minyu qu yuyan shenghuo de bianhua ji quxiang [Evolution of Fujian dialect communities in eastern Guangdong since the 1980's reform]. Journal of Guangdong Polytechnic Normal University. No. 1. Pp. 74–78. (In Chin.)

Lin, L. (2015) Chaoshan fangyan lishi yanjiu [A study of the Chaoshan dialect through time]. Jinan University Press. (In Chin.)

Lin, L. (2017) 'Chaoren wenhua' yu 'Chaoren' de shenfenrentong [On Chaozhouese culture and the identity of Chaozhouese]. Journal of Hanshan Normal University. No. 38 (1). Pp. 10–19. (In Chin.)

Liu, Y., Fang, F. (2022) Chaoshan nianqingren dui Chaoshan fangyan de shiyong, taidu he shenfenrentong yanjiu [An exploration of Chaoshan young people's use, attitudes and identity towards the Chaoshan dialect]. Shantou University Journal (humanities & Social Sciences Monthly*)*. No. 38 (2). Pp. 36–45. (In Chin.)

Llamas, C., Mullany, L., & Stockwell, P. (Eds.). (2006) The Routledge companion to sociolinguistics. Routledge.

Luuva (2020) Rough division map of Southern Min languages [Infographic]. Wikimedia Commons. Available at: https:.en.wikipedia.org/wiki/Southern_Min#/media/File: Banlamgu.svg. Access date: 20.11.2023

Meyerhoff, M. (2006) Introducing sociolinguistics (1st ed.). Routledge. DOI:10.4324/9780203966709

Pan, J., Zheng, S. (2010) Yuedong Minnanyu de fenbu ji fangyanpian de huafen [Redistribution of Southern Min dialect in Eastern Guangdong]. Journal of Taiwanese Languages and Literature. No. 5 (1). Pp. 145–165. (In Chin.)

Pauwels, A. (2016) Language maintenance and shift: (Key topics in sociolinguistics). Cambridge: Cambridge University Press.

Shao, H., Gan, Y. (2007) Guangdong fangyan yu wenhua tanlun [An Exploration of Guangdong Dialects and Culture]. Sun Yat-sen University Press. (In Chin.)

Spolsky, B. (2004) Language policy. Cambridge University Press.

Spolsky, B. (2007) Towards a theory of language policy. Working Papers In Educational Linguistics (Wpel). No. 22 (1), 1.

Xu, X. (2023) Zhongguo duo niandu di shi xingzheng quhua bianjie shuju [China's multi-year prefecture and city administrative division boundary data]. Resource and Environmental Science Data Registration and Publishing System. (In Chin.)

Чжан Цибинь – магистрант, Кафедра лингвистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
Адрес: 105066, Российская Федерация, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4.
Эл. адрес: kbtap666@gmail.com

Qibin Zhang – Master's student, School of Linguistics, National Research University Higher School of Economics, Russia
Адрес: 105066, Russian Federation, Moscow, Staraya Basmannaya St., 21/4.
Эл. адрес: kbtap666@gmail.com

Для цитирования: *Чжан Ц.* Языковая ситуация в сообществе региона Чаошань: Пилотное исследование // Социолингвистика. 2023. №3 (15). № 3 (15). С 98–124. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-98-124

For citation: *Zhang, Q.* Language situation in the Chaoshan community: A pilot study // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 98–124. DOI 10.37892/2713-2951-3-15-98-124

The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 25.11.2023;
accepted for publication 11.12.2023

ЯЗЫКОВОЙ АКТИВИЗМ

LANGUAGE ACTIVISM

УДК 81’282:811.133.1 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-125-133

МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО АКТИВИЗМА ВО ФРАНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АРДЕННСКОГО РЕГИОЛЕКТА)[29]

Татьяна И. Ретинская
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева,
Российская Федерация

В статье, выполненной на материале арденнского регионолекта, представлено описание моделей развития языкового активизма – деятельности, направленной на сохранение и ревитализацию регионального варианта национального языка как «нематериального культурного наследия». Языковые активисты, к которым в первую очередь отнесем лингвистов, лексикографов и журналистов, неотложной задачей считают инвентаризацию всех диалектных лексем. Данный постулат подтверждают и носители обозначенного регионолекта в ходе полевых обследований, в том числе и в дистанционном формате. Отдельное внимание уделено презентации работ, в фокусе которых фиксация арденнизмов как уникальных языковых фактов, транслирующих ключевые сведения о традициях и обычаях регионолектофонов и репрезентирующих их образ жизни и черты характера. Углубленное изучение результатов лексикографирования способствует разработке системы ревитализации анализируемой региональной формы французского языка и веб-картографированию локально ограниченных в употреблении лексических единиц, обладающих высокой жизненной силой. Материалом исследования послужили также регионализмы, введенные в медиатекст посредством доминирующих и факультативных способов актуализации их семантического содержания. Представленные в статье различные регионолектографические проекты могут быть использованы в качестве учебного материала для сбора элементов регионального идиома, анализа художественного и публицистического текстов и организации полевых практик.

Ключевые слова: *языковой активизм, языковой активист, регион Гранд-Эст, департамент Арденны, арденнский регионолект, арденнизмы, регионолектографирование, ревитализация регионального варианта национального языка*

MODELS OF IMPLEMENTING LANGUAGE ACTIVISM IN FRANCE (BASED ON THE ARDENNES REGIOLECT)

Tatiana I. Retinskaya
Orel State University named after I.S. Turgenev,
Russian Federation

[29] В статье представлены промежуточные результаты реализации индивидуального проекта исследования проблем французской регионолектологии, осуществляемого в рамках деятельности Международной научно-исследовательской лаборатории «Проблемы социального и территориального разноречия» Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.

The article, based on the material of the Ardennes regiolect, describes the specifics of linguistic activism – activities aimed at preserving and revitalizing the regional version of the national language as an "intangible cultural heritage". Language activists, who primarily include linguists, lexicographers and journalists, consider an inventory of all dialect lexemes to be an urgent task. The postulate is also confirmed by the speakers of this regiolect during field surveys, including those conducted remotely. Special attention is paid to the presentation of works that focus on the fixation of Ardennisms as unique linguistic facts that convey key information about the traditions and customs of the regiolect's speakers and represent their lifestyle and character traits. An in-depth study of lexicographic results contributes to the development of a system of revitalisation of the analysed regional form of French and web mapping of locally restricted lexical units with high vitality. The research material was also regionalisms introduced into the media text through dominant and optional ways of updating their semantic content. The various regiolectographic projects presented in the article can be used as educational material for collecting elements of regional idioms, analyzing artistic and journalistic texts and organizing field practices.

Keywords: *language activism, language activist, Grand Est region, Ardennes department, Ardennes regiolect, Ardennisms, regiolectography, revitalization of the regional version of the national language*

Посвящается 140-летию со дня рождения Шарля Брюно

1. Введение

В 1953 г. Шарль Брюно (1883–1969) уже высказывал неуверенность в способности арденнского диалекта[30] сохранить свою жизненную силу [Bruneau, 1953]. Своеобразным ответом на пессимистические прогнозы выдающегося французского диалектолога, посвятившего серию работ инвентаризации элементов арденнского узуса, служит словарное издание, в котором в начале XXI в. были зафиксированы региональные лексемы, входящие в активный словарный запас носителя обозначенного регионолекта [Tamine, 2006].

Нельзя не отметить еще одну важную дату, которая соотносится с присвоением региональному варианту национального языка статуса «нематериального культурного наследия» (patrimoine culturel immatériel). Речь идет о круглом столе министров культуры «Нематериальное культурное наследие: зеркало культурного разнообразия» [Déclaration d'Istanbul, 2002], состоявшемся в Стамбуле в сентябре 2002 г. и придавшем новый импульс системному описанию территориальной вариативности французского языка. Так появилась возможность реализовать проект по изданию заключительного тома «Лингвистического и этнографического атласа провинций Шампань и Бри» Анри Бурсело, в котором инвентаризировано 136 карт таких семантических доминант, как «Дикие животные» и «Формы деятельности человека» [Bourcelot, 2012]. Заметим, что каждая из карт содержит регионализмы департамента Арденны региона Гранд-Эст.

[30] Подробнее о современном состоянии анализируемого языкового субстрата см.: [Tamine, 2006; Ретинская, 2016; Ретинская, 2021].

Второе десятилетие XXI в. маркировано значительным количеством работ, в фокусе которых фиксация арденнизмов как уникальных языковых фактов, транслирующих ключевые сведения о традициях и обычаях региолектофонов и репрезентирующих их жизненные ценности и типичные черты характера.

Языковые активисты, к которым в первую очередь отнесем лингвистов, лексикографов и журналистов, первостепенной задачей считают документирование всех диалектных лексем. Данный постулат подтверждают и носители обозначенного региолекта в ходе полевых обследований, в том числе и в дистанционном формате.

2. Материал и методы исследования

Исследование явления языкового активизма осуществлено на основе анализа языкового материала, зарегистрированного и охарактеризованного лексикографами, имеющими возможность непосредственно наблюдать за речевым поведением представителей интересующей нас лингвокультуры и фиксировать живую речь носителей региолекта.

Посредством комплекса регионализмов, являющегося одной из значимых констант французской региональной прессы, и разнообразных приемов инкорпорации и семантизации, декодирующих локальные особенности лексических единиц и отражающих мировоззрение региолектофонов, авторам удается запечатлеть характерные черты языка своих соотечественников и тем самым сохранить лингвистическое наследие.

Эмпирической базой проводимого исследования специфики языкового активизма послужили данные полевого эксперимента. Для сбора эмпирического материала применялись нижеследующие методы полевой работы, в том числе в дистанционной форме: письменное анкетирование, интервьюирование (структурированное интервью, управляемая беседа) и метод «свой от своего».

3. Результаты и обсуждение

Материалом, демонстрирующим результаты работы языковых активистов, служат прежде всего лексикографические труды, в которых зафиксированы регионализмы, свойственные конкретному патуа, или говору отдельного сельского населенного пункта. В качестве примера процитируем словарь Лиз Безем-Пья, посвященный описанию говора родного села автора [Bésème-Pia, 2011]). Данное издание, содержащее более 5500 локально ограниченных в употреблении лексем, снабжено ценной информацией о константах языковой картины мира региолектофонов.

Небезынтересно процитировать еще одну готовящуюся к изданию словарную работу Мишеля Тамина и Жана Клера (1930–2019), в которой будут представлены более 2000 регионализмов, не нашедших своей фиксации в иных региолектографических трудах.

Среди региональных средств массовой информации выделим газету « L'Ardennais » и ее пользующуюся неизменным интересом рубрику « Beuquette ». 30 августа 2023 г. автор Янни Юро и читатели отметили 30-летие популярной серии хроникальных сообщений, в качестве заголовка которой выбрано региональное слово beuquette «овальное окно, находящееся над раковиной, через которое хозяева дома тайком наблюдают за происходящим на улице во время мытья посуды» (beuquette < beuquer 'смотреть украдкой', 'наблюдать', 'следить'). Работа «в поле» свидетельствует о том, что публикации журналиста-областника, служащие средством типизации речи жителей конкретной коммуны или всего департамента Арденны в целом, побуждают языковых активистов продолжать регистрацию локально маркированных лексем, инкорпорированных в медиатекст посредством частотных и спорадических способов текстуальной экспликации, и организовывать мероприятия, способствующие сохранению региолекта, включая фольклорные праздники и конкурсы на знание регионального лексического фонда (подробнее о региональном медиатексте как инструменте ревитализации региолекта см.: [Ретинская, 2019a]).

Не меньшую ценность представляет публикация тематических выпусков журнала « Terres Ardennaises (Revue d'histoire et de géographie locales) ». В первую очередь следует упомянуть номера журнала, посвященные арденнским писателям Жану Рожиссару (2011, № 116), Жюлю Леру (2015, № 131) и языковому активисту Жану Клеру (2019, № 147).

Автором данной статьи также внесена лепта в лексикографирование регионализмов. В 2019 г. опубликован глоссарий, в котором собраны региональные лексемы, инкорпорированные в произведения шампанских и арденнских писателей и журналистов [Ретинская, 2019b]. Региолектографирование осуществлено на основе текстов, изданных пятнадцатью авторами. К этой словарной работе, включающей более 1700 лексических единиц, для уточнения значений которых использованы сводные словари региональных вариантов французского языка, словари шампанского и арденнского региолектов, словари и глоссарии локализмов отдельных населенных пунктов, а также данные лингвистических атласов и этнографических источников, запечатлевших важные историко-культурные сведения, обращаются авторы текстов пьес для постановок спектаклей в местных медиатеках. Так, театральная студия Медиатеки имени Ива Коппенса коммуны Синьи л'Аббеи регулярно реализует проекты по поддержанию регионального идиома.

При этом подчеркнем значимость вклада научных организаций в развитие языкового активизма. Созданный в 1990 г. Институт имени Шарля Брюно играет ведущую роль в публикации редких архивных материалов, способствующих документированию и ревитализации арденнизмов, и проведении научных семинаров, позволяющих систематизировать результаты деятельности представителей языкового сообщества, и мероприятий, приуроченных к памятным и юбилейным датам. Руководителя этого ведущего учреждения департамента Арденны профессора Мишеля Тамина, координирующего системное описание современного состояния арденнского регионолекта, с полным правом следует отнести к в высшей степени результативным языковым активистам.

Отдельного рассмотрения заслуживают результаты опроса информантов о необходимости принятия усилий по ревитализации арденнского регионолекта. Анкетирование было организовано нами в мае–июле 2023 г. в двух форматах. Первый формат предполагал онлайн-взаимодействие. На два ключевых вопроса анкеты (см. рис. 1) ответили 24 респондента. На втором этапе анкетирования был использован неоднократно апробированный метод «свой от своего» (термин А.С. Герда)[31]: по нашей просьбе анкета была передана 33 представителям интересующей нас референтной группы[32]. Итого в сборе социолингвистических данных приняло участие 57 информантов, проживающих в коммунах Лалоб (Lalobbe), Либреси (Librecy), Маранве (Maranwez), Марлемон (Marlemont), Монмейан (Montmeillant), Нузонвиль (Nouzonville), Новьон-Порсьен (Novion-Porcien), Синьи л’Аббеи (Signy l’Abbaye).

1. Est-il nécessaire, selon vous, d’agir pour sauvegarder le parler ardennais en tant que « patrimoine culturel immatériel » ?

2. S’il vous semble capital de revitaliser et promouvoir le parler ardennais, auriez-vous des initiatives à proposer ?

Informations complémentaires vous concernant:
Ville/commune:
Profession/activité:
Âge:
Sexe:

Рис. 1. Анкета, используемая для опроса информантов о необходимости принятия усилий по ревитализации арденнского регионолекта

[31] См., например: [Retinskaya, 2015; Retinskaya, 2023].

[32] Автор выражает слова благодарности Паскалю Резеру, Надин Келлер и Кристиан Бизьо за помощь в проведении работы «в поле».

На первый вопрос анкеты о целесообразности принятия усилий по поддержанию витальной силы арденнского регионолекта дано 100 % положительных ответов. Большинство опрошенных не ограничилось простым утвердительным ответом, а сопроводило его комментарием. Процитируем отдельные предложения регионолектофонов:

1. При проведении исследований и различного рода действий необходимо учитывать (а) фонетические, грамматические и лексические особенности регионализмов конкретных населенных пунктов; (б) постоянную эволюцию региональных лексических единиц.

2. Необходимо продолжать работу по регионолектографированию лексем, по «спасению нашего лингвистического наследия, которое способствует оригинальной оценке окружающей среды и продуктов человеческой деятельности».

3. Постараемся мотивировать старшее поколение передавать языковой опыт молодежи.

Прежде чем перейти к систематизации ответов на второй вопрос анкеты, назовем количество респондентов, принявших участие в скайп-интервьюировании. В июне–июле проведено 9 интервью (5 структурированных интервью, 4 управляемые беседы[33]) с носителями арденнского регионолекта.

Указывая на серьезные, требующие незамедлительного решения проблемы, связанные с витальностью арденнского варианта французского языка, пользователи регионолекта выдвигают следующие инициативы:

1. Необходимо создавать при классических университетах и научных организациях Центры по изучению и сохранению региональных вариантов национального языка.

2. Поддержанию регионального идиома способствует организация цикла теле- и радиопередач о носителях регионолектов на национальном и региональных каналах.

3. Необходимо предлагать начинать факультативное изучение арденнского регионолекта в дошкольных образовательных учреждениях и начальной школе.

4. Необходимо регулярно организовывать конкурс на лучшее художественное произведение писателей-областников.

5. Необходимо организовывать в социальных сетях квесты на знание элементов региональной лингвокультуры.

6. Необходимо ежегодно организовывать День регионолекта.

7. Следует рассмотреть вопрос о возможности веб-картографирования локально ограниченных в употреблении лексических единиц, обладающих высокой жизнеспособностью.

[33] Подробнее об этих методах фиксации полевых данных см. [Ретинская, 2023: 74–76].

Более того, языковые активисты, предлагая эти шаги по сохранению региональных лексем, выступают с рекомендацией представителям архивов, библиотек и медиатек региона Гранд-Эст координировать эти инициативы.

4. Заключение

Подводя итоги анализа инструментов и моделей развития языкового активизма в департаменте Арденны региона Гранд-Эст, необходимо отметить их результативность и целесообразность их применения к региолектам других лингвистических ареалов. Описанный опыт ревитализации арденнского узуса и характеристика специфики вклада языковых активистов в документирование и сохранение жизненной силы обозначенного языкового субстрата могут использоваться как для сопоставления синхронических срезов территориального варианта национального языка, так и для разработки рекомендаций по взаимодействию с региолектофонами, в том числе в ходе полевых экспериментов.

Представленные в статье региолектографические проекты обладают дидактическим потенциалом и могут быть применены в качестве учебного материала для инвентаризации регионализмов, комплексного анализа художественного и публицистического текстов и организации полипарадигмальных полевых исследований.

Высказанные языковыми активистами инициативы, направленные на сохранение и ревитализацию регионального варианта национального языка как «нематериального культурного наследия», вне всякого сомнения, заслуживают тщательного рассмотрения и эффективной реализации.

Литература

Ретинская Т.И. (2016) Региональный вариант французского языка: Определение статуса, классификация функций, семантические доминанты: (На материале шампанского и арденнского регионектов) // Риторика. Лингвистика. Вып. 12. С. 228–238.

Ретинская Т.И. (2019a) Региональный медиатекст как инструмент ревитализации регионекта // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам: Актуальные проблемы и перспективы. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева. С. 207–211.

Ретинская Т.И. (2019b) Глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских авторов. Орёл: Изд-во ОГУ им. И. С. Тургенева. 54 с.

Ретинская Т.И. (2021) Арденнский регионект: Особенности функционирования и оценка витальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 17. Ч. 2. С. 169–183. DOI: 10.30842/alp23065737172169183

Ретинская Т.И. (2023) Французские профессиональные арго: Социолингвистический и функционально-стилистический анализ. 2-е изд., доп. М.: URSS. 288 с.

Bésème-Pia, L. (2011) Patois ardennais. Le parler de mon village. Langre : Éds Dominique Guéniot. 256 p.

Bourcelot, H. (2012) Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages – Activités humaines / Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou,

directrice de recherche honoraire au CNRS. Paris : Éds du CTHS ; Langres : Éds Dominique Guéniot. 368 p.

Bruneau, Ch. (1953) Le français dialectal à la frontière franco-belge // Vie et langage. No. 21. Pp. 549–553.

Déclaration d'Istanbul (2002) IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle ». Istanbul, Turquie, 16–17 septembre 2002. Режим доступа: https://ich.unesco.org/doc/src/00072-FR.pdf Дата обращения: 24.07.2023.

Retinskaya, T. (2015) Argots français de métiers : une étude de terrain // Acta Universytatis Lodziensis. Folia Litteraria Romanica. Pratiques langagières périphériques / A. Woch (éd.). No. 10. Pp. 33–39. DOI: 10.18778/1505-9065.10.05

Retinskaya, T. (2023) « De l'initié à l'initié » : un procédé méthodologique de recueil et d'explication des formes onomastiques // Les noms propres changent de forme et de sens ; parfois même, ils disparaissent : la variation en onomastique / M. Tamine & P. Chareille (éds). Tours : Université de Tours (à paraître).

Tamine, M. (2006) Le parler des Ardennes. Paris : Christine Bonneton Éditeur. 192 p.

References

Retinskaya, T. (2016) Regional'nyj variant frantsuzskogo yazyka: Opredelenie, sovremennoe sostojanie, klassifikatsija funktsij, semanticheskie dominanty: (Na materiale champanskogo i ardennskogo regiolektov) [Regional variant of the French language: The definition of the status, classification of functions, semantic dominants: (On the material of the Champagne and Ardennes regiolects)] // Ritorika. Lingvistika [Rhetoric. Linguistics]. Vol. 12. Pp. 228–238. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2019a) Regional'nyj mediatekst kak instrument revitalizatsii regiolekta [Regional mediatext as a tool of revitalization of the regiolect] // Lingvistika, perevodovedenie i metodika obutchenija inostrannym jazikam: Aktual'nye problemy i perspektivy. Orel: Orel State University Publishing House. Pp. 207–211. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2019b) Glossarij regionalizmov iz proizvedeniy champanskikh i ardennskikh avtorov [Glossary of regionalisms from the works of Champagne and Ardennes authors]. Orel: Orel State University Publishing House. 54 p. (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2021) Ardennskij regiolekt: Osobennosti fuktsionirovanija i otsenka vital'nosti [Ardennes regiolec t: Functioning features and vitality evaluation] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. Vol. 17: 2. Pp. 169–183. DOI: 10.30842/alp2306573717 2169183 (In Russ.)

Retinskaya, T.I. (2023) Frantsuzskie professional'nye argo: Sotsiolingvisticheskij i funktsional'no-stilisticheskij analiz [French professional argot: A sociolinguistic and functional stylistic analysis]: monograph. Ed. 2, add. M.: URSS, 2023. 288 p. (In Russ.)

Bésème-Pia, L. (2011) Patois ardennais. Le parler de mon village. Langres : Éds Dominique Guéniot. 256 p.

Bourcelot, H. (2012) Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. IV. Animaux sauvages – Activités humaines / Édition mise au point par M. Tamine, professeur à l'Université de Reims Champagne-Ardenne avec le concours de M.-R. Simoni-Aurembou, directrice de recherche honoraire au CNRS. Paris : Éds du CTHS ; Langres : Éds Dominique Guéniot. 368 p.

Bruneau, Ch. (1953) Le français dialectal à la frontière franco-belge // Vie et langage. No. 21. Pp. 549–553.

Déclaration d'Istanbul (2002) IIIe Table ronde des ministres de la culture « Le patrimoine culturel immatériel, miroir de la diversité culturelle ». Istanbul, Turquie, 16–17 septembre 2002. Available at: https://ich.unesco.org/doc/src/00072-FR.pdf Access date: 24.07.2023.

Retinskaya, T. (2015) Argots français de métiers : une étude de terrain // Acta Universytatis Lodziensis. Folia Litteraria Romanica. Pratiques langagières périphériques / A. Woch (éd.). No. 10. Pp. 33–39. DOI: 10.18778/1505-9065.10.05 (In Russ.)

Retinskaya, T. (2023) « De l'initié à l'initié » : un procédé méthodologique de recueil et d'explication des formes onomastiques // Les noms propres changent de forme et de sens ; parfois même, ils disparaissent : la variation en onomastique / M. Tamine, P. Chareille (éds). Tours : Université de Tours (à paraître). (In Russ.)

Tamine, M. (2006) Le parler des Ardennes. Paris : Christine Bonneton Éditeur. 192 p.

Ретинская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой романской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Россия
Адрес: 302026, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.
Эл. адрес: tatret@mail.ru

Retinskaya Tatyana Ivanovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head. Department of Romance Philology, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Russia
Address: 302026, Russia, Orel, st. Komsomolskaya, 95.
Email address: tatret@mail.ru

Для цитирования: *Ретинская Т.И.* Модели реализации языкового активизма во Франции (на материале арденнского регионолекта) // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 125–133. DOI:10.37892/2713-2951-3-15-125-133

For citation: *Retinskaya, T.I.* Models of implementing language activism in France (based on the Ardennes regiolect) // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 125–133. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-3-15-125-133

The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 16.10.2023;
accepted for publication 30.11.2023

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-134-146

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ МНОГОЯЗЫЧИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА УЛАН-УДЭ

Вячеслав В. Иванов
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Настоящая статья рассматривает возможности применения анализа языкового ландшафта как инструмента для описания и изучения многоязычия в Республике Бурятия. Отталкиваясь от традиционного понимания языковой ситуации в рассматриваемом регионе как двуязычной, автор вводит тезис о расширении применимости понятия многоязычия к ситуации в Бурятии, а затем описывает различные направления, в исследование которых анализ языкового ландшафта может внести свой вклад, связывает их с тем, что реализовано в предыдущих исследованиях языкового ландшафта столицы Бурятии, и выявляет лакуны, которые могут быть заполнены в дальнейших исследованиях. Рассматриваемые направления включают в себя изучение витальности языков на основании их представленности и функционирования в языковом ландшафте (прежде всего, бурятского языка, являющегося миноритарным в республике при наличии статуса государственного), анализ языковой политики, опирающийся на изучение нормативно-правовых актов и сопоставление их с реальной ситуацией как в республике в целом, так и в конкретном населенном пункте, а также изучение языковых установок и идеологий акторов из числа горожан и владельцев частного бизнеса, участвующих в языковом взаимодействии на территории города, путем проведения с ними полуструктурированных интервью. Завершается статья тезисом о необходимости проведения подобных исследований не только в городе Улан-Удэ, но и в других значимых населенных пунктах Республики Бурятия (городах, районных центрах и курортных локациях), которые представляют большой интерес для сравнительного анализа языкового ландшафта и, как результат, понимания устройства многоязычия в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: *языковой ландшафт, Республика Бурятия, многоязычие, двуязычие, витальность языка, языковая политика, языковые идеологии*

PROSPECTS FOR STUDYING MULTILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF BURYATIA THROUGH THE PRISM OF THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CITY OF ULAN-UDE

Viacheslav V. Ivanov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

This article examines the possibilities of using linguistic landscape analysis as a tool for describing and studying multilingualism in the Republic of Buryatia. Starting from the traditional understanding of the linguistic situation in the region under consideration as bilingual, the author introduces a thesis about expanding the applicability of the concept of multilingualism to the situation in Buryatia, and then describes various directions to which the analysis of the linguistic landscape can

contribute, connects them with what is implemented in previous studies of the linguistic landscape of the capital of Buryatia, and identifies gaps that can be filled in further research. The areas under consideration include the study of the vitality of languages based on their representation and functioning in the linguistic landscape (primarily the Buryat language, which is a minority language in the republic despite having state status), an analysis of language policy based on the study of legal acts and comparing them with reality the situation both in the republic as a whole and in a specific locality, as well as studying the language attitudes and ideologies of actors from among the citizens and businesspersons participating in language interaction in the city, by conducting semi-structured interviews with them. The article ends with a thesis about the need to conduct similar studies not only in the city of Ulan-Ude, but also in other significant settlements of the Republic of Buryatia (cities, regional centers and resort locations), which are of great interest for the comparative analysis of the linguistic landscape and, as a result, understanding multilingual devices in the region under consideration.

Keywords: *linguistic landscape, Republic of Buryatia, multilingualism, bilingualism, language vitality, language policy, language ideologies*

1. Введение

Вопросы многоязычия в национальных республиках в составе Российской Федерации имеют длительную историю изучения, которая насчитывает более ста лет и тесно связана с советской, а затем российской и мировой социолингвистикой. Термин «многоязычие» описывается достаточно простым определением: «использование нескольких языков в пределах определенной социальной общности» [Словарь…, 2006: 132]. В то же время при более детальном рассмотрении оказывается, что такое определение является довольно широким и многогранным, включающим в себя различные особенности данного явления. Соответственно, столь же многогранными и многочисленными являются и методы, с помощью которых исследуется многоязычие. Целью настоящей статьи является описание возможностей применения конкретного метода – анализа языкового ландшафта – для исследования ситуации многоязычия на конкретной территории – в Республике Бурятия на примере ее столицы, города Улан-Удэ.

Традиционно Республика Бурятия не рассматривается как многоязычный регион, а ее столица закономерно не рассматривается как многоязычный город. Представляется, что языковая ситуация в данном регионе состоит из двух компонентов: бурятского и русского языков, что соответствует ситуации двуязычия, под которым подразумевается именно бурятско-русское двуязычие. Особенности его формирования, а также функционирования наиболее активным образом начали рассматриваться во второй половине XX в. (см., напр.: [Дырхеева и др., 1999; Дырхеева, 2002]). Данные исследования проводились в русле социолингвистики и, в частности, были посвящены формированию языковой ситуации в Бурятии. Помимо исследования двуязычия в Бурятии с позиции изучения языковой ситуации, в данной исследовательской области все более значимое место занимают и работы, посвященные субъективным факторам, в частности изучению языковых установок тех или иных групп лиц к

двуязычию в республике. Они позволяют понять причины таких установок, что с практической точки зрения дает возможность принять меры, которые позволят повлиять на изменение наблюдаемой ситуации двуязычия в ту или иную сторону. Так, в работе Г.А. Дырхеевой и Э.В. Хилхановой [2014] рассматриваются языковые установки молодежи Бурятии в отношении к государственным языкам республики и иностранным языкам, в том числе к их преподаванию в системе образования. Другие работы позволяют получить представление о функционировании бурятского языка в Бурятии и его причинах, кроющихся в том числе и на микроуровне (см., напр.: [Дырхеева и др., 2022]). Довольно значимые достижения в изучении бурятско-русского двуязычия в Бурятии были получены и психолингвистикой. Проведенные исследования позволили рассмотреть особенности бурятско-русского двуязычия с точки зрения мозговой деятельности и, в частности, оперирования концептуально-семантическими системами бурятского и русского языков носителями бурятского языка [Дашинимаева, 2008; Дашинимаева и др, 2010]. Более точечные вопросы двуязычия в Бурятии рассматривают детское двуязычие [Бажеева, 2002], анализ которого позволяет понять функционирование двух языков у детей, что в дальнейшем ставит вопросы педагогики в условиях двуязычия [Лопсонова, 2016]. Отдельный интерес представляет рассмотрение конфликтогенного потенциала на материале бурятско-русского двуязычия, чему посвящена работа Д.Ц. Будаевой [2011]. Разумеется, приведенный выше краткий анализ исследования двуязычия ни в коем случае не претендует на полноту, а призван показать некоторые существующие направления исследований двуязычия в Бурятии.

2. Анализ языкового ландшафта как инструмент изучения многоязычия в Республике Бурятия

Рамка исследований языкового ландшафта позволяет в значительной степени расширить понятие многоязычия применительно к ситуации в Республике Бурятия и, в частности, в городе Улан-Удэ. Рассматривая единицы языкового ландшафта столицы республики, представленные в городской среде, можно убедиться в многоязычности ее публичного пространства, что было показано в следующих работах автора: [Иванов, 2019; Иванов, 2020; Иванов, 2021]. Таким образом, именно языковой ландшафт и его анализ позволяют рассматривать языковую ситуацию в городе Улан-Удэ не только как двуязычную, но и как многоязычную.

Языковой ландшафт, определение которого варьируется от исследования к исследованию (об этом см. напр. [Gorter, Cenoz, 2023; Иванов, 2023]), в самых общих чертах можно описать как «сочетание языков, используемых на публичных дорожных знаках, рекламных щитах, знаках с названиями улиц и заведений, вывесках магазинов и государственных учреждений, которое образует языковой ландшафт данной территории, региона или городской агломерации» [Landry,

Bourhis, 1997: 25]. Анализ такого сочетания языков на определенной территории позволяет сделать выводы о «распространенности, витальности, статусе языка, основанной на нем идентичности и мерах по его поддержке» [Marten et al., 2012]. При этом важно учитывать, что языковой ландшафт – это также и «поле языковой политики, маркер присутствия социальных групп в публичном пространстве города, арена борьбы интересов вовлеченных акторов» [Габдрахманова, 2023: 75]. Следовательно, вполне обоснованно можно утверждать, что языковой ландшафт «отражает специфику города и является важным источником для понимания происходящих в нем разнообразных политических, социальных и культурных процессов» [Там же: 76]. Все вышеперечисленное позволяет считать анализ языкового ландшафта комплексным инструментом для исследования конкретной языковой ситуации в конкретной локации, который можно разложить на несколько направлений. Важно отметить, что многие из параметров являются взаимосвязанными и взаимовлияют друг на друга, поэтому рассмотрение их в отдельности представляется довольно непростой задачей. Тем не менее, далее приводится попытка рассмотреть их для лучшего понимания того, как исследования языкового ландшафта могут помочь в изучении языковой ситуации и расширить исследования по многоязычию в Бурятии.

Витальность языков является одним из наиболее очевидных измерений при анализе языкового ландшафта. Надо отметить, что его активные исследования начинались в том числе именно с этой области (см.: [Landry, Bourhis, 1997]). Изучение витальности языка оказывается особенно актуальным при работе с миноритарными коренными языками, носители которых проживают на данной территории, но по тем или иным причинам составляют на ней меньшинство. Конечно, анализ языкового ландшафта в силу своей специфики и ограниченности своего предмета не может дать полноценного представления о витальности языка на территории, однако может показать многие связанные с ней проблемы с другого ракурса. Параметры витальности, которые представляется возможным оценить с помощью анализа языкового ландшафта, включают в себя степень представленности языка и особенности его функционирования. Представленность показывает количественное присутствие языков на разных вывесках, которые могут относиться как к официальным учреждениям, так и к заведениям частного бизнеса и даже отдельным частным лицам (т.н. знаки top-down и bottom-up по классификации [Ben-Rafael et al., 2006: 10]). При этом чем более обширные сферы охватывает язык (например, используется и на вывесках официальных учреждений, и на вывесках самых разнообразных частных заведений), тем больше есть оснований полагать, что он обладает высокой степенью витальности. Сравнение данных о представленности разных языков позволяет предположить, какие из них и в какой степени доминируют в публичном

пространстве, а какие, наборот, оказываются не- или недопредставленными. Другое направление, применяющееся для оценки витальности языка, состоит в анализе его функционирования на перечисленных выше типах единиц языкового ландшафта. Например, частичное использование языка на знаках официальных учреждений, подчиняющихся местному законодательству в области языковой политики, и практически полное его отсутствие в низовых сферах частного бизнеса и взаимодействия простых горожан характерно для языков с низкой витальностью. В данном случае меры языковой политики направлены на поднятие представленности и расширение сфер функционирования языка. Имеет место и обратная ситуация, при которой язык представлен достаточно широко в низовых сферах, а в официальных практически не представлен. Витальность языков, для которых характерна такая ситуация, может быть относительно выше, чем в приведенном ранее случае. Наиболее витальными оказываются те языки, которые используются в самом широком круге сфер как на официальном уровне, так и на низовом. Таким образом, сопоставительная оценка представленности и функционирования языка в рамках анализа языкового ландшафта позволяет внести вклад в изучение витальности рассматриваемого языка.

Другая перспектива, через которую представляется возможным посмотреть на многоязычие, связана с языковой политикой, отражающейся в языковом ландшафте. Связь языковой политики и витальности языка, показанная выше, не случайна: представленность и функционирование языков регламентируется во многом тем, какая языковая политика реализуется на конкретной территории. Прежде всего, в рамках языковой политики важное место занимает статус языка, поскольку с ним связываются дальнейшие меры по формированию корпуса языка и мер, принимаемых в его отношении. В этом случае отправной точкой является анализ законодательства разных уровней (федерального, республиканского, муниципального), связанного с языками. Сопоставление прописанных в законодательстве требований и возможностей для использования языка с реальной ситуацией, наблюдаемой на исследуемой территории, позволит сделать выводы, как именно и насколько последовательно реализуется языковая политика в данном населенном пункте: какие языки поддерживаются наиболее полно, какие частично, а какие и вовсе не получают поддержки со стороны государства. При этом языковая политика в силу своей специфики не может охватить все сферы жизни в равной степени. Так, официальные сферы, напрямую связанные с государством и подчиненные ему, более последовательно соблюдают языковую политику, чем частные учреждения, которые обладают большей свободой в принятии решений относительно выбора языка. Это находит отражение и в языковом ландшафте: знаки официальных учреждений более последовательно дублируют информацию на языках в соответствии с языковым законодательством, чем частные

учреждения. Соответственно, различия, которые прослеживаются между данными сферами, имеют важнейшее значение для анализа многоязычия в языковом ландшафте.

И витальность языка, и языковую политику, отражающуюся на единицах языкового ландшафта, имеет смысл изучать не только на синхронном уровне, но и в исторической перспективе. Так, анализ языкового ландшафта представляется возможным и в сравнительном аспекте, при котором есть возможность сопоставить и сравнить изменения, произошедшие на определенной территории в конкретный промежуток времени. Показательным в данном случае является пример городской поликлиники № 1, вывески которой были заменены приблизительно в 2022 г. (рис. 1, 2).

Рис. 1. Городская поликлиника № 1, взрослое отделение. 2019 г.

Рис. 2. Городская поликлиника № 1, взрослое отделение. 2023 г.

На старом варианте вывески, зафиксированном в 2019 г., на бурятском и русском – государственных языках Республики Бурятия, дублировалось полное название поликлиники, а режим работы был только на русском языке. На новой же вывеске, зафиксированной в 2023 г., полное название все так же представлено на двух языках, однако остальные информационные единицы, такие как режим работы и новые надписи «Служба здоровья» и «Городская поликлиника № 1» над входом, отсутствовавшие на старой вывеске, представлены только на

русском языке. Детальный сравнительный анализ множества подобных случаев, отражающих представленность и функционирование разных языков (не только бурятского), позволит сделать выводы об их витальности и применяемых мерах языковой политики не только в синхронном, но и в диахронном срезе в сравнении с результатами предыдущих исследований.

Анализ языкового ландшафта в предыдущем исследовании [Иванов, 2019] показал некоторые особенности витальности языков и реализуемые в их отношении меры языковой политики. Так, было показано доминирование в визуальной среде города Улан-Удэ трех языков: русского, бурятского и английского. Был сделан вывод, что присутствие государственных языков на официальных знаках отражает официальную языковую политику республики, в то время как появление на них английского языка рассматривается как инициатива властей, направленная на создание условий для туристической деятельности в столице Бурятии. Важные наблюдения были сделаны и в отношении распределения этих языков между собой. Было показано, что русский язык превалирует в обеих группах, а бурятский, обладающий равным с ним статусом, значительно ему уступает как на официальных знаках, так и на частных. Меньшая представленность бурятского языка на официальных знаках может говорить о не до конца последовательных шагах органов власти в установлении языкового паритета государственных языков, в то время как низкая степень присутствия в частных знаках – о недостаточной функциональности бурятского языка в низовых практиках в публичной сфере, подразумевающей общение между незнакомыми людьми. Группа частных знаков показала гораздо большее языковое многообразие, однако вместе с тем подтвердила лидирующую роль трех вышеупомянутых языков.

Поскольку это исследование является одним из первых, анализирующих языковой ландшафт Улан-Удэ, не представлялось возможным охватить все особенности языковой политики в столице Бурятии. За рамками анализа осталась языковая политика в отношении английского и других иностранных языков, которые, собственно, и позволяют говорить не о двуязычности языкового ландшафта Улан-Удэ, а о многоязычности. К тому же, исследование охватило лишь малую часть (центр) от всей территории города и показало реализацию языковой политики только на ней, в то время как остальные части города, представляющие для анализа не меньший интерес, не были рассмотрены в рамках исследования. Не были учтены также программы по сохранению бурятского языка и муниципальные нормативные акты. В программах прописываются меры по обеспечению функционирования бурятского языка как государственного в том числе и в языковом ландшафте, а муниципальные акты закрепляют особенности использования языков на территории города [Баранова и др., 2020: 630]. Анализ этих документов и сравнение их положений с ситуацией в языковом ландшафте позволят также

открыть новые, доселе не изученные особенности функционирования языков в языковом ландшафте столицы Бурятии.

Помимо описанных выше возможностей для изучения витальности языка и языковой политики на рассматриваемой территории, неотъемлемым направлением исследований языкового ландшафта в Бурятии являются вопросы, связывающие присутствие языков в языковом ландшафте с конкретными группами, проживающими на территории. Как писали В.В. Баранова и К.С. Федорова [2017: 116], «анализ языкового ландшафта… – не инструмент собственно обнаружения языков, т.е. констатации существующей языковой ситуации, а способ выявления недопредставленности определенных социальных и/или этнических групп». Это важное заключение позволяет отказаться от допущения, что представленность языков в языковом ландшафте прямо связана с численностью говорящих на них групп. Даже при видимом отсутствии проявлений языков в языковом ландшафте есть вероятность, что они продолжат использоваться в «подполье», скрыто от чужих ушей. Это позволяет заключить, что факторы, влияющие на присутствие и представленность языков в языковом ландшафте, ограничиваются не только демографической мощностью говорящих на них групп, но и другими, менее очевидными субъективными факторами, которые на протяжении долгого времени оказывались вне фокуса внимания исследователей. К ним, в частности, относятся понятия «языкового сознания» и «языковых установок» людей. В этом свете важными видятся наработки и выводы, сделанные Э.В. Хилхановой и соавторами [2016]. В их исследовании эти термины рассматриваются на примере языковых ситуаций в Республике Бурятия и Забайкальском крае, для которых характерен «языковой контакт разномощных языков, как правило, влекущий за собой проблему выбора языка и определенного речевого поведения» [Хилханова и др., 2016: 11]. Рассматривая в таких условиях языковые установки «не только как установки по отношению к языку/вариантам языка, но и к целесообразности его изучения, а также по отношению к его носителям» [Там же, 39] и связывая их с языковым сознанием, авторы выявляют «субъективные внутренние факторы и механизмы, которыми управляются языковые предпочтения и выбор языков в Забайкальском регионе» [Там же, 145].

Осознание роли субъективных факторов позволяет представить еще одну перспективу использования анализа языкового ландшафта в качестве инструмента изучения многоязычия. Она была частично реализована в другом исследовании языкового ландшафта Улан-Удэ [Иванов, 2020], где рассматривались языковые установки и идеологии акторов из числа жителей города к представленному в нем многоязычию. Были проведены полуструктурированные интервью с респондентами-бурятами, в которых выяснялось их восприятие языкового ландшафта города в целом и отдельных представленных в нем языков. Были опрошены две

группы горожан: простые жители и владельцы частного бизнеса. Данное исследование позволило выделить некоторые закономерности: восприятие русского языка в публичной среде как «само собой разумеющегося»; неслучайность использования бурятского языка в заведениях, напрямую связанных с бурятской культурой (кафе, магазины посуды и т.д.); присутствие иностранных языков для привлечения туристов из других стран и т.д.

Безусловно, в целом выводы, полученные в предыдущих работах, позволяют составить представление об устройстве и функционировании многоязычия в языковом ландшафте города Улан-Удэ, однако все так же оставляют простор для дальнейших исследований, которые позволят дать более полное представление о нем. Во-первых, более тщательного анализа требует выяснение языковых установок и идеологий горожан в отношении к многоязычию в языковом ландшафте. В первую очередь расширения требует сама выборка опрашиваемых, которая должна включать не только этнических бурят, но и представителей других этнических групп, в частности русских, проживающих в столице Бурятии. Взгляд с их стороны позволит дополнить представление о языковых идеологиях горожан, что даст возможность для его дальнейшего использования в качестве инструмента реализации языковой политики в республике. Во-вторых, в расширении нуждается и выборка заведений частного бизнеса, которая должна включать не только заведения, связанные с бурятской культурой, но и те, которые позиционируют себя иным образом. Данное расширение позволит выделить различные стратегии для выбора политики заведения в отношении языка у гораздо более широкого списка акторов языкового взаимодействия, отражающегося в многоязычном языковом ландшафте Улан-Удэ. Например, это даст возможность выяснить, возможно ли использовать (и почему) китайский язык там, где присутствуют вывески на китайском языке, монгольский язык в местах с монголоязычными вывесками и т.д. Полученные результаты позволят говорить не только о функционировании этих языков, но и о том, какую цель преследовали акторы, размещающие такие вывески на своих заведениях, и как интерпретируют присутствие данных языков те, на кого направлены эти вывески.

3. Заключение

Итак, обобщая вышеприведенное обсуждение, следует отметить несколько важных выводов. Так, несмотря на то что многие исследования определяют языковую ситуацию в Бурятии как двуязычную, компонентами которой являются бурятский и русский языки, исследования языкового ландшафта города Улан-Удэ дают другую перспективу и постулируют языковую ситуацию гораздо шире, определяя ее как многоязычную, включающую в себя не только бурятский и русский языки, но и английский, китайский, монгольский и д.р. [Иванов,

2020]. Такое расширение позволяет взглянуть на функционирование как доминирующих языков, так и всех остальных, которые в той или иной степени присутствуют в языковом ландшафте города. Спектр таких возможностей достаточно широк: представляется возможным оценить витальность языков на основе их представленности и функционирования в разных частях города, языковую политику в их отношении, отражающуюся в нормативно-правовых актах разных уровней, а также языковые установки и идеологии различных акторов путем проведения глубинных полуструктурированных интервью. При возможности такой анализ должен быть сравнительным и показывать динамику изменений языкового ландшафта во времени.

Исследования, учитывающие все эти факторы, в идеале должны проводиться не только в административном центре региона, но и в других муниципалитетах, из которых в Бурятии, в первую очередь, нужно охватить другие города (Северобайкальск, Бабушкин, Гусиноозерск, Кяхта, Закаменск), а также крупные поселки, зачастую являющиеся административными центрами районов Бурятии (Баргузин, Багдарин, Петропавловка, Сосново-Озерское, Заиграево, Иволгинск, Кабанск, Кижинга, Курумкан, Таксимо, Мухоршибирь, Орлик, Турунтаево, Нижнеангарск, Тарбагатай, Кырен, Хоринск). Кроме того, особый интерес могут представлять и туристические локации, в которые, в частности, входят и курортные поселки Аршан Тункинского района, Горячинск Баргузинского района и др. Сравнительный анализ языкового ландшафта всех указанных локаций с учетом направлений, выделенных в настоящей статье, позволит сделать выводы о степени многоязычия в каждой отдельной локации, а также покажет распространенность и функционирование разных языков в самых разных условиях на территории всей Республики Бурятия.

Литература

Бажеева Т.П. (2002) Социальный и языковой аспекты формирования раннего (детского) бурятско-русского и русско-бурятского двуязычия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН. 150 с.

Баранова В.В., Федорова К.С. (2017) (Не)видимость и (вне)находимость: Трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. Т. 2. № 1. С. 103–121. DOI: 10.17323/usp212017103-121

Баранова В.В., Федорова К.С. (2020) Регулирование языкового ландшафта в российских городах: Многоязычие и неравенство // Журнал исследований социальной политики. № 18 (4). С. 625–640. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640

Будаева Д.Ц. (2011) Двуязычие как важный способ межнациональной консолидации // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. № 6. С. 110–113.

Габдрахманова Г.Ф. (2023) Языковой ландшафт Российского города социогуманитарные подходы изучения // Социологические исследования. № 2. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250021396-8

Дашинимаева П.П. (2008) Бурятский язык: реверсивная стадия билингвизма и методология вопроса в когнитивном аспекте // Вестник Забайкальского государственного университета. № 5. С. 92–97.

Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. (2010) Бурятско-русский билингвизм: Психолингвистический аспект. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН. 165 с.

Дырхеева Г.А. (2002) Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН. 187 с.

Дырхеева Г.А., Бадараев Д.Д., Хилханова Э.В. (2022) Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: Функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации // Научный диалог. № 5. С. 116–135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135

Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. (1999) Бурятский язык: Современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН. 141 с.

Дырхеева Г.А., Хилханова Э.В. (2014) Языковые установки молодежи Бурятии: Система образования. //Сибирский филологический журнал. № 3. С. 218–224.

Иванов В.В. (2019) Языковой ландшафт города Улан-Удэ. Курсовая работа магистра.

Иванов В.В. (2020) Отношение к городскому многоязычию сквозь призму языкового ландшафта Улан-Удэ. Магистерская диссертация. 55 с.

Иванов В.В. (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ // Социолингвистика. № 1 (5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713- 2951-1-5-147-163

Иванов В.В. (2023) Развитие теоретических принципов исследований языкового ландшафта в контексте городского многоязычия // Полилингвиальность и транскультурные практики. Т. 20. № 3. С. 426–435. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-426-435

Лопсонова З.Б. (2016) Национально-русское двуязычие в дошкольных образовательных организациях Республики Бурятия // Педагогическое образование и наука. № 6. С. 78–85.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. 312 с.

Хилханова Э.В., Дырхеева Г.А., Любимова Л.М., Сундуева Д.Б. (2016) Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России: (На примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука-Восточная литература. 174 с.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // International Journal of Multilingualism. Vol. 3. Pp. 7–30. DOI 10.1080/14790710608668383

Gorter, D., Cenoz, J. (2023) A Panorama of Linguistic Landscape Studies. Bristol; Jackson: Multilingual Matters. 452 p. DOI 10.21832/GORTER7144

Landry, R., Bourhis, R.Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // Journal of language and social psychology. Vol. 16. No. 1. Pp. 23–49. DOI 10.1177/0261927X970161002

Marten, H.F., Van Mensel, L., Gorter, D. (2012) Studying minority languages in the linguistic landscape. Minority languages in the linguistic landscape. Pp. 1–15. DOI 10.1057/9780230360235

References

Bazheyeva, T.P. (2002) Sotsial'nyy i yazykovoy aspekty formirovaniya rannego (detskogo) buryatsko-russkogo i russko-buryatskogo dvuyazychiya [Social and linguistic aspects of the formation of early (children’s) Buryat-Russian and Russian-Buryat bilingualism]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 150 p. (In Russ.)

Baranova, V.V., Fedorova, K.S. (2017) (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': Trudovyye migranty i yazykovoy landshaft Sankt-Peterburga [(In)visibility and (out)findability: Labor migrants and the linguistic landscape of St. Petersburg]. Gorodskiye issledovaniya i praktiki. Vol. 2. No. 1. Pp. 103–121. DOI: 10.17323.usp212017103-121 (In Russ.)

Baranova, V.V., Fedorova, K.S. (2020) Regulirovaniye yazykovogo landshafta v rossiyskikh gorodakh: Mnogoyazychiye i neravenstvo [Regulating the linguistic landscape in Russian cities: Multilingualism and inequality]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. No. 18 (4). Pp. 625–640. (In Russ.) DOI: 10.17323.727-0634-2020-18-4-625-640

Budayeva, D.Ts. (2011) Dvuyazychiye kak vazhnyy sposob mezhnatsional'noy konsolidatsii [Bilingualism as an important way of interethnic consolidation]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. No. 6. Pp. 110–113. (In Russ.)

Gabdrakhmanova, G.F. (2023) Yazykovoy landshaft Rossiyskogo goroda sotsiogumanitarnyye podkhody izucheniya [The linguistic landscape of the Russian city, socio-humanitarian approaches to studying]. Sotsiologicheskiye issledovaniya. No. 2. Pp. 72–82. DOI: 10.31857.S013216250021396-8 (In Russ.)

Darbeyeva, A.A. (1972) Dvuyazychiye v izolirovannykh yazykakh i dialektakh [Bilingualism in isolated languages and dialects]. Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya. Pp. 191–197. (In Russ.)

Darbeyeva, A.A. (1978) Vliyaniye dvuyazychiya na razvitiye izolirovannogo dialekta: Na materiale mongol'skikh yazykov [The influence of bilingualism on the development of an isolated dialect: On the material of Mongolian languages]. M.: Nauka. 210 p. (In Russ.)

Dashinimayeva, P.P. (2008) Buryatskiy yazyk: Reversivnaya stadiya bilingvizma i metodologiya voprosa v kognitivnom aspekte [Buryat language: Reverse stage of bilingualism and methodology of the issue in the cognitive aspect]. Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta. No. 5. Pp. 92–97. (In Russ.)

Dashinimayeva, P.P., Dyrkheyeva, G.A., Zhalsanova, Zh.B., Khilkhanova, E.V. (2010) Buryatsko-russkiy bilingvizm: Psikholingvisticheskiy aspect [Buryat-Russian bilingualism: psycholinguistic aspect]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 165 p. (In Russ.)

Dyrkheyeva, G.A. (2002) Buryatskiy yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: Problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya [Buryat language in conditions of bilingualism: problems of functioning and development prospects]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 187 p. (In Russ.)

Dyrkheyeva, G.A., Badarayev, D.D., Khilkhanova, E.V. (2022) Buryatskiy yazyk v polietnichnoy Buryatii: Funktsional'naya distributsiya, yazykovaya kompetentsiya, motivatsii [Buryat language in multi-ethnic Buryatia: Functional distribution, linguistic competence, motivation]. Nauchnyy dialog. No. 5. Pp. 116–135. DOI: 10.24224.2227-1295-2022-11-5-116-135 (In Russ.)

Dyrkheyeva, G.A., Budayev, B.Zh., Bazheyeva, T.P. (1999) Buryatskiy yazyk: Sovremennoye sostoyaniye: (Sotsiolingvisticheskiy aspekt) [Buryat language: Current state: (Sociolinguistic aspect)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN. 141 p. (In Russ.)

Dyrkheyeva, G.A., Khilkhanova, E.V. (2014) Yazykovyye ustanovki molodezhi Buryatii: Sistema obrazovaniya [Language attitudes of the youth of Buryatia: Education system]. Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. No. 3. Pp. 218–224. (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2019) Yazykovoy landshaft goroda Ulan-Ude [Linguistic landscape of the city of Ulan-Ude]. Kursovaya rabota magistra. (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2020) Otnosheniye k gorodskomu mnogoyazychiyu skvoz' prizmu yazykovogo landshafta Ulan-Ude [Attitude to urban multilingualism through the prism of the linguistic landscape of Ulan-Ude]. Magisterskaya dissertatsiya. 55 p. (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2021) Buryatskiy yazyk v yazykovom landshafte i yazykovykh praktikakh v gorode Ulan-Ude [Buryat language in the linguistic landscape and language practices in the city of Ulan-Ude]. Sotsiolingvistika. No. 1 (5). Pp. 147–163. DOI: 10.37892.2713-2951-1-5-147-163 (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2023) Razvitiye teoreticheskikh printsipov issledovaniy yazykovogo landshafta v kontekste gorodskogo mnogoyazychiya [Development of theoretical principles for linguistic landscape research in the context of urban multilingualism]. Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki. Vol. 20. No. 3. Pp. 426–435. DOI: 10.22363.2618-897X-2023-20-3-426-435 (In Russ.)

Lopsonova, Z.B. (2016) Natsional'no-russkoye dvuyazychiye v doshkol'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh Respubliki Buryatiya [National-Russian bilingualism in preschool educational organizations of the Republic of Buryatia]. Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka. No. 6. Pp. 78–85. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Glossary of Sociolinguistic Terms] (2006). Ed. V.Yu. Mikhal'chenko. M.: Institut yazykoznaniya RAN. 312 p.

Khilkhanova, E.V., Dyrkheyeva, G.A., Lyubimova, L.M., Sunduyeva, D.B. (2016) Yazykovoye soznaniye i yazykovyye ustanovki zhiteley prigranichnykh rayonov vostoka Rossii: (Na primere Respubliki Buryatia i Zabaykal'skogo kraja) [Linguistic consciousness and language attitudes of residents of the border regions of eastern Russia: (Using the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory)]. M.: Nauka-Vostochnaja literatura. 174 p.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. International Journal of Multilingualism. Vol. 3. Pp. 7–30. DOI 10.1080.14790710608668383

Gorter, D., Cenoz, J. (2023) A Panorama of Linguistic Landscape Studies. Bristol; Jackson: Multilingual Matters. 452 p. DOI 10.21832.GORTER7144

Landry, R., Bourhis, R.Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study. Journal of language and social psychology. Vol. 16. No. 1. Pp. 23–49. DOI 10.1177.0261927X970161002

Marten, H.F., Van Mensel, L., Gorter, D. (2012) Studying minority languages in the linguistic landscape. Minority languages in the linguistic landscape. Pp. 1–15. DOI 10.1057.9780230360235

Иванов Вячеслав Валерьевич – аспирант Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Россия.
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Ivanov Viacheslav Valerjevich – post-graduate student at the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the RAS, Russia.
Address: 125009 Russian Federation, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1/1.
Email address: vvivanov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Иванов В.В.* Перспективы изучения многоязычия в Республике Бурятия сквозь призму языкового ландшафта города Улан-Удэ // Социолингвистика. № 3 (15). С. 134–146. DOI:10.37892/2713-2951-3-15-134-146

For citation: *Ivanov, V.V.* Prospects for studying multilingualism in the Republic of Buryatia through the prism of the linguistic landscape of the city of Ulan-Ude // Sociolinguistics. No. 3 (15). Pp. 134–146. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-3-15-134-146

The article was submitted 08.09.2023;
approved after reviewing 10.10.2023;
accepted for publication 26.11.2023

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-147-170

ЗАИМСТВОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЕ

LANGUAGE BORROWING

Заимствование языковое – иноязычная лексическая единица или другой элемент чужого языка (словообразовательная морфема, синтаксическая конструкция, фразеологический оборот), перенесенные из одного языка в другой в результате языковых и культурных взаимосвязей, вошедшие в систему заимствующего языка или употребляемые в речи принимающего языка, для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначения ранее неизвестных предметов и явлений, которые нередко становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова или другие элементы языка.

Наиболее частым и типичным видом языкового заимствования является лексическое заимствование, заимствование слов, преимущественно имен существительных, из разных языков мира (*портфель* из фр., *бизнес* из англ., *вундеркинд* из нем., *ария* из ит., *пончик* из польск., *робот* из чешск., *борщ* из укр., *тамада* из груз., *сауна* из фин., *акула* из исланд., *адмирал* из араб., *казан* из тюрк., *шахматы* из перс., *телега* из монг., *сари* из хинди, *ушу* из кит., *сакура* из яп., *орангутанг* из малайск. и др.), которые наилучшим образом представляют концептуальную картину мира других народов.

Реже могут заимствоваться словообразовательные морфемы – приставки: *а-* (*аполитичный*), *анти-* (*антигены*), *архи-* (*архиважный*), *гипер-* (*гиперактивность*), *де-* (*деградация*), *контр-* (*контратака*), *пан-* (*пантеон*), *супер-* (*супергерой*), *транс-* (*трансатлантический*), *ультра-* (*ультрамарин*) и др.; суффиксы: *-изм-* (*коллективизм*), *-ист-* (*танкист*), *-аж-/-яж-* (*пилотаж, макияж*), *-ант-* (*музыкант*), *-ер-* (*менеджер*), *-инг-* (*маркетинг*) и др., которые входя в принимающий язык в составе слов, накапливаясь в заимствующем языке, адаптируясь в русском языке, могут становиться частью словообразовательной системы заимствующего языка и образовывать новые слова на почве языка-реципиента, например, приставки *анти-, архи-, контр-, пан-*, суффиксы *-изм-*, *-ист-* и др. (*антинародный, архиопасный, контрудар, панславизм, ультразвук* и под.). В редких случаях может происходить и заимствование фонем, например, фонема [ф] в русском языке была заимствована из греческого языка (в составе заимствованых слов *анафема, фонарь* и др.).

Заимствование звуков и словообразовательных морфем из других языков происходит в результате их вторичного выделения из большого числа заимствованных слов.

Иноязычные синтаксические конструкции и фразеологические единицы тоже могут заимствоваться из разных языков или создаваться по иноязычным образцам или моделям, например: *веселая мина при плохой игре, проглотить пилюлю* (из фр.); *так вот где собака зарыта* (из нем.); *синий чулок* (из англ.); *соль земли, исчадие ада, притча во языцех* (из старослав.); *терра инкогнита* (из лат.), *alma mater* 'университет' и *modus vivendi* 'образ жизни' (из лат.).

Причины языковых заимствований

Причины языковых заимствований могут быть экстралингвистическими (внешними) и внутрилингвистическими (внутренними).

Основные *внешние причины* заимствования следующие: исторические контакты народов, их языков и культур; тесные политические, торгово-экономические, культурные, научные и другие связи между разными странами и народами; необходимость номинации новых предметов и понятий, отсутствующих в своей культуре и языке; потребность в специализации наименований, особенно заимствованных научных и технических терминов, отличающихся по своему содержанию от близких им исконных синонимичных слов; новаторство нации в какой-либо отдельной сфере деятельности; потребность передать через национальные заимствования национально маркированные образы жизни другого народа, которые не просто отсутствуют в принимающем языке, а обладают концептуальной характеристикой и крайне важны для понимания менталитета другого народа, передаеющего свои слова в язык-приемник как маркеры своей культуры, т.е. как культурные концепты; языковой снобизм, языковой вкус, языковая мода; стремление к повышению статуса называемого объекта в связи с большей социальной престижностью иноязычного слова, чем исконного наименования; экономия языковых средств; авторитетность языка-источника; исторически обусловленное увеличение определенных социальных слоев, принимающих новое слово.

Самым важным доводом в пользу заимствования иноязычных элементов является осознание того, что другой язык может стать источником приобретения ценностной информации, новейших научно-технических и культурных достижений, расширения познаний о жизни народов мира и стиля их жизни.

К основным *внутренним причинам* относится прежде всего стремление носителей языка пополнить, углубить и расширить представление о предмете. В результате этого стремления многие слова приобретают многозначность, и в свою очередь «значение, выражаемое русским

словом, может “расщепиться” на два, и одно из них получает иноязычную *номинацию*, например: “страх” – “паника”, “уют” – “комфорт”, “рассказ” – “репортаж”, “сообщение” – “информация” и т.п. (вторые члены приведеных пар - заимствования)» [Крысин, 2020: 183]. Заимствованное слово в каждой паре углубляет и уточняет представление о предмете: *репортаж* (фр.) – это не просто изложение каких-то событий, а сообщение о событиях дня в печати, по радио, телевидению.

К внутренним причинам также относят замену распространенного наименования нераспространенным, описательного наименования однословным, буквенной аббревиатуры обычным словом, например: *автотрасса* вместо *автомобильная дорога; сейф* вместо *несгораемый шкаф; бартер* вместо *товарный обмен произведенной продукцией без участия денег; топоним* вместо *географическое название*; *компьютер* вместо *электронно-вычислительная машина*; тот же *компьютер* вместо *ЭВМ* и т.п.

Еще одна внутренняя причина заимствования слов из «чужого» языка связана со стремлением носителей языка пополнить, углубить и расширить представление о предмете. При вхождении в систему принимающего языка заимствование вступает в определенные отношения с исконными словами, при этом оно может оказаться синонимом исконного слова (искон. *свидание* – заимст. *рандеву*), а это в свою очередь дает возможность в образовавшемся ряду синонимов дифференцировать их денотативные или коннотативные значения. Вот как описывает синонимические отношения исконных японских слов и их китайских и американских синонимов в японском языке академик В.М. Алпатов: «Безусловно, в любом языке есть синонимия. При этом конкуренция синонимов – один из основных видов конкуренции в языке; эта конкуренция обычно приводит либо к исчезновению или уходу на периферию части синонимов, либо к дифференциации синонимов по значению. Одна из главных причин появления синонимов – заимствование лексических единиц, передающих значения, для номинации которых в языке уже есть какие-то средства (или, наоборот, придумывается исконный эквивалент для уже имеющегося заимствования, ср. *хавбек* и *полузащитник, геликоптер* и *вертолет).*

Японский язык обычно оценивают как язык с развитой синонимией, которая в целом устойчиво сохраняется, и наличие синонимов тесно связано с происхождением лексем. Причины этого видят в наличии трех лексических подсистем: исконной лексики *(ваго,* то есть “японские слова”), китаизмов (*канго* “китайские слова”) и слов, взятых из западных языков, преимущественно английского *(гайрайго,* то есть “слова, пришедшие извне”, или, как стали говорить в последнее время, *катаканаго* “слова, пишущиеся азбукой *катакана*”)» [Алпатов, 2023: 57]. Далее автор говорит о том, что в японском языке имеется много пар сходных по

значению *ваго* и *канго* (искон. яп. и заимств. кит.) или *ваго* и *гайрайго* (искон. яп. и заимств. амер.). Однако даже при однотипном значении замена одного слова класса ваго на другое слово класса канго или гайрайго чаще всего невозможна в связи со стилистическими факторами. «Распространению гайрайго помогает влияние американской массовой культуры и глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения - с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту [Sotoyama, 1993: 50]. Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь [Shibata, 1993: 20]. Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным [Stanlaw, 2004: 268-269]» [Алпатов, 2023: 44–45]. Американизмы класса гайрайго, конкурируя с исконным синонимом класса ваго или китайским синонимом класса канго, как более современные, престижные и перспективные, чаще всего вытесняют из употребления эти старые, ранее образовавшиеся синонимы. Таким образом, при вхождении нового иноязычного слова в качестве синонима к уже существующим в языке словам между этими синонимами происходит разграничение значений и наблюдаются сдвиги в исходной семантике.

В зависимости от языка, из которого было заимствовано слово, такие заимствованные слова называют «грецизмы», «латинизмы», «арабизмы», «англицизмы», «американизмы», «германизмы», «испанизмы», «русизмы», «полонизмы», «украинизмы», «цыганизмы» и т.п. В некоторых случаях название заимствования может не совпадать с названием языка: например, заимствования из чешского языка называются «богемизмами», из французского – «галлицизмами», из древнееврейского языка – «гебраизмами». Название заимствований может охватывать группу родственных языков – «славянизмы», «скандинавизмы», «балтизмы», «тюркизмы», «монголизмы» и т.д.

История и этапы заимствования слов

Взаимопроникновение лексики особенно характерно для языков народов, которые на протяжении веков соседствовали и постоянно контактировали друг с другом. Оно происходит в языках с древних времен и продолжается до наших дней. В процессе освоения в языке-приемнике большая часть заимствованных слов подвергается влиянию заимствующего языка. Они проходят длительную адаптацию, приспособление к системе языка-реципиента, с ними происходят необходимые фонетические, графические, грамматические, семантические, лексические изменения. Вследствие этого заимствования зачастую довольно значительно преобразуются, особенно если проходят через посредство ряда других языков, каждый из которых, приспосабливая заимствования к своей системе, накладывает на них свой отпечаток,

из-за чего исконный вид таких слов утрачивается и узнается с трудом. Попадая в принимающий язык, заимствования осваиваются им поэтапно: проходят стадии слабо ассимилированных элементов чужого языка (*иноязычных вкраплений*), частично ассимилированных (*варваризмов)*, значительно ассимилированных, но все же сохраняющих черты своей иноязычности (*иностранных слов*) вплоть до полностью освоенных, иноязычное происхождение которых устанавливается лишь с помощью этимологического анализа (*этимологических и общеупотребительных заимствований*). Это, например, старые заимствования из французского языка: *портфель, патруль, сюрприз*; из немецкого языка: *офицер, картофель, кружка, тарелка*; старые тюркизмы в русском языке: *стакан, товар, карандаш, лошадь* и др. На первичном этапе освоения лексических заимствований часто встречается графемно-фонетическое варьирование внешнего облика заимствуемого слова, когда при сохранении одного значения имеются две и более различные формы (например, *денди – дэнди, фунчоза – фунчёза, алыча – алча – альча – алача* и др.). В дальнейшем дублетные формы либо утрачиваются, остается одна форма слова, или эти формы дифференцируются по значению, стилистической окраске и т.п. Постепенно заимствованные слова, ассимилированные заимствующим языком на всех уровнях языка, входят в состав общеупотребительных слов, уже не воспринимаются носителями языка как чужеродные, иноязычные и становятся неотъемлемой частью лексики яыка-реципиента. Заимствования занимают значительное место в лексике многих языков.

На протяжении всей истории развития русского языка начиная с праславянского периода осуществлялись политические, торгово-экономические, научные, культурные и другие контакты народов и происходили процессы заимствования иноязычной лексики русским языком. В результате взаимодействия культуры и языка русского народа с культурами и языками других народов, языки и культуры которых при всем их различии и расхождении во многом тесно переплелись, в русский лексикон в разные эпохи вошло достаточно большое количество иноязычных заимствований, которые «прижились» в языке и в русском сознании, осели в русском словаре. О таких этнокультурных и языковых схождениях еще в начале XX в. писал в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Н.С. Трубецкой: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то, что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [Трубецкой, 1999]. Многие иноязычные слова, заимствованные русским языком в далеком прошлом, настолько им освоены и усвоены, что их происхождение можно определить только с помощью этимологического анализа.

В ранние периоды развития русского языка с VII–XII вв. и до XIV–XVIII вв. в русский язык пришли заимствования из финно-угорских языков (названия рыб: *камбала, корюшка, мойва, салака, хариус*; морских животных: *морж, нерпа*, названия жилищ, построек, географических названий, кушаний: *мыза, рига, сауна, чум; тундра, пурга; пельмени, шаньга* и др.); из германских (скандинавских) языков (*кнут, сельдь, шёлк, ящик, варяг, стяг, витязь, ларь, пуд, скала, ябеда* и др., а также название государства *Русь*). В эпоху христианизации русский язык активно пополнился заимствованиями из греческого языка (научные термины: *математика, философия, история, грамматика*; названия предметов быта и пищи: *известь, сахар, скамья, тетрадь, фонарь*; наименования растений и животных: *буйвол, фасоль, свёкла*; религиозные термины: *анафема, ангел, епископ, демон, икона, монах, монастырь, лампада, пономарь* и др.) и старо/церковнославянского (церковные термины: *священник, крест, жезл, жертва* и др.; слова, обозначающие абстрактные понятия: *власть, благодать, согласие, бессилие, блуждание, добродетель* и др.; бытовые понятия с книжной, возвышенной окраской: *ланиты, перси, уста, перст, око, врата, младой, нетленный, сладостный* и др.) языков.

Старославянский язык с IX в. использовался в качестве литературного письменного языка для перевода греческих богослужебных книг и внедрения христианской религии, он сыграл значительную роль в последующем становлении и развитии русского литературного языка. Многие же греческие слова, получившие позднее статус интернациональных, попали в русский язык через западноевропейские языки. В русском языке есть слова, заимствованные из иврита и древнееврейского языка (*аминь, бальзам, бегемот, кагал, кадка, маца, Пасха, пита, сатана, сачок, суббота, тмин, тора, хала, херувим* и др.).

Начиная с VIII–XII вв. большое количество заимствований поступило в русский язык из тюркских языков, с которыми русский язык имел многовековые контакты (*товар, сундук, лошадь, карандаш, стакан, жемчуг, шатер, кибитка, юрта, джигит, сабантуй, караул* и др.). Многие арабские слова вошли в русский язык через тюркские языки или через другие европейские языки (*алгебра, алкоголь, алхимия, гарем, Коран, кофе, магазин, матрац, тариф, фата, халва, цифрал*). В XVI–XVIII в. русский язык пополнился заимствованиями из польского языка (*вензель, дозволить, забияка, клянчить, мещанин, повидло, пончик, поручик, фигляр, хлопец, маляр, малевать, разруха*, союз *если* и др.), который часто выполнял и роль языка-посредника в передаче иноязычных заимствований в русский язык. Через польский язык в русский вошло много заимствованных слов из других языков, прежде всего из латинского и немецкого, а также много интернациональных слов греко-латинского происхождения (*бутылка, гонор, кухня, музыка, муштровать, почта, рисунок, рынок, рыцарь, танец, шкодливый, шляхта, шпик, штука, штык, шулер* и др.).

Русским языком были заимствованы и слова из языков Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии – японского, китайского, корейского, вьетнамского, но они немногочисленны: из японского – *айкидо, банзай, гейша, дзюдо, иваси, икебана, кабуки, караоке, карате, кимоно, оригами, саке, сакура, самурой, соя* (через англ.)*, суши, хокку, хайку, цунами* и др.; из китайского – *байховый, женьшень, кетчуп* (через англ. и малайск.), *тайфун* (через англ.), *ушу, фанза, фунчоза* (через дунг.), *фэншуй, чай* (через тюрк.), *чау-чау, чесуча, инь, ян* и др.; из корейского – *доширак, тхэквондо, ханбок, чучхе* и др.; из вьетнамского– *донг*, *минтай, нэм, фо* и др.

В эпоху Петровских реформ (так называемого времени «лексического взрыва») и дальнейшей научно-преобразовательской деятельности М.В. Ломоносова в процессе европеизации русского языка в XVIII–XX вв. происходят активные процессы заимствования лексики из западноевропейских языков – немецкого, французского, английского, голландского, польского, в XVIII–XIX вв. – особенно из французского языка, который являлся официальным языком придворно-аристократических кругов, языком светских дворянских салонов, и немецкого языка: *вуаль, шиньон, тротуар, ресторан, пляж, массаж, режиссёр, люстра, абажур, дебют, суп, режиссер, абрикос* и др. (из фр..); *бухгалтер, шпроты, штатив, шприц, мольберт, бутерброд, галстук, верстак, ранец, шахта, абзац, перламутр* и др. (из нем.); *балласт, буер, ватерпас, верфь, гавань, дрейф, лавировать, лоцман, матрос, рея, руль, флаг, флот, штурман, конфорка (комфорка)* и др. (из голл. [нидерл.]); *серенада, вилла, грация, конфета, мафия* и др. (из ит.); *армада, болеро, гитара, камарилья, карамель, коррида, мантилья, ранчо, саванна, сеньор, силос, табак, танго, хунта, эмбарго* и др. (из исп.) и др. Значительно обогатился русский язык и за счет английского языка, в русский язык органично вошли такие английские заимствования, как *волейбол, спорт, матч, вокзал, трамвай, баржа, бот, бриг, мичман, шхуна, катер, пиджак, колледж, митинг, клоун, клумба, кекс, пудинг* и мн. др.

С начала XX в. в русском языке активизировались процессы заимствования лексики из английского языка, а в конце XX – начале XXI в. в период глобализации, возрастающего научно-технического прогресса, стремительного развития компьютеризации и цифровых технологий, существенных изменений в политике, экономике и культуре, расширения международных связей различного уровня в русский язык и во многие другие языки бурным потоком хлынули англо-американские заимствования, многие из которых являются новыми терминами, относящимися к сферам экономики, финансов, бизнеса, компьютерным, цифровым и космическим технологиям, к новым видам спорта. Английский язык в настоящее время стал источником абсолютного большинства заимствований в русском языке, и одна из причин этого в том, что английский язык – самый распространенный язык интернета, сказывается также и сильное влияние средств массовой информации.

В русский язык из английского языка и его американского варианта заимствованы и широко употребляются в официальных и деловых сферах коммуникации, а также в средствах массовой информации слова и термины: из сферы политики – *инаугурация, паблисити, паблик рилейшин, электорат, рейтинг, праймериз, спикер, брифинг, импичмент, лобби, спич, спичрайтер, сейшен, секьюрити, мониторинг, слоган* и др.; из сферы экономики и бизнеса – *офшор, демпинг, аудит, бартер, ваучер, брокер, дистрибьютер, маркетинг, менеджмент, офис, бизнес-ланч, бизнес-style, PR-агентство, дедлайн, дефолт, инвестор, релиз, стартап, фандрейзинг, аутсорсинг, нетворкинг, эйчар, ивент, супервайзер, промоушен, бэкграунд, андеррайтинг, релокант* и др.; в сфере интернета, компьютерной техники и IT-сфере – *сервер, браузер, баннер, принтер, сканер, сайт, файл, лайк, фейк, пейджер, блогер, хакер, геймер, юзер, дисплей, скриншот, подкаст, трафик, робототехника, дигитализация, диджитализация IT-сфера, IT-компания, IT-лексикон, 3D-печать* и др.; в сфере торговли, питания, предметов быта – *дилер, мерчендайзер, дисконт, демпинг, бонус, лонгслив, клатч, хилисы, сэндвич, панкейк, миксер, тостер, ростер, шейкер, блендер* и др.; в сфере массовой культуры и спорта – *андеграунд, бестселлер, имиджмейкер, шоу-бизнес, шоумен, клипмейкер, панк, свинг, рэп; боулинг, дайвинг, скейтборд, сноуборд, виндсёрфинг, армрестлинг, байкер, фитнес, геймплей, пенальти* и др., в сфере моды – *визажист, гламур, бермуды, хилисы, лонгслив, клатч, блейзер, бутик, тренд, кастинг, хит, art-студия* и др.

Многие из этих иноязычных слов слов уже полностью ассимилировались в русском языке и вошли в словари иностранных слов, часть новой заимствованной лексики находится еще в стадии освоения и не вошла ни в общие, ни в специальные словари русского языка. В научной литературе высказываются предложения о создании Сводного словаря заимствований из языков народов России и стран ближнего зарубежья, где будет представлена полная, разнообразная и многоаспектная информация о каждом заимствованном слове в русском языке.

Интернациональные слова

Результатом длительного исторического взаимодействия и взаимовлияния языков при возрастающей роли политических, экономических, научных и культурных связей между народами стало образование особого фонда интернациональных слов (интернационализмов), имеющихся как в родственных, так и в неродственных языках.

Интернационализмы – это слова и словосочетания, которые возникли первоначально в одном языке, и затем из него заимствовались многими другими языками мира для обозначения какого-либо понятия, совпадающие в разных языках полностью или частично по значению и

преимущественно сохраняющие общую внешнюю форму (с учетом графической, фонетической, грамматической адаптации в языке-реципиенте).

Интернационализмы обозначают актуальные для многих государств и народов понятия и составляют *международный лексический фонд.* Этот фонд постоянно пополняется номинациями новых понятий, явлений, процессов (главным образом, из области науки и техники, политики, культуры, философии, искусства, экономики, производства, юриспруденции, медицины и т.д.), возникающих в жизни современного общества. Интернациональные заимствования, в силу того что большинство из них являются терминами разных областей знания, носят книжный характер и употребляются в письменной литературной речи, например в научной и технической литературе. В языках Европы основной фонд интернационализмов составляют заимствования из латинского и древнегреческого языков, в меньшей степени это слова из других европейских языков; в языках Ближнего и Среднего Востока – из арабского и персидского языков; в языках Восточной и Юго-Восточной Азии – из китайского языка. На протяжении XX – начала XXI в. фонд интернациональной лексики активно пополнялся англо-американскими заимствованиями, этот процесс продолжается и сейчас.

Интернациональные слова относятся, прежде всего, к области специальной терминологии большинства наук и разных отраслей техники: научные термины (*атом, молекула, электрон, гипотенуза, интеграл, аппендикс, геном*), названия технических устройств (*микроскоп, телефон, спутник, интернет*), общественных институтов (*академия, республика, полиция*), спортивная лексика (само слово *спорт, футбол, армрестлинг, овертайм, серфинг*), разного рода «экзотизмы» (*самурай, томагавк* и т.п.).

Пути перехода и способы заимствования слов

Переход иноязычных элементов из одного языка в систему другого языка может осуществляться двумя путями: с помощью устной речи и через письменные, книжные источники. Наиболее ранние заимствования осуществлялись в процессе устного общения народов, как правило, находящихся в непосредственном соседстве друг с другом. При этом одним из условий был билингвизм говорящих, их способность переходить с одного языка на другой в процессе общения. При устном заимствовании слова претерпевают большие изменения в своем облике, чем при письменном. С XIX в. и особенно с конца XX в. в связи с широким распространением письменности, книгопечатания, далее усилением роли публицистики, беллетристики, СМИ, образования, науки и техники заимствование стало осуществляться преимущественно письменным путем через письменные источники.

Основными способами заимствования иноязычных единиц являются:

– *прямое заимствование* (переход иноязычного слова или фразеологического оборота в новую языковую систему с сохранением своих основных звуковых особенностей: *фильм* – англ. *film*, *альма матер* – лат. *alma mater*);

– *транскрипция фонетическая,* возможно использование термина транскрипция практическая (передача звучания и произношения иноязычного слова средствами принимающего языка: *парашют* – фр. *parachute; Шекспир* – англ. *Shakespeare*);

– *транслитерация* (передача написания иноязычного слова средствами принимающего языка, т.е. побуквенная передача иноязычного слова или оборота, записанных с помощью одной графической системы, средствами другой графической системы: *гидальго – идальго, Ватсон – Уотсон* [в каждой паре первое написание соответствует принципу транслитерации, второе – принципу транскрипции]);

– *калькирование*, скрытое заимствование (создание слова или оборота речи из элементов родного языка по иноязычному образцу путем буквального перевода, обычно по частям, слова или оборота речи).

Существует несколько типов калек:

– словообразовательные кальки и полукальки – поморфемный полный или частичный перевод иноязычного слова (лат. *Agri-cultura* – рус. *земле-делие*; нем. *Selbst-kritik* – рус. *само-критика*; англ. *sky-scraper* – рус. *небо-скреб*; рус. *антитело* – во фр. слове *anticorps* переводится только часть слова);

– семантические кальки – получение словом нового, переносного значения под влиянием иноязычного слова, в результате чего развивается полисемия (*мышь* ′приспособление для управление курсором компьютера′ под влиянием англ. *mouse*; *утонченный* ′изысканный, изощренный′ под влиянием фр. *raffiné*);

– фразеологические кальки – пословный перевод иноязычного фразеологизма по частям (нем. im Ganzen und Vollen – *целиком и полностью;* англ. *bleu stocking – синий чулок*);

– ложные кальки – возникают вследствие ошибочного понимания морфолого-семантической структуры иноязычного слова (русское название растения *орлики* ′аквилегия′ является переводом лат. *aquilegia*, ошибочно воспринятого как производое от *aquila* ′орел′).

При калькировании на лексико-семантическом уровне может ощущаться влияние интерференции, обусловленное различием семантической структуры слов (особенно в русской речи нерусских), которое выражается в нарушении сочетаемости слов (например, *бледное содержание*), субституции слов неродного языка (например, *принести подарки из Москвы* - вместо «привезти»), ошибочном употреблении в речи одного слова вместо другого, особенно при близкородственном двуязычии (например, в русской речи сербов: *было хорошее время*

вместо «погода»). Семантические кальки часто относят к разновидностям лексико-семантической интерференции.

Транскрипция и транслитерация – два способа перенести облик иноязычного слова в русский язык. Заимствование всегда является результатом прямого или опосредованного языкового контактирования в устной или письменной сфере.

Классификация заимствованной лексики

В современной науке далеко не разработан вопрос классификации заимствованной лексики. Перед специалистами еще стоит задача теоретического системного исследования пласта иноязычной заимствованной лексики в лексической системе языка и создание иерархической универсальной классификации этой части лексики языка. Академик Ю.Д. Апресян, подчеркивая современные подходы в языкознании, так обобщил свои наблюдения над лексической системой языка: «Современная семантика стремится представить *весь* словарь в его основной части как сложную *систему* единиц, организованную на основе относительно небольшого числа “сквозных” семантических признаков. Часто они специфичны для данного языка и отражают характерную для него цельную *картину мира* (ср. “образ мира по данным языка”)» [Апресян, 1999]. Тем не менее обзор научной литературы по иноязычной лексике показывает, что специалистами создавались разные классификации заимствований, построенные по типам, видам, классам и разрядам, начиная с традиционной классификации иноязычной лексики по принципу ее освоенности в языке, предложенной немецкими учеными еще в начале XX в. и достаточно долго господствовавшей в науке, – деление заимствованных слов на Lehnworter (усвоенные слова) и Fremdworter (иностранные слова). Этот метод подвергался критике разными авторами, например О.Б. Шахраем [Шахрай, 1961], за смешение формального (освоение слов) и функционального (употребительность слов) признаков, за построение на разных основаниях. «Однако взамен этой классификации не предложено ничего позитивного», – писал Л.П. Крысин в своей известной работе «Иноязычные слова в современном русском языке» [Крысин, 1968: 14].

В настоящее время в отечественном языкознании распространено разделение иноязычных слов в русском языке на следующие большие группы.

1. *Заимствованные слова* (собственно заимствования, этимологические заимствования и общеупотребительные заимствования) – полностью освоенные заимствующим языком (в фонетическом, графическом, грамматическом и семантическом отношении) слова, которые не воспринимаются носителями как иностранные, обозначают общераспространенные реалии, их иноязычное происхождение можно обнаружить лишь с помощью этимологического анализа,

они зафиксированы толковыми словарями (в русском языке – *школа* из греч., *класс* из лат., *портфель* из фр., *карандаш* из тюрк., *лампа* из греч., *костюм* из итал. через фр., *квартира* из нем., *тариф* из араб. через франц., *зал* из герм. через франц., *тарелка* из нем. через польск, *кукла* из греч., *баня* из лат., *хлеб* из герм., *чай* из кит. и др.).

2. *Иностранные слова* – не полностью освоенные заимствующим языком слова, сохраняющие следы своего иноязычного происхождения в виде фонетических, графических, грамматических или семантических особенностей, которые чужды исконным словам, имеют широкое распространение в языке-приемнике, почти все включены в толковые словари или в словари иностранных (иноязычных) слов (в русском языке – *тротуар, такси, талон, пальто, торшер* из фр., *троллейбус, фокстрот, маркетинг* из англ., *бутерброд, шпик* из нем., *танго* из исп., *аорта* из греч., *пижама* из хинди через англ. *аул, казан, чабан* из тюрк.).

Иностранные слова включают безэквивалентную лексику – слова и устойчивые выражения, которые специфичны для определенного национального языка, выражают специфические реалии и явления жизни и культуры данной нации, не имеют равнозначных соответствий в других языках и не подлежат переводу на другие языки. Безэквивалентные слова служат для выражения понятий, которые отсутствуют в другой культуре. Как правило, такие слова не переводятся на другой язык одним словом и не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. В значении безэквивалентных слов сохраняются ярко выраженные семантические компоненты, маркирующие их как чужеродные лексические единицы (в рус. яз. – *валенки, ушанка, пельмени, квас, погреб, верста*; в англ. – *beefeater, pint, double-decker, sibling, grandparents*).

В безэквивалетной лексике выделяются следующие группы заимствований:

– экзотизмы – иноязычные наименования предметов и понятий, свойственных природе, жизни и культуре других стран и народов, которые отсутствуют в жизни данного народа (*гуайява, папайя, маракуйя* – названия тропических плодов; *копкари, джорго-салыш* – конно-спортивные состязания у тюркских народов);

– этнографизмы – названия предметов или понятий, характерных для быта, хозяйства данной местности, употребеление которых ограничено определенной территорией, не имеют синонимов в литературном языке (*понёва/панёва* – вид запашной юбки в южно-русских регионах, *туес* – сосуд из бересты);

– иноязычные вкрапления – слова и устойчивые выражения, которые употребляются в текстах заимствующего языка единично или эпизодически, сохраняя свой иноязычный облик (с фонетическими и грамматическими признаками), свидетельствующий об их иносистемном

характере и принадлежности к другому языку (например, вставка в русскую речь иностранных слов *Bitte!, Please* или *Merci; Happy end* из англ. ‘счастливый конец’);

– варваризмы – иноязычные слова или выражения, наименее освоенные заимствующим языком, обычно использующиеся в стилистических целях при описании иноземных обычаев, быта, нравов, для создания местного колорита или следуя языковой моде на иностранные слова. Обычно передаются графическими и фонетическими средствами языка-источника или языка-посредника, могут употребляться в транслитерационном или даже в иноязычном написании (*табльдот, мосье/месье, грум, редингот, пфенинг, су, дао, VIP-persons, статья в «New Times»*). От иноязычных вкраплений отличаются более регулярным употреблением.

3. *Заимствования речевые* – речевые единицы, не освоенные или слабоосвоенные заимствующим языком, не входящие в лексическую систему заимствующего языка, неизвестные в литературной форме данного языка, перешедшие из других языков и функционирующие в языке-приемнике лишь как факты речи (устной и письменной), используемые на определенной территории, обычно в зоне контактирования языков. К речевым заимствованиям относят регионализмы и локализмы.

Региональные заимствования, или регионализмы, – лексические единицы, заимствованные из других языков, слабоусвоенные в заимствующем языке, территориально ограниченные по употреблению определенным достаточно широким регионом и выражающие национально-специфические понятия и реалии, общие для народов данного региона.

Как правило, регионализмы выражают национальные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике в текстах, посвященных национальной тематике, но во многих случаях, если контекст не семантизирует эти заимствования и непонятно, с какими реалиями они связаны, значения их остаются неясными (примеры в русском языке: *борук, килим, ураса, чомуч, ширдак, яшмак* из тюрк.). В текстах, посвященных национальной тематике, они выступают в качестве маркеров своей культуры, помечают этот текст и выполняют номинативную и/или стилистическую (эстетическую) функцию.

Региональная заимствованная лексика в основном отсутствует в толковых словарях или помещена в специальные словари иноязычных слов, однако далеко не в полном объеме [Юналеева, 2005 и др.]: *зиндан, каса, хирман, хурджин* и др.

Локальные заимствования, или локализмы (в том числе окказиональные заимствования, или окказионализмы), – лексические единицы, не принадлежащие лексической системе заимствующего языка, перешедшие из других языков и функционирующие в устной и/или письменной речи, слабоусвоенные или почти не освоенные в речевом употреблении, в основном непроизводные и ненормативные, малоупотребительные, территориально ограниченные зоной

одной области или района и выражающие национально-специфические понятия и реалии, присущие жителям данной области или района (примеры в русском языке из тюркских языков: *адай, жуз, кокпар, кыз куу, шабул* – казах.; *боорсок, корундук, кошеге, чилде* – киргиз.; *вахарман, дагдан, догрсша, сачак, чокай, яшули* – турк.; *ашна, махалля, сумалак, сунбул* – узб.; *сайылык, олонхосут* – якут.).

Локальные заимствования выражают национальные этнокультурные явления и понятия и вследствие этого употребляются в языке-приемнике, как правило, в устной разговорной речи, а также в текстах, посвященных местной, национальной тематике, но во многих случаях значения этих слов без специального пояснения остаются неясными (*аскиябаз, кыз-куу, пышты* и др.). Локальная заимствованная лексика практически отсутствует как в толковых словарях, так и в специальных словарях иноязычных слов.

Границы между подгруппами неосвоенных заимствований нечеткие, размытые и подвижные, в некоторых случаях трудно установимые вследствие их возможной изменчивости.

Существующие в научной литературе классификации заимствованной иноязычной лексики основаны на разных принципах и критериях. Приведем этот ряд систематического описания заимствований, который может быть взят за основу построения единой универсальной классификации заимствованной иноязычной лексики. В качестве опорных, исходных пунктов этих частных классификаций заимствований были предложены следующие основания:

1) по генетической принадлежности к языкам-источникам или к языковым семьям: индоевропеизмы (германизмы, англицизмы, галлицизмы, арабизмы, русизмы и т.п.), монголизмы, славянизмы, тюркизмы и др.;

2) по широте распространения (употребления) в языках мира: интернационализмы, регионализмы, локализмы, окказионализмы;

3) по степени освоенности в заимствующем языке: полностью освоенные, частично освоенные, неосвоенные;

4) по структуре заимствованного слова: чужая (иноязычная) форма, смешанная (иноязычные + исконные элементы) форма (полукальки), родная (исконная) форма (кальки);

5) по способам передачи графического облика заимствованного слова: собственная графическая форма (иноязычные слова), чужая (иноязычная) графическая форма (иноязычные вкрапления);

6) по лексико-грамматическим классам: заимствованные имена существительные, имена прилагательные, глаголы, междометия и некоторые другие части речи; в основном заимствуются имена существительные, которые в свою очередь делятся на: апеллятивы (имена нарицательные: термины и нетермины) и неапеллятивы (имена собственные);

7) по тематическим группам: апеллятивная заимствованная лексика представлена традиционными группами, связанными, прежде всего, с обозначением специфических для другого языка реалий и понятий (общественно-исторических, природных, культурно-бытовых и др.), неапеллятивная заимствованная лексика представлена также традиционными для ономастики группами (антропонимы, топонимы, гидронимы, этнонимы и др.);

8) по наличию в семантике заимствованного слова национально-культурного или культурно-исторического компонента: экзотизмы, варваризмы, этнографизмы, ориентализмы и т. п.;

9) по соотношению между заимствованными словами и культурными концептами или по степени концептуализации заимствований в языке-реципиенте: заимствование – концепт, заимствование – не концепт;

10) по стилистической окраске заимствованных слов: экспрессивные – номинативные, неэкспрессивные – эстетические;

11) по степени лексикографической освоенности в заимствующем языке: полностью лексикографически освоенные, частично лексикографически освоенные, лексикографически неосвоенные;

12) по времени вхождения в заимствующий язык: ранние (исторические, этимологические, старые), поздние (современные, новые, новейшие).

Данный ряд систематического описания заимствованной лексики так же, как и его предшественники, не является закрытым и исчерпывающим; он может быть продолжен и усовершенствован. Однако его предлагается взять за основу для детализации и конкретизации.

Роль заимствованных слов в языке

Как известно, заимствование иноязычной лексики – естественный, закономерный и плодотворный процесс, сопровождающий политические, торгово-экономические, культурные, научные и другие контакты народов и их языков на протяжении всей истории цивилизации. Заимствования представляют собой один из основных путей обогащения лексического состава русского языка, вбирая лексические заимствования из разных языков мира и обогащая русский язык, они пополняют его новыми словами и понятиями, способствуют обмену через лексические заимствования социально-экономической, научно-технической и культурно-исторической информацией, новые иноязычные слова сокращают время для усвоения новых понятий и явлений. Также заимствования выполняют стилистическую, эстетическую, художественно-выразительную функцию в художественной и публицистической речи с целью создания «местного колорита» или перенесения в них специфической образности, характерной для языка-источника. При этом не

нарушается основной, исконный словарь, грамматический строй и внутренние законы развития заимствующего языка. В языке художественной литературы и в некоторых публицистических жанрах в стилистических целях авторами активно используется безэквивалентная лексика, особенно экзотизмы и варваризмы, которые, выполняя художественно-выразительную функцию, могут создавать языковую картину мира другого народа: «Но *панталоны*, *фрак*, *жилет* / – Всех этих слов на русском нет», «Приходит муж. Он прерывает / Сей неприятный *têt-à-têt*…» (А. Пушкин. «Евгений Онегин»); «Перед отъездом я переселился от *табиба* в *кибитку* вдовы Начар» (К. Паустовский. «Кара-Бугаз»); «У меня есть дом, семья, *дасторкон* и ночлег» (Ч. Айтматов. «Тополек мой в красной косынке»); «На холмистом *джайляу* / Готовился *той*, / Я приехал тогда на *кокдпар* / Из столицы» (О. Сулейменов. «Доброе время восхода»); «Старик уже разостлал *сачак*, поставил *пиалы*, положил *чурек*, горкой насыпал сушеный *урюк* и *кишмиш*» (Р. Алланазаров. «Чарман-*ага»*).

Отношение общества к языковым заимствованиям

Во все времена в обществе существовало разное, неоднозначное отношение и разные подходы к иноязычным заимствованиям, бытовали крайние точки зрения на необходимость иноязычных слов в родном языке. Особенно этот вопрос обострялся в периоды усиления иноязычого влияния на родной язык другой культуры, интенсивного притока и наплыва в язык новых иноязычных элементов. Происходит это обычно во времена становления литературных языков, проявляется также в периоды важных общественных событий, когда язык претерпевает сильные изменения в лексической системе, как, например, массовый приток западноевропейской заимствованой лексики в русский язык в Петровскую эпоху. В эти периоды истории языка проявляется языковой пуризм, сторонники которого стремятся очистить литературный язык от иноязычных заимствований, неологизмов, а также от естественного проникновения в литературный язык ненормированных, внелитературных элементов (диалектных, просторечных, разговорных и т.п.). Это явление наблюдается в разных странах и характерно для многих языков.

В русской истории после реформ Петра I в русском языке появилось много заимствованных слов, в первую очередь голландского и немецкого происхождения. С приходом с конца XVII – началом XIX в. моды на все французское в русском языке появилось множество галлицизмов. Со времен Петра I было модно говорить не *победа*, а *виктория*, не *удовольствие*, а *блезир*, не *путешествие*, а *вояж*, не *вежливость*, а *политес* и т.п. А в XIX в. сторонники пуризма предлагали употреблять исконно русские слова вместо заимствованных: «топталище» вместо *тротуар*, *фортепьяно* хотели заменить словом «тихогром», бильярдный *кий* –

«шаротык», *гримаса* – «рожекорча», *галоши* – «мокроступы». Такие слова в дальнейшем не прижились в русском языке или вышли из активного употребления. В середине XIX в. развернулась борьба сторонников «нового» слога (новаторов-карамзинистов), отстаивавших сближение книжного и разговорного языка и необходимость заимствований, и «старого» слога (архаистов-шишковистов), отвергавших многие новшества в языке и отстаивавших принцип неизменяемости русского литературного языка; борьба сторонников этих двух направлений была связана, в частности, с отношением к архаизмам, славянизмам, неологизмам, иностранным словам и калькированным элементам.

Мнения влиятельных людей той эпохи также были разными. Пуристические идеи высказывал В.И. Даль, который боролся с заимствованиями, называя их «чужесловами». Засорение русского языка галлицизмами высмеял Д.И. Фонвизин в комедии «Бригадир», А.С. Грибоедов в «Горе от ума» назвал такую речь смешением «французского с нижегородским». Разумную позицию по отношению к иностранным словам занимали передовые русские писатели и публицисты. А.С. Пушкин писал: «В царствование Петра I начал он (язык) приметно искажаться от необходимости введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов» [Пушкин, 1978]. Осуждая подход архаистов, В.Г. Белинский в то же время протестовал против применения иноязычных слов без надобности: «Употреблять иностранное, когда есть равносильное русское слово, значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус» [Белинский, 1956]. В XX в. А.Н. Толстой так говорил о заимствованиях: «Не нужно от них открещиваться, но не нужно ими и злоупотреблять. Лучше говорить лифт, чем самоподымальщик, или телефон, чем дальнеразговория» [Язык мой…, 1988].

История судья в вопросе жизнестойкости заимствованных слов. Многие заимствования, отвергаемые видными деятелями XIX в. (например, *голкипер, утрировать* и др.), остались в активном словаре русского языка и даже обросли производными словами на русской почве. Критериями сохранения заимствованных иноязычных слов в употреблении в языке-приемнике является наличие двух важных условий – коммуникативная необходимость в этих словах и использование их в соответствии с функциональными и жанрово-стилистическими особенностями речи.

В современном русском языке в конце XX – начале XXI в. в связи с глобализацией, компьютеризацией, цифровизацией и массовым наплывом англо-американских заимствований во многие сферы использования русского языка вновь обострилась проблема отношения к иноязычным словам. Негативное отношение к иноязычным заимствованиям носителями языка

во многом вызывается и объясняется одновременным появлением в русском языке большого количества неясных слов и понятий, в том числе экономических и технических терминов, что затрудняет коммуникацию говорящих, расценивается носителями языка как чрезмерное засорение и порчу русского языка и как влияние чужой идеологии и культуры.

В современном русском языке прослеживается и усиливается тенденция к заимствованию слов из английского языка и его американского варианта, в основном в политической (*инаугурация*, *лобби*), финансовой (*ваучер,*, *инвестор*), технической (*блютуз, сканер*), бытовой области (*шейкер, блендер*) и молодежном сленге (*краш, кранч, кринж, изи, пранк, хайп, рофл, пруф, респект, чиллить* и др.). Здесь во многих случаях оказывают влияние факторы языковой моды. Использование иноязычных заимствованных слов, когда в языке есть русские эквиваленты, свидетельствует о проявлении языковой моды: иноязычные слова воспринимаются как престижные, красиво звучащие. Многие вошедшие в речь сегодня заимствованные слова уже не воспринимаются как нечто чужеродное, а становятся неотъемлемой частью русской лексики. Иногда отказаться от использования иноязычных слов довольно трудно, поскольку не всегда удается найти аналог в русском языке. Иноязычная лексика пользуется большей популярностью в молодежной среде по сравнению с русской (например, старое слово *магазин* и новое слово *бутик: магазин* это просто магазин, а *бутик* означает дорогой магазин модной одежды). Молодые люди относятся к использованию заимствований более положительно, чем старшие поколения. Однако, с точки зрения современной молодежи, эталоном в употреблении этих слов должна стать речь дикторов, телеведущих, которые стремились бы заменять иностранные слова русскими эквивалентами.

В языковом пуризме можно отметить как положительные стороны – заботу о сохранении и развитии самобытной национальной культуры, чистоте языка, обращении к существующим богатствам, ресурсам и возможностям родного языка, так и отрицательные стороны – формалистическое отношение к языку, антиисторичность и субъективность, непонимание и непризнание процессов поступательного развития языка как живого организма, претерпевающего естественные изменения под влиянием меняющейся ситуации в обществе и условий его существования.

Безусловно, каждый язык нуждается в защите, в заботе о чистоте языка, в поддержании культуры речи, в отказе от злоупотреблений ненужными и неоправданными иностранными словами, неуместного или неумелого использования макаронизмов (употребления иностранных слов и выражеий в искаженном виде в речи) и других негативных явлений. Однако борьба за чистоту русского языка и культуру речи, за соблюдение норм русского литературного языка, с проявлениями как пуристических, так и антинормализаторских воззрений в области речевой

культуры не должна проводиться на основе субъективно-вкусовых оценок фактов языка и без учета национально-культурных традиций.

Языковые заимствования – это результат долголетнего культурного взаимодействия разных стран и народов, которые в процессе своего общения перенимают друг у друга новые технологии, новые слова и понятия, новые термины, обогащая свой язык и свою культуру. Заимствования способствуют научно-техническому и культурному прогрессу и в целом развитию языка. Во многих развитых языках мира (английском, немецком, японском и др.) содержатся целые пласты заимствованных слов, что свидетельствует о ценности заимствованной лексики для языка и культуры народа. В большинстве случаев заимствование чужих слов сопровождает усвоение технологических, культурных, социальных и других новшеств. Отсюда проистекает большое значение заимствованных слов для истории культуры.

Языковое заимствование – естественный и закономерный процесс. Проблемы лексического взаимодействия русского языка с языками народов России, стран ближнего и дальнего зарубежья исследуются специалистами в свете теории языковых контактов, изучается история и этапы вхождения заимствованной лексики из разных языков в русский язык, дается характеристика состава и объема иноязычных заимствований в современном русском языке, их классификация, анализ их освоения в русском языке, рассматривается использование заимствований в художественной и публицистической речи в их эстетической функции, а также роль и место заимствованной лексики в формировании русской языковой картины мира и ее репрезентация в словарях русского языка. Это помогает понять нам историю русского языка, исторический путь развития русского языка и культуры народа с древних времен до наших дней.

Ключевые слова: *заимствование, русский язык, языковые контакты, язык и культура, интернациональная лексика, безэквивалентная лексика, калька, экзотизм, варваризм, языковая картина мира*

Keywords: *borrowing, Russian language, language contacts, language and culture, international vocabulary, non-equivalent vocabulary, tracing paper, exoticism, barbarism, language picture of the world*

Литература

Акуленко В В. (1980) Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков.

Алпатов В.М. (2023) Американские синонимы в японском языке //
Социолингвистика. № 2 (14). С. 56–63. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-56-63 Режим доступа: http://sociolinguistics.ru Дата обращения: 22.11.2023

Апресян Ю.Д. (1999) Теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. Сер.литературы и языка. № 4.

Ахманова О.С. (1966) Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия.

Белинский В.Г. (1956) Взгляд на русскую литературу 1847 года // В.Г. Белинский. Полное собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР. Т. X. Статьи и рецензии. 1846–1848.

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. (1972) Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л.

Брейтер М.А. (1997) Англицизмы в русском языке. М.

Будажапова Л.Б., Харанутова Д.Ш. (2023) Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолингвистика. № 2 (14). С. 64–78. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78. Режим доступа: http://sociolinguistics.ru ISSN 2713- 2951 Дата обращения: 22.11.2023

Вайнрайх У. (1979). Языковые контакты / Пер. с англ. Киев.

Василевская И.А. (1966) К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке: (На материале русского языка XVШ в.) // Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.; Л.

Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. (1990) Язык и культура. М.

Виноградов В.В. (1947) Русский язык. М.; Л.

Воротников Ю.Л. (2006) «Языковая картина мира»: Трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. № 2.

Гальди Л. (1958) Слова романского происхождения в русском языке / Пер. с фр. М.

Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте (1991). Казань: Изд-во Казан. ун-та.

Казкенова А.К. (2013) Онтология заимствованного слова. М.: ФЛИНТА. 247 с.

Ким Юань-Фу П.Л. (1973) Фонетика и орфография заимствованного слова // Зарубежное языкознание и литературоведение. Вып. 3. Алма-Ата.

Колесник Н.Г. (2021) Новейшие украинские заимствования в современном русском языке // Социолингвистика. № 4 (8). С. 47–59.

Костомаров В.Г. (1999) Языковой вкус эпохи: (Язык и время). СПб.: Златоуст.

Крысин Л.П. (1968) Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука. 208 с.

Крысин Л.П. (2004) Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры. 888 с.

Крысин Л.П. (2012) Современный словарь иностранных слов. М.

Крысин Л.П. (2020) Заимствование // Русский язык: Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА. С.183–185 (Фундаментальные словари).

Лаучюте Ю.А. (1982)Словарь балтизмов в славянских языках. Л.: Наука. 213 с.

Лотте Д.С. (1982) Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М.

Маринова Е.В. (2008) Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: Проблемы освоения и функционирования / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: ЭЛПИС.

Мелиоранский П.М. (1905) Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. X. Кн. 4.

Михайловская Н.Г. (1983) Варианты «безэквивалентной» («экзотической») лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.

Орешкина М.В. (1994) Тюркские слова в современном русском языке: Проблемы освоения. М.: Academia. 160 с.

Орешкина М.В. (2022) Лингвокультурологическое освоение тюркских заимствований в русском языке // Социолингвистика. № 1 (9). С. 47–79. DOI: 10.37892/2713–2951-1-9-47-79. Режим доступа: http:// sociolinguistics.ru ISSN 2713-2951 Дата обращения: 22.11.2023

Пизани В. (1956) Этимология: История – проблемы – метод / Пер. с ит. М.

Протченко И.Ф. (1985) Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: социолингвистический аспект. 2-е изд. М.

Пушкин А.С. (1978) О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. С. 19–24.

Розенцвейг В.Ю. (1972) Языковые контакты. М.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв.ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Степанов Г.В. (1979) К проблеме языкового варьирования. М.: Наука.

Суперанская А.В. (1962) Заимствование слов и практическая транскрипция. М.: Изд-во АН СССР.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (2007) / Отв. ред. Н.Ю. Шведова; Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник. 1175 с.

Трубецкой Н.С. (1999) Вавилонская башня и смешение языков // Н.С. Трубецкой. Наследие Чингисхана. М.

Фасмер М. (1986) Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем.; под ред. Б.А. Ларина. Т. 1–4. М.: Прогресс.

Хауген Э. (1972) Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. (1975) Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. 3-е изд, испр. и доп. М.: Просвещение.

Шахрай О.Б. (1961) К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопросы языкознания. № 2.

Юналеева Р.А. (2005) Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями. Казань: Таглимат. 172 с.

Язык и общество (2016) Энциклопедия / Гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник.

Язык мой – друг мой (1988) / Сост. Л.Т. Григорян. М.: Просвещение.

Ajdukovich, J. (2008) About notion «transconceptualization» // Cognitive Modeling in Linguistics.Proceedings of the X-th International Conference. Bechichi, Montenegro, September 06–13.

Hasan Berkcan Simsek (2023) The Contested Legacy of Borrowing: Attitudes of Turkish Speakers to Arabic and Persian Loanwords in Turkish [online] // Социолингвистика [Sociolinguistics]. No. 2 (14). Pp. 79–97. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-79-97. Режим доступа: http:// sociolinguistics.ru. ISSN 2713-2951 Дата обращения: 22.11.2023

Shibata Takeshi (1993) Gairaigo wa nihongo o midasu ka [Does the gairaigo spoil the Japanese language?] // Gairaigo. Tokyo.

Sotoyama Shigehiko (1993) Gairaigo o ukeireru shinri [Soul taking gairaigo] // Gairaigo. Tokyo.

Stanlaw, J. (2004) Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong.

References

Akulenko, V.V. (1980) Internacional'nye jelementy v leksike i terminologii [International elements in vocabulary and terminology]. Kharkiv. (In Russ.)

Alpatov, V.M. (2023) Amerikanskiye sinonimy v yaponskom yazyke [American loan-words in Japan] [online] // Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. No. 2 (14). Pp. 56–63. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-56-63. Available at: http://sociolinguistics.ru. ISSN 2713-2951 Access date: 22.11.2023(In Russ.)

Apresjan, Ju.D. (1999) Teoreticheskaja semantika v konce XX stoletija [Theoretical semantics at the end of the 20th century] // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. No. 4. (In Russ.)

Akhmanova, O.S. (1966) Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M.: Soviet encyclopedia. (In Russ.)

Belinsky, V.G. (1956) Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda [A look at Russian literature of 1847] // V.G. Belinsky. Polnoye sobraniye sochineniy: V 13 t. T. X. Stat'i i retsenzii. 1846-1848 [Complete works in 13 volumes. Vol. X. Articles and reviews. 1846–1848]. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

Birzhakova, Ye.E., Voynova, L.A., Kutina, L.L. (1972) Ocherki po istoricheskoy leksikologii. russkiy yazyk XVIII v. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya [Essays on historical lexicology Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. L. (In Russ.)

Breiter, M.A. (1997) Anglitsizmy v russkom yazyke [Anglicisms in the Russian language]. M. (In Russ.)

Budazhapova, L.B., Kharanutova, D.Sh. (2023). Zaimstvovannaya buddiyskaya leksika v mongol'skikh yazykakh [Borrowed Buddhist vocabulary in Mongolian languages] [Online] // Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. No. 2 (14). Pp. 64–78. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78. Available at:http://sociolinguistics.ru. Access date: 22.11.2023 ISSN 2713-2951

Weinreich, W. (1979) Yazykovyye kontakty [Language contacts] / Transl. from English. Kyiv. (In Russ.)

Vasilevskaya, I.A. (1966) K voprosu o formal'noy dubletnosti inoyazychnoy leksiki v zaimstvuyushchem yazyke: (Na materiale russkogo yazyka XVIII v.) [On the issue of formal doubletness of foreign language vocabulary in the borrowing language: (Based on the material of the Russian language of the 18th century)] // Protsessy formirovaniya leksiki russkogo literaturnogo yazyka [Processes of formation vocabulary of the Russian literary language]. M.; L. (In Russ.)

Vereshchagin, E.M., Kostomarov, V.G. (1990) Jazyk i kul'tura [Language and culture]. M. (In Russ.)

Vinogradov, V.V. (1947) Russkiy yazyk [Russian language]. M.; L. (In Russ.)

Vorotnikov, Ju.L. (2006) «Jazykovaja kartina mira»: Traktovka ponjatija ["Linguistic picture of the world": Interpretation of the concept] // Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]. No. 2. (In Russ.)

Galdi, L. (1958) Slova romanskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke [Words of Romance origin in Russian] / Transl. from French. M. (In Russ.)

Zaimstvovaniya russkogo yazyka v istoriko-funktsional'nom aspekte [Borrowings of the Russian language in the historical and functional aspect] (1991). Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russ.)

Kazkenova, A.K. (2013) Ontologiya zaimstvovannogo slova [Ontology of a borrowed word]. M.: FLINTA. 247 p. (In Russ.)

Kim Yuan-Fu, P.L. (1973) Fonetika i orfografiya zaimstvovannogo slova [Phonetics and spelling of a borrowed word] // Zarubezhnoye yazykoznaniye i literaturovedeniye [Foreign linguistics and literary criticism]. Issue 3. Alma-Ata. (In Russ.)

Kolesnik, N.G. (2021) Novejshie ukrainskie zaimstvovanija v sovremennom russkom jazyke [The latest Ukrainian borrowings in modern Russian] [Online] // Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. 2021. No 4 (8). Pp. 47-59. Available at: http:// sociolinguistics.ru. Access date: 22.11.2023 (In Russ.)

Kostomarov, V.G. (1999) Yazykovoy vkus epokhi: (Yazyk i vremya). [Linguistic taste of the era:(Language and time)]. [SPb.]: Zlatoust. (In Russ.).

Krysin, L.P. (1968). Inojazychnye slova v sovremennom russkom jazyke [Foreign words in the modern Russian language]. M.: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Krysin, L.P. (2004) Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike [Russian word, one's own and someone else's: Studies in modern Russian language and sociolinguistics]. M.: Languages of Slavic culture. 888 p. (In Russ.).

Krysin, L.P. (2012) Sovremennyy slovar' inostrannykh slov [Modern dictionary of foreign words]. M. (In Russ.)

Krysin, L.P. (2020 Zaimstvovaniye [Borrowing] // Russkiy yazyk: Entsiklopediya [Russian language: Encyclopedia] / Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov RAS; Under the general editorship of A.M. Moldovan. 3rd ed., revised. and additional. M.: AST- PRESS SCHOOL. 904 pp. Pp. 183–185 (Fundamental dictionaries). (In Russ.).

Lauchyute, Ju.A. (1972) Slovar' baltizmov v slavjanskih jazykah [Dictionary of Baltisms in Slavic languages]. L. (In Russ.)

Lotte, D.S. (1982) Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov [Issues of borrowing and organizing foreign language terms and term elements]. M. (In Russ.)

Marinova, E.V. (2008) Inojazychnye slova v russkoj rechi konca XX – nachala XXI v.: Problemy osvoenija i funkcionirovanija [Foreign words in Russian speech of the late XX – early XXI century: problems of development and functioning]. M.: ELPIS. (In Russ.)

Melioransky, P.M. (1905) Zaimstvovannyye vostochnyye slova v russkoy pis'mennosti domongol'skogo vremeni [Borrowed eastern words in Russian writing of the pre-Mongol period] // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk) [News of the Department of Russian Language and Literature Academy of Sciences]. Vol. X. Book 4.(In Russ.)

Mikhailovskaya, N.G. (1983) Varianty «bezekvivalentnoy» («ekzoticheskoy») leksiki [Variants of "non-equivalent" ("exotic") vocabulary] // Literaturnaya norma v leksike i frazeologii [Literary norm in vocabulary and phraseology]. M. (In Russ.)

Oreshkina, M.V. (1994) Tjurkskie slova v sovremennom russkom jazyke: Problemy osvoenija [Turkic words in modern Russian: Problems development]. M.: Academia. 160 p. (In Russ.)

Oreshkina, M.V. (2022) Lingvokul'turologicheskoye osvoyeniye tyurkskikh zaimstvovaniy v russkom yazyke [Linguistic and cultural development of Turkic borrowings in the Russian language] [online] // Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. No. 1 (9). Pp. 47–79. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-1-9-47-79. Available at: http://sociolinguistics.ru Access date: 22.11.2023. ISSN 2713-2951

Pisani, V. (1956) Etimologiya. Istoriya – problemy – metod [Etymology. History – problems – method] / Transl. from Italian. M. (In Russ.)

Protchenko, I.F. (1985) Leksika i slovoobrazovaniye russkogo yazyka sovetskoy epokhi: Sotsiolingvisticheskiy aspekt [Vocabulary and word formation of the Russian language of the Soviet era: Sociolinguistic aspect]. 2nd ed. M. (In Russ.)

Pushkin, A.S. (1978) O predislovii g-na Lemonte k perevodu basen I.A. Krylova [About Mr. Lemonte's preface to the translation of I.A. Krylov's fables] // A.S. Pushkin. Polnoye sobraniye sochineniy: V 10 tomakh [Complete works: In 10 volumes]. L.: Nauka, 1977–1979. Vol. 7. Criticism and journalism. Pp. 19–24. (In Russ.)

Rosenzweig, V.Yu. (1972) Yazykovyye kontakty [Language contacts]. M. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhalchenko; Institute of Linguistics RAS. M. 312 p. (In Russ.).

Stepanov, G.V. (1979) K probleme yazykovogo var'irovaniya [On the problem of language variation]. M. (In Russ.)

Superanskaya, A.V. (1962) Zaimstvovaniye slov i prakticheskaya transkriptsiya [Borrowing words and practical transcription]. M. (In Russ.)

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniyem svedeniy o proiskhozhdenii slov (2007) [Explanatory dictionary of the Russian language including information about the origin of words]) / RAS. Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradova; ed. by N.Yu. Shvedova. M.: Azbukovnik. 1175 p. (In Russ.)

Trubeckoy, N.S. (1999) Vavilonskaja bashnja i smeshenie jazykov [The Tower of Babel and the Confusion of Languages] // N.S. Trubeckoj. Nasledie Chingishana [Legacy ofGenghis Khan]. M. (In Russ.)

Vasmer, M. (1986) Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vol.] / Transl. from German. 2nd ed., stereotype / Ed. B.A. Larin. Vol. 1–4. M.: Progress. (In Russ.)

Haugen, E. (1972) Protsess zaimstvovaniya [Borrowing process] // Novoye v lingvistike [New ling inguistics]. Issue VI. Language contacts. M. (In Russ.)

Shansky, N.M., Ivanov, V.V., Shanskaya, T.V. (1975) Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Brief etymological dictionary of the Russian language] / Ed. S.G. Barkhudarov. 3rd ed., rev. and additional. M.: Enlightenment. (In Russ.)

Shakhrai, O.B. (1961) K probleme klassifikatsii zaimstvovannoy leksiki [On the problem of classification of borrowed vocabulary] // Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics]. No. 2. (In Russ.).

Yunaleeva, R.A. (2005) Tyurkizmy v russkoy klassike: Slovar' s tekstovymi illyustratsiyami [Turkisms in Russian classics: Dictionary with text illustrations]. Kazan: Taglimat. 172 p. (In Russ.)

Yazyk i obshchestvo: Entsiklopediya [Language and Society: Encyclopedia] (2016) / Chief ed. V.Yu. Mikhalchenko. M.: Azbukovnik. (In Russ.)

Yazyk moy – drug moy [My tongue is my friend] (1988) / Compiled by L.T. Grigoryan. M: Prosveshhenie. (In Russ.)

Ajdukovich J. (2008) About notion «transconceptualization» // Cognitive Modeling in Linguistics.Proceedings of the XInternational Conference. Bechichi, Montenegro, September 06–13. (In Russ.)

Hasan Berkcan Simsek (2023) The Contested Legacy of Borrowing: Attitudes of Turkish Speakers to Arabic and Persian Loanwords in Turkish [online] // Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. No. 2 (14). Pp. 79–96. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-79-97. Available at: http:// sociolinguistics.ru. ISSN 2713-2951

Shibata Takeshi (1993) Gairaigo wa nihongo o midasu ka [Does the gairaigo spoil the Japanese language?] // Gairaigo. Tokyo.

Sotoyama Shigehiko (1993) Gairaigo o ukeireru shinri [Soul taking gairaigo] // Gairaigo. Tokyo.

Stanlaw J. (2004) Japanese Language: Language and Culture Contact. Hong Kong.

М.В. Орешкина,
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Орешкина Мария Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Россия.
Адрес: Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация
Эл. адрес: m.oreshkina@iling-ran.ru

Oreshkina Maria Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, senior researcher at Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
Address: Bolshoi Kislovsky lane, 1/1, 125009, Moscow, Russian Federation
Email address: m.oreshkina@iling-ran.ru

Для цитирования: *Орешкина М.В*. Заимствование языковое // Социолингвистика. 2023. № 3 (15). С. 147–170 DOI:10.37892/2713-2951-3-15-147-170

For citation: *Oreshkina, M.V.* Language borrowing // Sociolinguistics. 2023. No. 3 (15). Pp. 147–170. (In Russ.) 10.37892/2713-2951-3-15-147-170

The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 16.11.2023;
accepted for publication 22.11.2023

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Требования и рекомендации к оформлению статей

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов).
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.

Образец

Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация
Адрес: 125009 Российская Федерация, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: socioling@mail.ru
Ivan Ivanovich Ivanov – Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russian Federation.
Address: Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation.
Email: socioling@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению текста:

- Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.
- Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- Использование разрядки как способа выделения не допускается.
- Переносы не допускаются.
- Абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. В обозначении DOI приводится только сам номер, адрес сайта http://www.doi.org/ указывать не нужно.
Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное

название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Примеры описания
Статья из журнала
Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции
Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)
Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.
Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс
Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.
References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

- авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация), выходные данные с обозначениями на английском языке.
- Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.
- В References // и / заменяются на точку.
-
- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

Образец
Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, 2019, Vol. 7, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.)

Примеры описания
Статья из журнала
Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika and Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and

language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russ.).

Статья из онлайн журнала
Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции
Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan, pp. 9–12. (In Russ.)

Книга (монография, сборник)
Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)
Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of modern language processes]. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс
Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd.com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 3 (15)

2023

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 20.12.2023| Published 20.12.2023
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 22,5 | Format 60x84/8. Printed sheets 22.5

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1